

Институт социальной и политической психологии НАПН Украины

На правах рукописи

СМОТРИЦКИЙ АНДРЕЙ ВАЛЕРИЕВИЧ

УДК 159.922.27:314.7.044:7.077

**ДОСУГОВО-ТАНЦЕВАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ КАК СРЕДСТВО
СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ МИГРАНТОВ**

19.00.05 - социальная психология;
психология социальной работы

Диссертация

на соискание ученой степени
кандидата психологических наук

Научный руководитель: член-корреспондент НАПН Украины
доктор психологических наук,
Найденова Любовь Антоновна

Киев – 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕРЕЧЕНЬ УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ.....	5
ВВЕДЕНИЕ.....	6
РАЗДЕЛ 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ДОСУГОВО-ТАНЦЕВАЛЬНЫХ ПРАКТИК КАК СРЕДСТВА СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ МИГРАНТОВ.....	13
1.1. Теоретические подходы к изучению социальной адаптации личности.....	13
1.2. Особенности социально-психологической адаптации различных категорий мигрантов.....	22
1.2.1. Адаптация внешних мигрантов к инокультурной среде.....	23
1.2.2. Особенности социально-психологической адаптации добровольных мигрантов к социокультурной среде мегаполиса.....	29
1.3. Социально-психологические составляющие досугово-танцевальных практик как средства взаимной социально-психологической адаптации в инокультурной среде.....	36
1.3.1. Досуговые социальные практики как основа формирования городских субкультур.....	36
1.3.2. Социально-психологические измерения досугово-танцевальных практик.....	39
1.3.3. Танцевальная стилевая импровизация как средство социализации и инкультурации.....	45
1.3.4. Адаптационный потенциал социального партнерского танца.....	51
Выводы к первому разделу.....	55
РАЗДЕЛ 2. ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ДОСУГОВО-ТАНЦЕВАЛЬНЫХ ПРАКТИК КАК СРЕДСТВА СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ МИГРАНТОВ	58

2.1. Концептуальная модель стилевого импровизационного взаимодействия как средства социально-психологической адаптации мигрантов.....	58
2.1.1. Феноменологический анализ психологических особенностей досугово-танцевальных практик как средства адаптации.....	58
2.1.2. Векторы социально-психологической адаптации в досугово-танцевальных практиках.....	65
2.1.3. Стилевая импровизация как синтез механизмов адаптации мигрантов в досугово-танцевальных практиках.....	69
2.2. Программа эмпирического исследования механизмов социально-психологической адаптации, актуализирующихся в досугово-танцевальных практиках.....	76
2.2.1. Цель, задачи и схема эмпирического исследования.....	76
2.2.2. Этапы и процедуры исследования.....	81
2.2.3. Предварительное разведывательное исследование.....	88
2.3. Тезаурус адаптационного потенциала досугово-танцевальных практик.....	102
2.3.1. Содержательный анализ тезауруса досугово-танцевальных практик.....	102
2.3.2. Психологические характеристики досугово-танцевальных практик в контексте социально-психологической адаптации: фокус-групповое исследование.....	109
2.4. Адаптивные способности личности, развиваемые в досугово-танцевальных практиках.....	116
2.4.1. Организация исследования: субъективное шкалирование психологических характеристик.....	116
2.4.2. Факторный и корреляционный анализ связи характеристик досугово-танцевальных практик и социально-психологической адаптации.....	119
2.4.3. Операционализация механизмов социально-психологической адаптации и подбор диагностических методик.....	127
Выводы ко второму разделу.....	139

РАЗДЕЛ 3. МЕХАНИЗМЫ ТАНЦЕВАЛЬНОГО СТИЛЕВО-ИМПРОВИЗАЦИОННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ МИГРАНТОВ: ФОРМИРУЮЩИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ.....	141
3.1. Организация формирующего эксперимента по использованию досугово-танцевальных практик как средства социально-психологической адаптации мигрантов.....	141
3.1.1. Организация формирующего эксперимента.....	141
3.1.2. Содержание и принципы создания тренинговой программы.....	148
3.2. Процессуальная диагностика поведенческих показателей механизмов стилево-импровизационного взаимодействия в досугово-танцевальных практиках.....	159
3.2.1. Экспертная оценка поведенческих показателей механизмов стилевой импровизации.....	160
3.2.2. Динамика изменений поведенческих показателей в ходе тренинга.....	170
3.3. Результаты формирующего эксперимента по развитию адаптивных способностей мигрантов средствами досугово-танцевальных практик.....	173
3.3.1. Динамика интегральных личностных показателей уровня и механизмов социально-психологической адаптации участников тренинга.....	173
3.3.2. Эффективность различных стратегий повышения адаптационного потенциала мигрантов в тренинге.....	178
Выводы к третьему разделу.....	183
ВЫВОДЫ.....	185
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ.....	188
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	213

ПЕРЕЧЕНЬ УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

С-ПА – социально-психологическая адаптация.

Д-ТП – досугово-танцевальные практики.

Адаптивные способности - личностные и социально-психологические качества (навыки, умения), способствующие адаптации мигрантов.

Векторы адаптации - активизируемые в Д-ТП общие векторы социально-психологической адаптации мигрантов.

МехСИ - механизмы стилевой импровизации - специфические для Д-ТП механизмы социально-психологической адаптации.

МСА – механизм самоактуализации

МСИ – механизм субкультурной идентификации

МЭС – механизм эмоционально-двигательной сонастройки

Методика «16-С-ПА» – авторская методика двойного субъективного шкалирования 16-ти качеств способствующих С-ПА и вырабатываемых в Д-ТП

Методика «С-ПА Д-ТП» – авторская методика «ой диагностики социально-психологической адаптации мигрантов средствами досугово-танцевальных практик.

Д-ТП тренинг – авторский социально-психологический танцевальный тренинг повышения адаптационного потенциала мигрантов.

ТДТ – танцевально-двигательная терапия.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. В современном глобализированном мире масштабы миграционных перемещений приобрели беспрецедентный размах и интенсивность, что обостряет проблему социально-психологической адаптации мигрантов и необходимости поиска новых ресурсов ее оптимизации в балансе между соответствием социальным требованиям и сохранением собственной индивидуальности при самореализации.

Проблема социально-психологической адаптации личности (С-ПА) и определение ее общих закономерностей представлены в трудах А. А. Налчаджян, Б. Д. Парыгин, А. А. Реана, М. В. Ромма, В. А. Ядова и многих других ученых. Особое внимание современных исследователей привлекают вопросы социокультурного характера процесса адаптации на фоне ослабления влияния этнокультурных факторов в социальной среде мегаполиса (Т. В. Семенова, Т. Г. Стефаненко, Н. А. Шалхарбекова, Дж. Берри, С. Милграм, Р. Парк и др.) большей ориентированности добровольных мигрантов в мегаполисе на саморазвитие и приверженность гедонистических ценностей, чем вынужденных переселенцев и беженцев (А. Е. Блинова, Э. Динер, Д. Канеман, Н. Шварц) адаптационного потенциала такого сугубо городского феномена как досуговые субкультуры (А. А. Варфоломеева, Ю. М. Симаев, М. Аргайл). В то же время недостаточное внимание в этом контексте уделено рассмотрению роли повседневных досуговых практик (А. Д. Жарков, С. С. Шугальский), в том числе досугового-танцевальных практик (Д-ТП), которые достаточно изучены в аспекте коммуникативного взаимодействия (Н. И. Веремеенко, Н. А. Ткачук, Д. А. Толстова), гармонизации психических состояний (Н. В. Каневская, Н. А. Мартынова, Л. В. Мова, Т. А. Шкурко), социально-психологической танцевально-двигательной терапии (К. В. Аксененко, М. А. Баскакова, И. В. Вачков, Н. И. Веремеенко, А. Е. Гиршон, В. В. Козлов). Тем более, что феномен небывалого стихийного расцвета социальных парных танцев в начале и в конце XX века (танго в Рио де ла Плата, свинг в США, сальса почти по всему

миру), который совпал с массовыми миграциями населения, не получил должного освещения в психологической науке. Социальная значимость проблемы и ее недостаточная научная разработанность обусловили выбор темы исследования.

Связь работы с научными программами, темами, планами. Работа выполнена в рамках научной тематики лаборатории психологии массовой коммуникации и медиаобразования Института социальной и политической психологии НАПН Украины «Социально-психологические и психолого-педагогические условия организации медиаобразования молодежи» (№ госрегистрации 0114U001514). Тема диссертационной работы утверждена (протокол № 2/13 от 7 февраля 2013) на заседании ученого совета Института социальной и политической психологии НАПН Украины. Тема согласована на бюро Межведомственного совета по координации научных исследований по педагогическим и психологическим наукам в Украине (протокол № 4 от 23.04.2013 г.).

Цель исследования: выявление присущих досугово-танцевальным практикам механизмов социально-психологической адаптации добровольных мигрантов в мегаполисе, которые могут повысить адаптационный потенциал личности.

Задачи исследования:

1. Осуществить теоретический анализ социальной адаптации личности, обобщить опыт исследования досугово-танцевальных социальных практик в контексте их влияния на социально-психологическую адаптацию добровольных мигрантов в мегаполисе.

2. Определить механизмы социально-психологической адаптации мигрантов, присущие досугово-танцевальным практикам и эмпирически подтвердить взаимосвязь социально-психологических и личностных качеств, а также поведенческих паттернов (адаптационного потенциала личности), которые развиваются в досугово-танцевальных практиках и способствуют социально-психологической адаптации.

3. Разработать и апробировать социально-психологический танцевальный тренинг повышения адаптационного потенциала мигрантов, подтвердить эффективность действия механизмов адаптации в досугово-танцевальных социальных практиках на основе статистически значимых изменений адаптивных способностей участников формирующего эксперимента.

Объект исследования: социально-психологическая адаптация мигрантов.

Предмет исследования: досугово-танцевальные практики как средство оптимизации социально-психологической адаптации добровольных мигрантов.

Методы исследования. Для решения поставленных задач был использован комплекс методов:

- *теоретические* - системный анализ, анализ научных источников, синтез, обобщение, сравнение полученной информации по различным аспектам исследуемой проблемы - для определения концептуальных основ исследования социально-психологической адаптации мигрантов и ее механизмов, специфических для досугово-танцевальных практик;

- *эмпирические* - включенное наблюдение, глубинное интервью, фокусированное групповое интервью, опрос, тестирование, контент-анализ, экспертная оценка - для выявления тезауруса адаптационного потенциала досугово-танцевальных практик; на формирующем этапе разработана и апробирована программа социально-психологического тренинга, осуществлена экспериментальная проверка его эффективности.

Психодиагностическими методами исследовались: уровень социально-психологической адаптации по методике «Диагностика социально-психологической адаптации» К. Роджерса и Р. Даймонд; социально-психологические механизмы адаптации, присущие Д-ТП – по авторской методике двойного субъективного шкалирования 16-ти качеств (методики «16-С-ПА») и стандартизированным методикам: «Диагностика уровня эмпатических способностей» В. В. Бойко, «Диагностика самоактуализации личности» А. В. Лазуркина в адаптации Н. Ф. Калиной (САМОАЛ), «Цвето-ассоциативная методика» А. Н. Парачева (ЦАМ). Досуговотанцевальные показатели механизмов

адаптации измерялись по авторской методике процессуальной диагностики - экспертная оценка поведенческих показателей механизмов адаптации, присущих Д-ТП («С-ПА Д-ТП»). Использовались также опрос добровольных и экономических (трудоустроенных) мигрантов в форме ассоциативного эксперимента, методика шкалирования социальной дистанции (модифицированная Шкала Е. Богардуса), авторская анкета досуговых предпочтений и представлений о сформированных в танцах социально-психологических и личностных качествах, контент-анализ Интернет-ресурсов, тест М. Куна и Т. Мак-Партланда «Кто Я?», методика «Незаконченные предложения» (В. Б. Ольшанского и С. Г. Климовой).

- *методы математической статистики*: t-критерий Стьюдента, t-критерий Уилкоксона - для определения статистически значимых различий в проявлении каждого механизма до и после эксперимента, факторный анализ - для уменьшения размерности исходных данных и выделения структуры тезауруса адаптационного потенциала досугово-танцевальных практик, корреляционный - для анализа механизмов адаптации через адаптивные способности. Обработка данных выполнялась по пакету программ SPSS (версия 22.0).

Научная новизна исследования:

- впервые:

- разработана концептуальная модель стилевого импровизационного взаимодействия как средства социально-психологической адаптации мигрантов, описывающая кумулятивное действие в досугово-танцевальных практиках механизмов социально-психологической адаптации (самоактуализации, субкультурной идентификации, эмоциональной сонастройки), и раскрывает роль импровизирования в соответствии с выбранным стилем танца как средства развития адаптивных способностей мигрантов в более широком социальном контексте;

- предложено новое определение досугово-танцевальных практик как межличностного и межкультурного взаимодействия, что способствует привлечению мигрантов в процесс социальной интеграции с представителями

принимающей культуры и личностному росту в период изменения социальной среды;

- выявлены особенности социально-психологической адаптации добровольных мигрантов мегаполиса, для которых особое значение, в отличие от вынужденных переселенцев и беженцев, приобретают такие критерии адаптированности как самореализация в субъект-субъектном контексте взаимодействия, ориентация на саморазвитие и гедонистические ценности, что делает досугово-танцевальные практики адекватным средством содействия адаптации именно этой категории мигрантов;

- *уточнено* понятие социально-психологической адаптации мигрантов через выделение ключевых ее векторов: самореализации, субкультурной идентификации, субъект-субъектной сонастройки, которые отражают основные тенденции течения процесса в иной социокультурной среде мегаполиса;

- *получили дальнейшее развитие представления о:*

- адаптивных способностях личности в контексте досугово-танцевальных практик, включающие аутентичность движения, социальную креативность, тактильное доверие, конгруэнтность, кинестетическую эмпатию, динамическую интуицию, стилевое соответствие, ритмическую групповую активность, диадное взаимодействие;

- социально-психологическом содержании практик социальных парных танцев (social dance) как формы субкультурной трансляции социально-культурных норм межличностного взаимодействия мигрантов с местным населением принимающей страны;

- танцевальных практиках не только как о средстве танцевально-двигательной психотерапии, а как о социокультурном феномене.

Практическое значение работы состоит в том, что основные теоретические положения и сформулированные по результатам исследования выводы могут найти применение при разработке комплексных программ социально-психологической помощи и сопровождения мигрантов; использованы в работе социальных служб, государственных структур, общественных

организаций, различного рода центров по оказанию психологической помощи населению, а также в подготовке специалистов, занимающихся проблемами взаимной адаптации мигрантов и местных жителей. Теоретический и эмпирический материал может стать полезным в процессе разработки и преподавания учебных курсов по социальной и общей психологии, психотерапии и специальных курсов, в частности: по танцевально-двигательным методам, танцевальной терапии и др. Разработанная программа социально-психологического танцевального тренинга, подтвердила эффективность и может быть рекомендована специалистам для использования в практической работе с мигрантами; предложенные методы диагностической оценки воздействия Д-ТП на адаптацию мигрантов могут быть использованы для отслеживания эффективности целенаправленной работы по оптимизации процесса социально-психологической адаптации мигрантов.

Апробация и внедрение результатов исследования. Основные теоретические положения, результаты эмпирического исследования и выводы работы докладывались на Международной междисциплинарной научно-практической конференции «Пространство Арт-терапии» (Киев, 2013, 2014, 2017 гг.), Международной научно-практической конференции «Пси-фактор» (Киев, 2013, 2014 гг.), Четвертой международной научной конференции «теоретические проблемы этнической и кросскультурной психологии» (Смоленск, 2014 г.), международной научно-практической конференции «Социализация личности в условиях системных изменений: теоретические и прикладные проблемы» (Киев, 2015 г.), XI Конгрессе антропологов и этнологов России (Екатеринбург, 2015 г.), Круглом столе МОО «Международный союз» на тему «Социальная интеграция иностранцев и представителей национальных меньшинств в украинский социум» (Киев, 2016 г.), заседаниях лаборатории психологии массовой коммуникации и медиа-образования Института социальной и политической психологии НАПН Украины (2013-2016 гг.). Представлены мастер-классы «Как чувствовать и понимать партнера без слов», «Он и она. В поисках взаимопонимания и доверия» в ходе Международных научно-практических конференций «Пси-фактор» (Киев,

2013, 2014 гг.) и мастер-класс «Арт-терапевтические техники в досуговых-танцевальных практиках» на Международной междисциплинарной научно-практической конференции «Пространство Арт-терапии» (Киев, 2014 г.).

Результаты диссертации **внедрены** в проектах ООО «ИнгДивижн» (справка от 17.12.2015), ООО «New Century Development» (справка №12 от 7.10.2014), студии танца «ADance» (Израиль) (справка №4 от 3.4.2015), Школы танца «Danzarin» (Украина) (справка №7 от 3.11.2016), ООО «Арт-терапевтическая ассоциация» (Украина) (справка №18 / 17 от 23.02.2017). Разработанный социально-психологический танцевальный тренингповышения адаптационного потенциала мигрантов успешно реализовывался в течение трех лет (2013-2016) в городах Тель-Авив и Киев. Также данный тренинг представлялся на отдельных семинарах.

Публикации. Основное содержание работы отражено в 11 публикациях, из них 6 статей - в научных изданиях МОН Украины, 3 из которых в изданиях, включенных в международные наукометрические базы.

РАЗДЕЛ 1

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ДОСУГОВО-ТАНЦЕВАЛЬНЫХ ПРАКТИК КАК СРЕДСТВА СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ МИГРАНТОВ

В этом разделе представлен анализ основных подходов к пониманию феномена социальной адаптации личности, раскрыты сущность и содержание социокультурной адаптации добровольных мигрантов в мегаполисе, особенности социально-психологической адаптации (С-ПА). Рассмотрены досуговые социальные практики как основа формирования городских субкультур, проведен анализ социально-психологических характеристик досугово-танцевальных практик (Д-ТП), позволивший говорить об их адаптационном потенциале.

1.1. Теоретические подходы к изучению социальной адаптации личности

Осуществление желания каждого человека реализовать личностный потенциал, найти свое место в жизни, состояться профессионально во многом зависит от адаптивных способностей личности проявляющихся в ходе установления взаимодействия с социальной средой и обеспечивающих основу для принятия социальных норм и ценностей как ориентиров и критериев для своей деятельности. Только вступая во взаимодействие с внешней средой, самореализуясь в социуме, человек как биопсихосоциальная система может развиваться. Исторически сложилось, что процесс согласования ценностей, норм, позиций личности и социума принято называть социальной адаптацией личности [45, 116]. Не прекращаются споры относительно того, насколько уместно применение самого термина «адаптация», первоначально возникшего в биологических науках и медицине [21, 168], к описанию процесса налаживания взаимодействия личности с социальной средой.

Несмотря на то, что с одной стороны, по мнению немецкого автора психоаналитической концепции адаптации Г. Гартманна, задача адаптации к социальному окружению встает перед человеком с момента его рождения [214], а с другой, процесс адаптации длится всю жизнь, «бесконечно» [140], ученые стали заниматься изучением проблем социальной адаптации лишь с конца XIX века, в связи с началом эпохи ускорения ритма социальных изменений в мировом сообществе (социальных катастроф). При этом до сих пор понятие «социальная адаптация» четко не определено. С психологической точки зрения, подобная неопределенность обусловлена как наличием различных подходов к изучению личности: биогенетический, социогенетический и психогенетический (персоногенетический), так и различными течениями (концепциями) внутри этих подходов, разрабатываемых в рамках различных научных школ.

Различия в подходах к определению социальной адаптации разными авторами, а также употребление этого термина с разными смысловыми оттенками, привело даже к тенденции отказа от употребления понятия адаптация [158, 197]. Так, М. С. Яницкий для обозначения процесса принятия человеком ценностей социальной среды использует термин «социализация», как имеющий более устоявшееся и более общее значение [197]. А. К. Осницкий заявляет, что употребляет термин «адаптация» отдавая дань привычному его использованию. Ссылаясь на высказывания Н. А. Бернштейна о неадаптивности поведения человека, который не адаптируется к ситуации, а ее преодолевает, А. К. Осницкий подчеркивает необходимость изучения субъектной, «авторско-режиссерской» активности личности, которая помогает человеку «быть относительно независимым и от ограничений природной обусловленности поведения, и от социального давления» [119, с. 46]. Подобные мысли высказывались также Д. Б. Богоявленской [28], В. А. Петровским [133], Л. И. Анцыферовой [10], Д. А. Леонтьевым [84], В. А. Татенко [161] и др.

Опираясь на многочисленные работы, посвященные общетеоретическому анализу концепций социальной адаптации [45, 85, 98, 114, 132, 138, 140, 142, 160, 197] целесообразно рассмотреть становление понятия социальная адаптация в

соотношении с близкими понятиями «социализация» и «личностный рост», через призму исторических изменений, произошедших как в социальной жизни общества, так и в психологической науке (в рамках основных психологических школ), стремящейся отражать эти изменения социума.

В спорах относительно связи понятий социальная адаптация и личностное развитие существовала тенденция противопоставления. Среди ее сторонников характерно высказывание К. Домбровски, считающего, что способность всегда приспосабливаться к новым социальным условиям свидетельствует о моральной и эмоциональной незрелости человека, отсутствии иерархии ценностей и такой жизненной позиции, которая не содержит в себе компонентов, необходимых для личностного развития и творчества [197]. Существование этой позиции вызвано различными трактовками понятия «адаптация» в разные исторические периоды, в частности, как усвоение необходимых для жизнедеятельности норм, стереотипов, стандартов, с помощью которых человек приспосабливается к повторяющимся обстоятельствам жизни [85].

В первоначальном смысле термин «социальная адаптация», как приспособление применим сейчас, пожалуй, только к таким закрытым обществам как тюрьма, армия, монастырь, спортивная команда, археологическая экспедиция и др., где существуют жесткие стандарты поведения [175]. На сегодняшний день, подобная точка зрения отражает лишь одну из стратегий адаптации - конформное приспособление способное обеспечить ситуативный выход из кризиса, но не охватывает в полной мере суть социальной адаптации. Значительная эволюция понятия «социальная адаптация», произошедшая со времени его введения, в немалой степени объясняется глобализацией социальных процессов, большей открытостью, свободой и аморфностью современных обществ. Таким образом, сам объект адаптации – социальная среда, претерпел существенные изменения.

Функционалистское, бихевиористское, а в последствии и необихевиористское определение адаптации в работах Г. Айзенка его коллег и последователей (Б. Ф. Скиннер, А. Бандура, Р. Уолтерс и др.) строилось исходя из понимания социальной среды как жесткой нормативно-структурированной,

характеризующей закрытые общества [114, 138]. Представители психоаналитической концепции адаптации, несмотря на существенный вклад в теорию личности, в частности: признание большого значения конфликтов в развитии личности, раскрытия и описания системы защитных механизмов [140], различения двух разновидностей адаптации (аллопластическая и аутопластическая) по сути, характеризовали особенности взаимодействия личностных подструктур и трактовали социальную адаптацию как результат, достижения гомеостатического равновесия личности с требованиями окружения (Г. Гартман, Г. Селье, З. Фрейд, А. Фрейд, Э. Эриксон).

В связи с этим, тенденциями более позднего времени, отражающими социальные изменения и массовые миграции населения после второй мировой войны, явилось введение новых терминов, призванных уточнить понятие социальная адаптация и наполнить его новым смыслом, который снимает противопоставление с личностным развитием. Сторонниками интеракционистской концепции предложено рассмотрение явления социальной адаптации в русле тенденции разделения понятий приспособления (*adjustment*) и непосредственно адаптации (*adaptation*) (Л. Филипс, Т. Шибутани и др.) [183, 225], проводится различие между ситуативной адаптацией и общей адаптацией, а также вводится идея социальной активности личности, имеющей творческий и преобразующий характер [114]. Первичное понятие адаптации, означающее «пассивное» приспособление с конечной целью – гомеостатического равновесия и отсутствия конфликтов закрепляется за термином приспособление (*adjustment*), а понятие собственно адаптации (*adaptation*) благодаря представителям гуманистического направления, расширяет свое значение к построению системы плодотворного взаимодействия человека и среды с целью самоактуализации личности в реальной социальной среде [118, 138] «адаптивно-адаптирующей системе» [94].

В рамках гуманистической психологии (А. Маслоу, К. Роджерс, Е. Фромм, В. Франкл) человек рассматривался как субъект собственной жизни, что проявилось в таких терминах, как самоактуализация, саморазвитие, самовыражение, самораскрытие и др. [186]. В качестве целей адаптации

указываются достижение психического благополучия, соответствие ценностей личности и социума, развитие у адаптирующегося определенных личностных качеств, т.е. адаптация рассматривается как способность личности [72].

В советской психологии в рамках деятельностного подхода, субъектно-деятельностного подхода и психологии субъекта (Б. Г. Ананьев, С. Л. Рубинштейн, А. Н. Леонтьев, К. А. Абульханова-Славская, С. А. Ларионова, А. К. Осницкий, А. В. Брушлинский и др.) определяющим условием адаптации является деятельность. К объективным показателям социально-психологической адаптации обычно относилось все, что в той или иной мере связано с деятельностью или изменением круга общения [116]. А. В. Петровский считал, что «в самом общем виде развитие личности человека можно представить как процесс ее вхождения в новую социальную среду и интеграции в ней» [132, с. 22]. В подобном контексте адаптацию с личностным развитием связывают также российские психологи [54, 61, 116], заявляя, что социальная адаптация является важной социально-психологической составляющей развития личности.

При выборе системной модели адаптации (в противовес гомеостатической) - каждый последующий адаптивный процесс повышает общий уровень функционирования личности, делая ее всё более независимой от колебаний внешней среды [98]. В то время, как длительная приверженность к конформистской стратегии адаптации может формировать склонность к систематическим ошибкам поведения, обрекая человека на постоянные реадаптации [98, 114]. Мы считаем, что решение одной из самых острых проблем теории адаптации (противоречие между гомеостатическим идеалом адаптированной системы, характеризующимся стремлением к покою и равновесию и идеалом непрерывного движения, как условия жизни со стремлением к изменению и развитию [98]) не должно идти по пути противопоставления и взаимоисключения гомеостатической модели и модели развития, точно также как адаптация не может рассматриваться как отдельный процесс, только предвосхищающий будущее развитие личности.

Стратегиальный подход в изучении адаптации развивается в зарубежной психологии начиная с 1960-х гг. в связи с проблематикой совладающего (преодолевающего) (coping) поведения. Подчеркивается отличие специфики копинга от защитных механизмов. Также утверждается, что активное изменение, разрешение ситуации ведет к накоплению опыта преодоления и в конечном итоге – к личностному росту (Л. И. Анцыферова, Т. Л. Крюкова, Р. Лазарус, А. Маслоу, С. Фолкман, Н. Хаан) [159]. Более того, в рамках стратегиального подхода можно переосмыслить работы о роли интеллекта в социальной адаптации (выбор разных стратегий адаптации в зависимости от уровня развития интеллекта). Отмечалась роль эмоционального (социального) интеллекта как ключевого фактора социально-психологической адаптации [4, 13, 19, 121, 169]. В контексте настоящей работы важно отметить, что, являющаяся предвестником нынешнего определения EQ, концепция «Интеллект успеха», разработанная Г. Гарднером среди семи частей выделяет музыкальный и телесно-кинестетический интеллекты [209]. Также согласно когнитивистской парадигме (в русле которой была сформирована теория социальной идентичности Г. Тэджфела и Дж. Тернера), базис идентичности, или «Я-концепции», «лежит» на двух основаниях: личностная идентичность (осознаваемые индивидуальные особенности) и социальная идентичность (принадлежность к какой-либо социальной общности).

Ту или иную стратегию интерпретации социальной реальности и тем самым вектор социальной адаптации человека задает Я-идентичность [142]. По мнению Абрахама Маслоу «хорошо приспособиться к миру реальности значит принять раскол своей личности» [95, с. 180], который проявляется в кризисе, а затем и позитивной трансформации личностной и социальной идентичности [40]. Вообще кризис идентичности является неизбежным этапом, своеобразный маркер процесса адаптации к новым условиям жизни [45, 47, 91, 101]. Успешное преодоление кризиса идентичности способствует обретению личностью новой, более зрелой идентичности [91]. Внутреннее противоречие структуры идентичности в стремлении человека к уникальности, с одной стороны, и желании быть принятым значимым социальным окружением, с другой [102, 138].

Благодаря идентичности «в самосознании личности гармонично уживаются индивидуальное и коллективное, что способствует максимально успешной адаптации человека к социуму» [102, с. 30]. Смысл этих тезисов лег в основу разработанных векторных моделей адаптации Дж. Берри [199], Л. В. Корель [72], А. А. Реана [138], М. В. Ромма [142], Д. И. Фельдштейна [170], а также модели социально-культурной интеграции Д. В. Шамсутдиновой [180] и др.

Формирование позитивной идентичности является ключевым моментом для достижения оптимальной адаптированности. Психологический смысл трансформации идентичности – стать, а не казаться. Суть процесса социально-психологической адаптации подразумевает соотнесение себя с субъектами социальной среды, принадлежность, сопричастность и идентификацию с ними [45, 46, 83, 102].

Необходимо учитывать, что «Я-концепция» в целях приспособления к различным ситуациям регулирует поведение человека, делая более выраженным осознание либо социальной, либо личностной идентичности. В. С. Агеев отмечает, что большая выраженность в самосознании социальной идентичности влечет за собой переход от межличностного поведения к межгрупповому. При этом, межгрупповое контролируется восприятием себя и других с позиций принадлежности к социальным категориям, воспринимаемым различием между теми, кто относится к разным группам [3]. Выход из ситуации нам видится в уравнивании выраженности в самосознании человека социальной и личностной идентичности. Процесс социально-психологической адаптации можно считать завершенным, если условный партнер по взаимодействию будет рассматриваться как уникальный субъект взаимоотношений, а не представитель какой-либо аут- или ингруппы с присущими ей характеристиками и, как следствие, атрибутироваться социальными стереотипами – основы предрассудков и дискриминационного поведения [101, 102].

Психологические аспекты интеграции человека в социальные группы традиционно рассматриваются в контексте развития понятия социализация. Соотношение достаточно близких понятий «социальная адаптация» и

«социализация» также заметно отличается у различных исследователей [9, 26, 40, 70, 114, 128, 132, 140, 197], несмотря на то, что описываемые ими процессы тесно взаимосвязаны, так как отражают единый процесс взаимодействия личности и общества.

В социальной психологии камнем преткновения в понимании соотношения в определениях адаптации и социализации можно считать вопрос интериоризации. Согласно мнению ряда ученых (А. И. Ковалева, Р. Мокшанцев, А. Мокшанцева, Е. П. Никитин и др.) процесс социализации предполагает превращение в собственные ценности, ориентации и установки (интериоризация) социальных условий, элементов культуры и норм. Адаптация же предполагает лишь ознакомление со всеми вышеперечисленными категориями и адекватное ситуации оперирование с ними [26, 114, 116]. Имея ввиду, что именно в процессе социализации происходит становление социальной идентичности [170], данные авторы исключают наличие психологических изменений в ходе адаптации, что фактически ставит под сомнение наличие предмета социальной психологии в подобной трактовке термина «адаптация». Если же допустить, что процесс адаптации включает в себя интериоризацию (аспект личностного роста), то его, в этом контексте, можно считать тождественным процессу социализации и составной частью процесса развития личности.

Представители социологического подхода нередко отождествляют понятия «адаптация» и «социализация», причем сущность процесса адаптации, по их мнению, заключается в содержательном, творческом приспособлении индивида к условиям жизнедеятельности [70].

По нашему мнению, выделение ключевых векторов, детерминирующих личностные изменения, возникающие во взаимодействии личности и социума - социальной идентификации и самоактуализации - наглядно демонстрируют суть процесса социальной адаптации.

Выделение рядом исследователей, таких феноменов адаптации, как этапы, стратегии, векторы, в большинстве случаев приводит к акцентированию внимания на внутриличностной составляющей адаптирующегося субъекта, игнорированию

взаимности процесса [40, 45, 160]. Социальная адаптация как феномен возникает при взаимодействии двух систем – личности и социальной среды [234]. При этом работ, изучающих «адаптирующую способность группы», как активного участника адаптивного взаимодействия, а не как среды, к которой приспособливается человек, крайне мало [83, 86, 160]. А ведь социальная адаптация происходит лишь, когда социальная среда способствует реализации потребностей и стремлений личности, содействует раскрытию и развитию ее индивидуальности [45, 157]. А. В. Петровский вскрывает противоречие между потребностью личности в персонализации и объективной заинтересованностью референтной для индивида общности, принимать лишь те проявления его индивидуальности, которые соответствуют задачам, нормам и условиям ее функционирования и развития [132]. Подобное противоречие еще на заре XX века выделяли Э. Богардус [25], Р. Лапьер [220], У. Томас и Ф. Знанецкий [157] и др.

Этот вектор двустороннего воздействия (взаимодействия) можно назвать рабочим термином – субъект-субъектная сонастройка, в котором, прежде всего, важен эмоциональный компонент, являющийся и новообразованием (прежде всего качеством личности, входящим в конструкт «эмоциональный интеллект» - эмпатия) и вектором процесса. Именно эмоциональная основа межличностных отношений особенно подчеркивается в социометрическом подходе [89, 172].

Эмпатия, как сопереживание текущему эмоциональному состоянию другого человека и умение в связи с этим изменить собственное поведение, отмечалась рядом исследователей [44], как важная адаптивная способность. Автор волновой концепции воспитания Н. А. Кузнецова определяет сонастройку как механизм резонансного согласования индивидуальных и социальных норм, способствующий разностороннему развитию гармоничной личности и формированию субъект-субъектного типа отношений [75]. Таким образом, можно говорить о третьем векторе - *субъект-субъектная сонастройка*, который определяет характер взаимодействия сторон в процессе адаптации.

Наполнение понятия социальной адаптации новым смыслом и соотнесение с другими феноменами (личностное развитие и социализация) обосновывает

переход к термину «социально-психологическая адаптация» (С-ПА), который наиболее адекватно отражает суть процесса согласования целей, задач, ценностей, норм, позиций взрослого человека и социума: «социальная», как внешняя сторона взаимодействия и «психологическая», как внутренняя сторона личностных трансформаций идентичности [13, 36, 44, 45, 69, 46, 57, 79, 80, 82, 83, 91, 98, 113, 114, 116, 121, 127, 138].

Таким образом, термин «социально-психологическая адаптация» описывает оптимальный процесс интеграции человека в социальную среду, обеспечивающий самоактуализацию личности в гармонии с реальным социумом, снимает противоречие между гомеостатической моделью адаптации и личностным развитием, подразумевающим трансформацию идентичности. Двусторонний характер С-ПА должен учитываться в построении эмпирических исследований. В соответствии с процессуальным подходом авторская модель адаптационного потенциала базируется на трех выделенных в результате теоретического анализа ключевых векторах адаптации: социальной идентификации, самореализации, субъект-субъектной сонастройке.

1.2. Особенности социально-психологической адаптации различных категорий мигрантов.

Для того чтобы на основании теоретического анализа выявить особенности С-ПА добровольных мигрантов в мегаполисе необходимо: проанализировать особенности адаптации мигрантов с учетом специфики инокультурной среды страны-реципиента; прояснить социализирующую функцию культуры вообще, а также территориальных и досуговых субкультур в частности; рассмотреть особенности адаптации добровольных мигрантов в отличие от вынужденных переселенцев, лишенных под давлением обстоятельств возможности самостоятельного выбора досуга; исследовать характеристики уникальной социокультурной среды мегаполиса – места преимущественной концентрации добровольных мигрантов.

1.2.1. Адаптация внешних мигрантов к инокультурной среде. Всплеск миграции, характерный для современного мира, актуализирует проблему адаптации людей к другой культурной среде. Отмечая существование неразрывной связи между поведением личности, ее мыслями, чувствами, мотивами, установками и культурой, на ценностях которой она выросла [65], исследователями наиболее отчетливо подчеркивается социокультурный аспект проблемы адаптации мигрантов [22, 45, 82], наряду с другими подходами к изучению данного вопроса, в частности через анализ психотравмирующих факторов [45, 83, 98, 157, 177, 179, 198], исследование циклов (этапов, стадий, фаз) адаптации мигрантов [98, 177], стратегий адаптации [22, 186, 206] и др.

Поскольку социальная адаптация это процесс, имеющий перманентный характер, а не возникающий исключительно в момент, чрезвычайных событий для мигрантов, переехавших на постоянное место жительства за границу, она не является чем-то принципиально новым, экстраординарным, ранее неизведанным (особенно в условиях общего повышения динамики жизни и движения в сторону постмодернистского уклада), несмотря на то, что имеет свои специфические особенности, связанные, прежде всего, с освоением культурных различий новой социальной среды. Отмечается, что «внутренним источником социокультурной адаптации является несоответствие освоенных, привычных форм и способов культурной деятельности новым потребностям и возможностям адаптантов в условиях изменившейся социо-культурной среды» [45, с. 18].

Исследования по проблеме адаптации к новой культурной среде стали наиболее популярными в послевоенный период 50-х гг. XX века. Тогда, для обозначения комплекса симптомов при адаптации к новой культуре, было введено понятие - «культурный шок» [224]. С. Бочнер, К. Оберг и А. Фернхэм выделяли симптомы, проявляющиеся при контакте с незнакомой культурой [171, 224]. Стефен Бочнер и Адриан Фернхэм в частности заявляли, что опыт новой культуры может быть неприятным или шоковым, потому что неожидан и может привести к негативной оценке собственной культуры [171]. Впоследствии Дж. Берри (опираясь на теории психологического стресса) предложил

использовать вместо понятия «культурный шок» термин «стресс аккультурации» [199], который точнее отражает позитивную сторону процесса адаптации мигрантов: оценку положения и выбор стратегии выхода из стрессовых ситуаций. При этом не акцентируется внимание на отрицательных симптомах и достигается понимание того, что источником проблем (и пространством их преодоления) является не собственно культура, а межкультурное взаимодействие.

Существует множество понятий и определений, призванных охарактеризовать специфику адаптации человека к другой культурной среде, как то: межкультурная адаптация, этнокультурная адаптация, инокультурная адаптация, кросскультурная адаптация (cross-cultural adaptation), которые, по мнению Я. Кима, являются синонимами [219]. А учитывая мнение В. В. Гриценко, Дж. Берри и др. о том, что в качестве синонима социокультурной (или межкультурной) адаптации в науке также употребляется такое понятие, как «аккультурация» [22, 45, 199, 238] мы понимаем, что «круг замкнулся» и речь идет о характеристике одного и того же явления.

Роль культуры в процессе социальной адаптации и социализации рассматривалась в разных областях психологии, культурологи, педагогики, антропологии [22, 41, 85, 86, 94, 97, 100, 104, 105, 135, 145, 180, 193]. С позиции культурной психологии культура задает сценарии того, «как быть» в культурном сообществе и конкретных социальных контекстах [85]. Влияние культуры на человеческое поведение изучает также кросс-культурная психология. В педагогической науке популярны работы, в которых обоснована социально-интегрирующая сущность культуры, ее способность обеспечивать совместную жизнедеятельность людей, корректировать формы индивидуальной активности человека в силу его связанности с социальным окружением [174, 180]. Культурологами культура рассматривается в качестве главного адаптационного ресурса как совокупность процессов и навыков приспособления людей к их социальному окружению. Обосновывается социально-интегрирующая сущность культуры, ее способность обеспечивать совместную жизнедеятельность людей,

корректировать формы индивидуальной активности человека в силу его связанности с социальным окружением [174, 180].

Отдельные аспекты межкультурного взаимодействия изучались в рамках теорий культурного шока (К. Оберг), аккультурации (Дж. Берри, А. Х. Пуртинга, М. Х. Сигалл), диалога культур (М. М. Бахтин, В. С. Библер), теории «притяжения-выталкивания» («pull/push») (Х. Джером, И. Ли), в контексте гипотез: мультикультурализма (Дж. Берри, Р. Калин, А.-М. Масгорет, К. Уорд), интеграции (К. Сабатье, Д. Сэм) и контакта (Н. М. Лебедева, А. Н. Татарко, Д. Берри, Й. Амир) и др.

Выбор в пользу теории аккультурации как основы настоящего исследования вызван популярностью и, как следствие, хорошей ее разработанностью в психологической науке. Дж. Берри определяет аккультурацию как результат взаимодействия культурных и психологических процессов, подчеркивая ее связь с психологическими моделями стресса [199]. Кроме того, модель аккультурации Дж. Берри учитывает как психологические, так и социально-психологические проблемы взаимодействия мигрантов с принимающим населением [22, 86].

Несмотря на то, что изначально авторы термина антрополога Р. Линтон, Р. Редфилд и М. Херсковиц понимали под «аккультурацией» феномен, возникающий в результате межгруппового взаимодействия [227], Дж. Берри применил его к рассмотрению и на личностном уровне, исследуя изменения в психологии индивида под воздействием культуры [153, 199]. Т. Грейвз, интересуясь не групповым, а исключительно индивидуальным уровнем аккультурации, ввел понятие психологическая аккультурация, описывающее изменение таких феноменов индивидуального уровня, как идентичность, ценности и установки [22]. Во множестве исследований К. Уорд с коллегами [235, 236], развивая идеи Дж. Берри выделяли два типа приспособления: психологическое (совокупность психологических последствий, включая ясное понимание личностной и этнической идентификации, хорошее душевное здоровье и общую способность достигать чувства личного удовлетворения в обществе

пребывания) и социокультурное (поведенческие навыки и коммуникативные модели при освоении новой культурной среды). Этот подход в настоящий момент в научном мире считается наиболее употребляемым [45, 82, 83, 157].

Психологические аспекты аккультурации Дж. Берри исследовал через аккультурационные стратегии, основанные на двух факторах: поддержание культуры (в какой степени мигрантом признается важность сохранения культурной идентичности) и участие в межкультурных контактах (в какой степени ему следует включаться в иную культуру или оставаться среди «своих»), что обусловило выделение четырех стратегий: ассимиляция, интеграция, сепарация и маргинализация [199]. Исследуя социально-психологический аспект адаптации, имеет смысл также обратиться к классификациям моделей поведения К. Дуда [138, 206], межличностного взаимодействия с позиций теории конфликта К. Томаса и Р. Килменна [157], основных стратегий межличностного взаимодействия И. П. Шкуратовой [186]. При этом авторы этих четырех классификаций в качестве наиболее успешной в долгосрочной перспективе, называют стратегию поведения, ориентированную на решение, в равной степени учитывающее позицию и интересы всех участников взаимодействия: Filter (Дуд), интеграция (Берри), сотрудничество (Томас-Килменн), паритетные отношения: сотрудничество, партнерство, кооперация (Шкуратова).

Исходя из теории аккультурации Дж. Берри, успешная адаптация представляет собой процесс вхождения в новую культуру, постепенное освоение ее норм, ценностей, образцов поведения без потери богатств собственной, т.е. выбора стратегии интеграции. Многочисленными эмпирическими исследованиями доказано преимущество «интеграции» как наиболее оптимальной стратегии адаптации, характеризующейся наличием и стремлением к реализации потребностей высшего уровня – потребностей в самоуважении и самоактуализации [45, 157, 199].

Однако, мигранты не свободны в выборе аккультурационных стратегий в связи с тем, что их выбор во многом зависит от аккультурационных ожиданий принимающего населения [86]. Одной из таких установок является априорная

уверенность в исключительной обязанности мигрировавшего «меньшинства» неукоснительно подстраиваться под социальные нормы и условия взаимодействия принимающего населения, ассимилироваться с ним. Отсутствие реальной взаимной интеграции и фактически диктат «большинства» привел к патовым ситуациям, когда местные жители довольно часто откровенно сопротивляются и препятствуют процессу интеграции [113, 178, 195]. Отмечается рост ксенофобии принимающего населения, этнофобий и мигрантофобий, маргинализация социокультурной среды [16]. Причиной конфликта, согласно реалистической теории группового конфликта М. Шерифа и Д. Кемпбелла, является противоречие интересов групп при реальной или воображаемой ограниченности ресурсов [229]. Шелдон Соломон выяснил, что столкновение с представителями других культур людьми воспринимается как угроза собственной культуре, где право на культуру бессознательно приравнивается к праву на жизнь [207]. В междерассовом контексте исследовался феномен культурного расизма, заключающийся в вере в безусловную ущербность любых культурных особенностей аутгрупп [217]. Т. Г. Стефаненко отмечает, что зачастую люди склонны назначать ответственными за негативные явления «чужих». [148].

Данное положение вещей отражается в результатах международных исследований показывающих, что 45% мигрантов предпочитают стратегии ориентированные на обособление (сепарация и маргинализация) [198], демонстрируя тем самым склонность мигрантов к подобному поведению – выбору таких стратегий разрешения конфликта с внешней средой, как избегание и уход, ведь миграция сама по себе является стратегией адаптации в широком смысле [16, 40], поиском в социальном пространстве новой среды [138]. К. Е. Веселкова отмечает такую поведенческую стратегию как избегание, уход из проблемной фрустрирующей ситуации, использующую реакцию кочевничества и «реакцию битника». Рассматривает феномен номадизма как склонность к частой смене местожительства [36].

И. В. Довгалева подчеркивает роль социальной мобильности как адекватного современным условиям способа идентификационной адаптации и

поведенческого паттерна [47], а С. А. Гришаева рассматривает миграцию как частный случай социальной мобильности. Ориентированность мигрантов на «избегание», «уход» относит их в этом смысле к группе риска, а удачный опыт применения этих стратегий адаптации в ходе совершенной миграции делает их потенциальными «обособленцами». В этом смысле сопротивление интеграции со стороны местных жителей делает мигрантов уязвимой категорией граждан для государственных органов абсорбции.

Таким образом, очевидность необходимости участия в процессе социальной адаптации всех взаимодействующих сторон (которых может быть больше, чем две) [82] вызвала исследовательский интерес параллельного изучения проблем адаптации: В. В. Гриценко [45], В. В. Константинов [69], З. Х. Лепшокова [86], А. П. Садохин [145] и др. Сторонники гипотезы контакта предлагали искать решение проблемы адаптации в организации взаимодействия представителей противостоящих культур, видя в этом путь к лучшему пониманию друг друга, этнической толерантности и принятию другой культуры [83]. При этом отмечается, что действие негативных социальных стереотипов, подпитывающих аутгрупповую дискриминацию и враждебность, заметно ослабевает [113]. Однако увеличение межличностного общения может привести и к усилению предубеждений. Поэтому очень важно определить при каких условиях общение между представителями разных стран и народов оказывается наименее травмирующим и порождает доверие [157]. Ввиду того, что «на практике межкультурное взаимодействие происходит, как правило, в форме межличностного общения» [145, с. 126], можно говорить о том, что успешность адаптации к новой культурной среде в значительной степени зависит от достижения эффективных межличностных отношений с представителями другой культуры, фактически – субъект-субъектной сонастройки.

С позиций социокультурного подхода, где сама личность рассматривается как связанная с обществом системой отношений, и культурой - совокупностью ценностей и норм, при единстве культуры и социальности, наиболее адекватно процесс адаптации в инокультурной среде определяет термин социально-

психологическая адаптация к инокультурной среде (применяемый В. В. Гриценко, В. В. Константиновым, В. А. Лабунской, М. Н. Стукаленко и др.) ввиду первостепенной значимости для мигрантов установления межличностных отношений в новом социокультурном окружении [69, 145].

Наиболее полным и более всего отвечающим целям настоящего исследования явилось определение социально-психологической адаптации личности в новой социокультурной среде, приводимое в работах В. В. Гриценко и М. Н. Стукаленко, которое трактует адаптацию как «сложный и многомерный процесс взаимодействия представителей разных культур, в результате которого происходит формирование новой позитивной социальной идентичности, адекватной изменившимся социокультурным условиям; процесс развития личностного потенциала индивида по мере его активного включения в различные виды деятельности..., систему межличностных отношений, социокультурную и социально-политическую жизнь общества, нахождение условий для реализации потребностей в самоуважении и самоактуализации личности» [45, с. 22-23].

Подытоживая, можно сказать, что отдельные положения, разработанные в разных теориях, могут быть использованы в рамках нашей работы и рассматриваться как компоненты социально-психологической адаптации к инокультурной среде, а именно - общий социокультурный подход, фазы и стратегии адаптации мигрантов.

1.2.2. Особенности социально-психологической адаптации добровольных мигрантов к социокультурной среде мегаполиса. Выявление специфических особенностей социально-психологической адаптации добровольных мигрантов, поиск оптимальных условий их взаимодействия с местным населением проводится через изучение социокультурных, ментальных и идентификационных особенностей мегаполисной среды, как места преимущественного притяжения данной категории мигрантов. Рассматривается социализирующая функция территориальных и досуговых субкультур.

При определенных сходствах протекания процесса социально-психологической адаптации, он имеет значительные отличия у каждой категории граждан вообще и мигрантов в частности, как то: беженцев, вынужденных переселенцев (refugees), трудовых мигрантов, репатриантов, добровольных мигрантов и др. В настоящем исследовании мы акцентируем внимание исключительно на категории добровольных мигрантов (преднамеренная миграция), для которых факторы притяжения (pull факторы - привлекающие в новое общество) оказываются сильнее, чем факторы выталкивания (push факторы - оказывающие давление и заставляющие выезжать).

Добровольную миграцию еще называют профессиональной или «утечкой мозгов», принято считать наиболее ценной для страны-реципиента, т.к. это миграция, как правило, высококвалифицированных специалистов. Добровольные мигранты в большей степени, чем вынужденные переселенцы или беженцы, а также экспатрианты, сезонные работники или «заробитчане» ориентированы на развитие и самореализацию [23, 203], достижение субъективного благополучия и комфорта «здесь и сейчас», кардинальную трансформацию социальной идентичности [157] в отличие от стратегии на выживание (ситуативное приспособление), преимущественно характерной для других категорий. Принимая решение о миграции самостоятельно, без внешнего давления, добровольные мигранты, в большинстве случаев, ориентируются на высшие потребности, включая потребность в самоактуализации, реализацию которых связывают также с оптимальной адаптацией к новой социокультурной среде. Подразумевается осознанный выбор, характерный для взрослых людей с активной жизненной позицией. Особенности С-ПА добровольных мигрантов является понимание того, что мигрант в процессе адаптации не должен терять своей аттрактивности, растворяясь в массе местного населения, как это предусматривает стратегия ассимиляции, дискредитировавшая себя в современной постмодернистской реальности. Нет необходимости точного копирования моделей поведения принимающего сообщества – достаточно уловить стиль этого поведения и в его рамках иметь возможность аутентичного самовыражения.

Исследования, проведенные в различных областях знаний, свидетельствуют о том, что местом притяжения добровольных мигрантов являются современные мегаполисы [16, 23, 158], в отличие от некоторых других категорий мигрантов, расселение которых, как правило, регулируется государственными ведомствами стран-реципиентов или нуждами работодателя.

Изучению специфики социально-психологической адаптации мигрантов в условиях мегаполиса посвящено множество исследований последних лет. Социальный и культурный потенциал мегаполиса изучался социологами Л. Мэмфордом, Р. Парком [125], социальными психологами Н. С. Дягилевой, А. В. Микляевой, П. В. Румянцевой [101], Т. В. Семеновой [146], С. Милграмом [103], социальными философами И. В. Астэр [12], Е. А. Власовой [38], А. В. Михеевой [105], культурологами Ф. А. Колбуновым [68], Ю. С. Барышевой [16], Г. Е. Гун, Д. С. Чумаковым и др. Термин «мегаполис» в рамках данной работы используется по отношению не к любому городу населением свыше 1 миллиона жителей, как это принято у некоторых исследователей-урбанистов. Рассматривается мегаполис евро-атлантического типа с присущими ему типологическими ментальными и социокультурными характеристиками. Социокультурная среда мегаполиса характеризуется разнообразием стилей жизни, культурных форм, манеры поведения, ценностных ориентаций, жизненных связей между людьми, форм личностных самопрезентаций, что увеличивает возможности выбора на индивидуальном уровне. С другой стороны влияние социокультурной среды мегаполиса на человека выражается в готовности к смене занятий, вкусов, пространственных локализаций; выше следование непривычным стереотипам поведения, возможность смены социальной роли, имиджа [68].

Мегаполисная культура, характеризуется преобладанием общечеловеческих и интернациональных составляющих (ценности, нормы и идеалы) в отличие от этнических составляющих культуры, в большей степени свойственных провинциальным поселениям. Именно мегаполис в силу своих феноменологических особенностей наиболее отвечает характеристикам социальной среды, которую Дж. Бери определяет как мультикультурное

(плюралистическое) общество, заметно отличается от провинциальных обществ, где индивиды склонны следовать преобладающей групповой норме, чем каким-либо другим [22]. Специфической особенностью культурной среды в пространстве мегаполиса является уменьшение влияния традиций в регулировании поведения личности. И. В. Астэр утверждает, что современная городская культура разрушает многие формы традиционной тождественности [12]. При этом не нарушается принцип культуросообразности, речь лишь идет об учете менее устойчивых и ригидных, находящихся в перманентном видоизменении норм и правил поведения.

Доминирование у принимающего населения мегаполиса (условно местного – мигрантов-старожилов и местного-коренного) таких основных установок как открытость и толерантность по отношению к культурным различиям способствует реализации наиболее успешной стратегии аккультурации – интеграция [199], которая предполагает в качестве важного условия сосуществования обязательный взаимный компромисс и взаимное приспособление, включающее признание контактирующими группами права каждого из них сохранять свои культурные и этнические различия. Мегаполис является современным поликультурным обществом, предоставляющим максимальные возможности самореализации.

Исследователями выделяются мегаполисное сознание и мегаполисная идентичность как актуальные ментально-культурные феномены [38, 68].

Г. В. Акопов, Л. В. Давыдкина и Т. В. Семенова рассматривают городскую ментальность с позиции социальной психологии: как групповое сознание жителей города, как психологическую особенность людей, обусловленную их проживанием в большом городе [6, 146]. Отмечается, что с мегаполисом связан особый тип ментальности - отличный от городского [38, 87]. А. В. Микляева и П. В. Румянцева полагают, что мегаполисный менталитет «характеризуется внутренней непротиворечивостью базовых убеждений, прагматизмом, рационализмом, представлениями об относительности добра и зла, приоритетом индивидуалистического начала над коллективистическим» [101, с. 116].

Поликультурализм мегаполисного сознания нивелирует ряд универсальных культурных оппозиций, и, прежде всего, «свое – чужое» [38].

В контексте рассмотрения культуры как высшей стадии развития ментальности [146], отмечается расширение и культурная экспансия мегаполиса, которая осуществляется путем продвижения специфических форм социокультурной и цивилизационной идентичности, присущей эпохе глобализации. Эта мегаполисная форма идентичности, по своей сути множественна, дрейфующа и симультанна [38], характеризуется гибкостью, подвижностью, незаконченностью, контекстуальностью [14].

Множественная идентичность заключается в том, что на своем жизненном пути индивид оказывается последовательно и параллельно включен в общности, далеко не идентичные по своим социально-психологическим характеристикам [71, 113]. И. В. Довгалева обнаруживает «пластичность» границ идентичности, трактует идентичность как плюральную, поливариантную [47]. Множественная идентичность (в т.ч. множественная этническая идентичность [176]) не только характерна для мигрантов, но и является способом социальной адаптации, а также предопределена мультикультурализмом и является одной из наиболее распространенных идентификационных моделей в условиях глобализации [20].

Идентичность, рассматривается культурологом Ю. С. Барышевой, как вектор социализации и инкультурации мигранта. По ее мнению, идеология, соответствующая мегаполисной идентичности: «город - единство непохожих», в связи с этим, как для мигрантов, так и для местных жителей жизненно важным является поддержание этого обоюдорыгодного вида симбиоза, обеспечивающего привлекательность данной формы городского расселения. Данная идеология способствует формированию общей региональной идентичности и, нивелируя этнические, конфессиональные и другие противоречия, становится основой самоидентификации разнообразных в социокультурном отношении людей [16].

Традиционное рассмотрение социальной адаптации мигрантов с акцентом на этнокультурный аспект процесса, применительно к мегаполису - отживший стереотип. Тенденции современного общества говорят о том, что, несмотря на

этническое возрождение, имеющее место со второй половине XX века, влияние индигенного народа в современных мегаполисах незначительно. Этническая культура в мегаполисах уже не является стержнем социокультурной реальности. На первый план выходят субкультурные и общекультурные адаптационные концепты [105]. Поэтому в настоящем исследовании используется трактовка понятия межкультурного взаимодействия не столько как межэтнического или межнационального, сколько как взаимодействия между людьми, относящимися к разным культурным или субкультурным группам.

В современной отечественной научной литературе прекратилось рассмотрение субкультур как маргинальных образований, как контркультуры, противостоящей преобладающим принципам культуры. Социальные практики, свойственные «обычной» молодежи и доступные для освоения большинством в социокультурной среде мегаполиса не противопоставляются субкультурным социальным практикам, которые, в свою очередь, не отождествляются с девиантными. Молодежные субкультуры не оппозиционируются к доминирующей (взрослой) культуре, не являются отклонением от нормы, а представляют собой один из частных случаев, вариантов нормы [74, 150]. Все реже субкультурную активность связывают исключительно со сферой свободного времени и досуга, а также с сугубо молодежным феноменом.

Специалисты, как правило, исходят из того, что субкультура является подсистемой внутри культуры, «культура в культуре» [164]. Связь доминантной культуры с субкультурой О. А. Мизко видится как определенная реинтерпретация существующих значений общей культуры [100]. Социальная среда (общество) задает ориентиры социально приемлемого поведения и мышления, разные аспекты которого через субкультуры доносятся до жителей мегаполиса, являясь существенным регулятором выбора жизненных позиций. Точно также как субкультуры являются уникальным транслятором культуры и выполняют функцию социализации, они также обеспечивают лучшее действие механизмов адаптации - «система доставки», «доставление» социальной реальности [39, 74].

Социализация является ключевой функцией субкультуры в мегаполисах и крупных городах [31, 39, 74, 100, 105, 110, 126, 156, 191] .

В настоящем исследовании С-ПА к инокультурной среде, рассматривается применительно к (суб)культуре мегаполиса, отмечая, что процесс формирования городской идентичности «предполагает соотнесение образа жизни и стиля социального взаимодействия человека с доминирующим образом жизни и характером взаимодействия, принятым в городе» [101, с. 131]. Таким образом, добровольные мигранты в процессе адаптации находят выход из кризиса идентичности в формировании позитивной социальной идентичности мегаполисного типа. Идентификация с мегаполисом, а не со страной в целом, в большей степени отвечает приемлемому результату адаптации [195].

При том, что территориальная идентичность является одним из основных видов социальной идентичности [112, 113, 123, 195], в современном глобализированном мире постепенно утрачивается значение государственных и территориальных границ, в то время как все более существенными становятся границы, разделяющие различные сообщества и субкультуры. По этому поводу У. Бек отмечает «непривязанность» к определенному месту общности [18]. Поэтому употребляя термины «мегаполисная идентичность» - указываем не на конкретную географическую локализацию, а на концепт.

Многообразие субкультур является визитной карточкой современного мегаполиса, а их взаимодействие и взаимопроникновение в повседневную жизнь городского жителя формирует специфическую мегаполисную субкультуру. Территориальная субкультура мегаполисного типа, включает в себя множество субкультур, являясь эклективно-сбалансированной, поэтому принятие норм поведения одной из них является средством адаптации в мегаполисе в целом [16, 164]. Это вполне соответствует концепции социального поля П. Бурдьё [33, 184], понятию «ризоматическая культура» [156, 163], взаимопроникновению территориальных сообществ разного масштаба, описанных Л. А. Найденовой [112, 113]. Досуговые субкультуры встроены в субкультуру мегаполиса - субкультуру большего масштаба. В связи с этим, адаптация не ограничивается

рамками конкретной субкультуры, а переносится и оказывает «социализирующее» воздействие на субкультуры кумулятивного уровня.

Таким образом, социально-психологическая адаптация мигрантов в мегаполисное сообщество происходит через референтную досуговую субкультуру. Исследователями отмечено, что существование человека в субкультуре порождает у него комплекс новых социально-психологических черт и поведенческих проявлений, который в целом создает определенный стиль жизни [110]. Выделение социально-психологических и личностных качеств, формируемых в субкультуре, позволяет изучить действие механизмов адаптации.

Подытоживая, можно сказать, что социально-психологическая адаптация к особой социокультурной среде мегаполиса предполагает актуализацию у добровольных мигрантов способностей к самоактуализации и субъект-субъектной сонастройке, а также формирование множественной субкультурной идентичности. Процесс социально-психологической адаптации разворачивается в социальных практиках, обеспечивающих практическую реализацию социального взаимодействия и являющихся основой формирования субкультур.

1.3. Социально-психологические составляющие досугово-танцевальных практик как средства взаимной социально-психологической адаптации к инокультурной среде.

1.3.1. Досуговые социальные практики как основа формирования городских субкультур. Интерес к понятию «социальные практики» фокусируется на сфере повседневности, а также выделении феномена опривыченных действий (Т. М. Титаренко, С. С. Шугальский, П. Бергер, П. Бурдые, Э. Гидденс, И. Гофман, Т. Лукман, М. Фуко). С социологической точки зрения социальное действие, проходя стадию опривычивания, становится социальной практикой (образцом, формой поведения) и в дальнейшем выходит на высший, институциональный уровень, становясь социальным институтом [191]. Психологический смысл «опривычивания» (рутинных, повторяющихся действий)

состоит в том, что оно предопределяет набор определенных действий и освобождает человека от необходимости постоянного решения одних и тех же задач, тем самым давая ощущение стабильности жизненного мира [191], создавая условия для самореализации и самовыражения личности. В ходе социальных практик происходит овладение различными видами социальной деятельности, усвоение социальных ролей, групповых ценностей и норм [130]. Таким образом, в процессе адаптации мигрант выступает как субъект социальной практики.

В современном мире, в связи с переходом общества на более высокую ступень развития и социальным кризисом «общества потребления», произошла смена главных жизненных ценностных ориентации, обусловившая ведущую роль досуговых социальных практик в трансляции культурных норм и формировании ориентиров жизнеконструирования. Ценности труда больше не являются источником смысла жизни, а досуг не рассматривается лишь как компенсационный отдых и подготовка к новому труду.

Сегодня труд выступает средством обеспечения досуга. Доминантой в новой структуре жизненных ценностей становится стремление к самореализации, индивидуальному развитию через досуговые практики, отодвинув ценности материального благополучия [11, 30, 52, 138]. Досуг все чаще воспринимается современным человеком как основная сфера жизнедеятельности, «истинное время жизни», едва ли не единственный смысл человеческого существования от удовлетворенности которым зависит общая удовлетворенность жизнью [155]. По мнению Ж. Дюмазедье мир вступает в фазу «цивилизации досуга». Проблема «качества жизни» становится актуальной в современный период и приходит на смену категории «уровень жизни» (Standard of Living) переставшей в полной мере отражать смысл благосостояния людей [15, 30]. В этих условиях идентификация личности складывается под влиянием досуговых предпочтений [30, 191].

Таким образом решение проблемы социально-психологической адаптации в новой стране видятся актуальными, прежде всего, в сфере досуга (а не только через сферу досуга). Тем более, что досуговая сфера в условиях высокоурбанизированной среды отличается наибольшим масштабом и

многомерностью проявлений, что развивает способность делать личный выбор [191]. Досуговые предпочтения жителей мегаполиса в меньшей степени, чем жителей провинциальных поселений, диктуются модой, стандартами или стереотипами популярных развлечений [68, 191], что свидетельствует о пониженном уровне конформизма, характерном для мегаполисного сознания, подтверждая актуальность данного концепта социально-психологической адаптации для добровольных мигрантов.

Главными признаками досуга считают свободу от обязанностей (профессиональных и семейно-бытовых) и добровольность участия. Таким образом, досуговые субкультуры являются специфическими социальными институтами, решающими задачи социализации и предоставляющими возможность самоактуализации, где инициатива исходит от субъекта [122]. Исследователи выделяют основные социальные функции досуга: компенсаторную (иллюзорно-компенсаторную), социализирующую (адаптивную), гедонистическую, функцию общения, творческой самореализации, развития личностных качеств [68, 155]. Развлекательно-рекреативная (в большинстве своем) направленность досуговых практик способствует решению проблем агрессивного поведения, вызванных стрессогенностью мегаполисной среды, тем самым также выполняя адаптивную функцию [180, 191].

Досуговые практики, являющиеся основой досуговых субкультур, одинаково привлекательны, как для мигрантов, так и для местных жителей. В основе интереса этих людей лежит желание добиться релаксации и разнообразия переживаний, увеличить объем своих знаний и памяти, создать условия эмоционального катарсиса, расширить возможности участия в спонтанном социальном взаимодействии и непосредственном межличностном общении, реализовать неосознанную, но насущную потребность в публичном внимании, признании, самовыражении [50], самореализоваться в творческой деятельности. В досуговых формах деятельности раскрываются потребности в свободе и независимости, самовыражении и формировании индивидуальности.

Одна из основных характеристик мегаполисной среды заключается в ее постоянном обновлении за счет прибывающих мигрантов, носителей собственной культуры, отличной от культуры покидаемых ими стран. При этом мигрантская (суб)культура не является закрытой, возникает на перекрестке культур и создает некую самостоятельную культуру, постоянно развивающуюся в интеграции с местной культурой стран-реципиентов.

Одним из главных направлений развития современных кросс-культурных психологических теорий является поиск универсалий - того, что, независимо от культуры, остается универсальным в человеческой психологии [83, 157]. Одной из важнейших таких культурных универсалий, несмотря на различие в формах проявления, бесспорно, является танец и особенно танец парный.

Подытоживая, можно сказать, что совместные социальные досуговые практики мигрантов разных волн и местных жителей интегрируют в себе особенности культуры каждой группы, достигая взаимодействия культур. Досуг является площадкой, моделью и средством, где благодаря специфическим механизмам в творческом направлении развиваются коммуникативно-адаптационные способности личности.

1.3.2. Социально-психологические измерения досугово-танцевальных практик. Танцевальные практики с древнейших времен являются одним из способов постижения мира и самого себя. Танец как междисциплинарный феномен, в котором объединяются культура, музыка, движение, творчество и общение, традиционно привлекает внимание философов, искусствоведов и культурологов (Е. В. Аверьянова, Р. Е. Воронин, М. Н. Жиленко, В. Ю. Никитин, Н. В. Осинцева, В. В. Ромм и др.), психологов (А. М. Айламазян, Н. В. Каневская, И. А. Соловьева, Н. Ю. Шувалова и др.), психотерапевтов (Н. И. Веремеенко, А. Е. Гиршон, В. В. Козлов, И. Г. Малкина-Пых, Т. А. Шкурко и др.), педагогов-хореографов (В. В. Королев, А. С. Фомин, М. П. Юрьева и др.).

Неудивительно, что столь обширный интерес привел к узко-специфическому пониманию феномена в каждой отдельно взятой сфере. Так, наибольшее распространение приобрела трактовка танца как средства создания художественного образа в искусстве (М. С. Каган, К. Закс). Однако, «определить танец только как вид искусства – значит признать не танцем почти половину танцевальных проявлений» [141, с. 235]. С другой стороны, в психологии и психотерапии «ритмическое движение» (У. Сорелл) фактически является устоявшимся пониманием танца. На сайте Американской Ассоциации Танцевально-двигательной терапии, танцевально-двигательная терапия (ТДТ) официально определяется как «вид психотерапии, который использует движение для развития социальной, когнитивной, эмоциональной и физической жизни человека» [42].

Несмотря на то, что на протяжении всей истории существования человечества танец выполнял, прежде всего, функции социализации и индивидуации (через обряды инициации посредством тотемических и других ритуальных танцев) [190], трансляции культурных традиций (символическая, подражательная, регулятивная) [131], познания действительности, (мировоззренческая, воспитательная, креативная [149], знаковая - танец как социальный маркер, признак принадлежности к той или иной социальной группе) [190], внимание психологической науки долгие годы привлекали исключительно психотерапевтические функции, а изучение феномена танца всецело стало прерогативой ТДТ.

Заявляя о психотерапевтичности движения, предшественники и основоположники ТДТ, профессиональные танцоры (А. Дункан, М. Уайтхаус, М. Чейз, Д. Чодороу и др.) применяли его потенциал в двух основных направлениях: как средство психокоррекции (психофизической регуляции) и как средство установления, поддержания и коррекции межличностных отношений [49, 66, 166, 188].

ТДТ, с одной стороны, наравне с психодрамой, музыкотерапией, арт-терапией, (где «арт» – это изобразительное искусство) является частью терапии

творческим выражением (expressive art therapy) [42, 66], исследованием практики музыкального движения [4, 5], с другой стороны, частью телесно-ориентированного подхода, где тело и сознание рассматриваются как равноценные силы (техника Александера (Ф. М. Александер), метод В. Райха (В. Райх), метод Моше Фельденкрайза (М. П. Фельденкрайз), метод биоэнергетического анализа (А. Лоуэн), система Пилатеса (Й. Х. Пилатес), метод полимодального движения (В. Н. Никитин) и др.), не всегда подразумевающего творческое самовыражение.

По мнению Мэриан Чейс, первой применившей танец в качестве терапии, четыремя главными классификациями танца как психотерапевтического средства являются: 1) телесные действия, 2) символизм (служит посредником, при помощи которого возможно вспоминать, вновь проигрывать и заново переживать), 3) терапевтические двигательные взаимоотношения (для установления эмпатического взаимодействия и доверительных отношений), 4) ритмическая групповая активность [204].

А. Е. Гиршон выделяет два базовых терапевтических механизма присутствующих в танце: возможность быть выражением разнообразных человеческих чувств (отреагирование, катарсис) и изменения телесного, двигательного характера личности при обучении новым движениям (переобучение). При этом отмечается, что реальных механизмов терапевтического воздействия гораздо больше за счет способности танца (особенно парного) быть моделью и метафорой человеческих отношений, реализации чувства принадлежности к группе, подходов сценарной и ролевой терапии и мн. др. [42].

Давая краткое описание основных танцевально-двигательных методов, Н. И. Веремеенко подчеркивает их особенности: кинестетическая эмпатия (присоединение, отзеркаливание: приобретение новых форм движения посредством подражания, заражения), аутентичное движение (индивидуальные движения в безопасной обстановке, атмосфере доверия при сотрудничающем внимании), круговой групповой танец (чувство общности, сопричастности, единства, опыт групповой сплоченности, сотрудничества, групповая поддержка),

спонтанный танец (самовыражение), парные танцы (межличностные отношения), обратная связь на вербальном и невербальном уровне (невербальные неформальные и спонтанные межличностные коммуникации, изучение искажений в области социального восприятия) и др. [66].

Отдельным методом, сторонники ТДТ, считают использование системы Р. Лабана, созданной как система нотации танца, и основанной на анализе двигательного поведения человека с точки зрения четырех факторов (пространства, времени, силы и течения). Несмотря на то, что изначально искусствоведы использовали систему «языка танца» для фиксации танцевальных хореографий [37], танцевальные терапевты, последователи Р. Лабана, предложили на ее основе строить программу развития человека (Брентон Ченг), фактически превратив систему записи танца (движения) в систему форм усилий.

Предмет настоящего исследования обуславливает акцентированное рассмотрение танцевальных практик в контексте социального функционирования, как средства инкультурации, интеграции в социум и модель установления, поддержания и коррекции межличностных отношений (М. Н. Жиленко, В. А. Лабунская, О. К. Луговая, Е. Л. Мартинес, Т. А. Шкурко).

В этой связи танец, прежде всего, изучается как универсальный язык общения, социокультурное явление, объединяющее телесность и музыкальность. Являясь совокупностью невербальных сигналов и знаков, имеющих пространственно-временную структуру, танец несет информацию о психологических особенностях личности и группы (В. А. Лабунская, Е. К. Луговая, Т. А. Шкурко и др.). Интерес представляют исследования из области психологии невербального поведения (М. Аргайл, Д. Фаст, Р. Шерер, П. Экман и др.), интерпретационных, экспрессивных и импрессивных навыков в невербальной коммуникации (В. Н. Куницина, В. А. Лабунская, Х. Миккин и др.).

Танцевальные социальные практики осуществляются с использованием тела как особого инструмента. Физическая организация, строение и динамика тела образуют так называемый язык тела, подструктурами которого являются кинесика (зрительно воспринимаемые и коммуникативно-значимые движения

человеческого тела), такесика (совокупность тактильных проявлений человека в процессе коммуникации) и проксемика (ориентация в пространстве, дистанция).

Ф. Варела, М. Джонсон, Д. Лакофф, У. Матурана доказали, что в процессе восприятия телесная оценка более точна, чем зрительная, чем спровоцировали «телесный бум» в когнитивной психологии [96]. Исследовалась проблема телесно-двигательного воплощения личности человека (А. М. Айламазьян, А. Г. Асмолов, Н. Ю. Шувалова), телесности человека как компоненте социальной идентичности (О. А. Заржицкая, А. В. Коростелина).

Изучением человеческого тела как одного из средств социальной коммуникации и инструмента социального воздействия занимаются представители психологии телесности (И. В. Журавлев, А. Ш. Тхостов, Б. Тернер, М. Фезерстоун, К. Шиллинг и др.). В их работах «телесность» выступает как качество личности, обусловленное в своем становлении социальным и культурным развитием личности в процессе социального взаимодействия, общения и совместной деятельности», телесность как «окультуренное», «очеловеченное» тело, получившее в процессе развития в обществе «дополнительные», социальные свойства и качества, порожденные данной социокультурной системой [55]. Таким образом, культурно-обусловленный характер телесности, не сводится к понятию тела [5].

Двигательные стереотипы и их основа - двигательные навыки, являясь базой индивидуальной пластики, грации, позы, особенностей жестикуляции, носят специфический характер в различных обществах. Изучение социокультурных особенностей телесности происходило через выделение различных феноменов: «фиксированные смысловые установки», проявляющиеся в позно-тонической активности, «техники тела», обозначающие традиционные способы действия тела и двигательных форм [109], «квази-предметная реальность», не совпадающая с анатомическим телом, но служащая базой, порождающей конструкцией для смысловых интенций субъекта [4], «культурная (символическая) телесная идентичность», отличающаяся от «истинной», «природной», наделенная значениями, которые могут быть интерпретированы

только членами данной культуры [55] и т.д. Исследованы закономерности переноса двигательных навыков и умений, что способствует лучшей интеграции человека в новое сообщество. Отреагированное и усвоенное телом, гораздо быстрее и легче претворяется в жизнь [58].

Систематизированы знания о влиянии субкультур на формирование образа телесного «Я» в рамках теорий общения и социального познания, исследуется феномен социализации телесности (О. А. Заржицкая), понимаемый как процесс наделения человеческого тела социальными значениями, смыслами, а также регулирования естественных телесных функций и потребностей социальными нормами и правилами и развития их произвольности [55].

Важность данных исследований в свете рассмотрения проблем социально-психологической адаптации мигрантов обусловлена тем, что, с одной стороны, в современном мире наблюдается всплеск интенсивного развития телесно ориентированных социальных практик, который характеризуют как производство «привилегированной телесности» (О. А. Заржицкая) (телесная репрезентация как привлекательность с целью быть социально приемлемым (Б. Тернер), а с другой - нередко проблемы в социально-психологической адаптации наших бывших соотечественников за границей вызваны воспитанием в обстановке излишней закрепощенности, в подавлении телесного, чувственного начала.

С физиологической точки зрения танец порождает смещенную реакцию груминга, являющегося одновременно и стресс-протективным поведением, за счет усиливающейся секреции эндорфинов, вызывающих эйфорическое состояние и формирующих доверие. Это особенно актуально, принимая во внимание, объект исследования, учитывая, что стресс является неременным «спутником» и индикатором процесса адаптации. Кроме того, аллогруминг демонстрирует аффилиативное поведение, способствует преодолению трудностей в формировании социальных контактов и укрепляет взаимную привязанность членов сообщества, не обремененную лишними социальными связями [53, 58].

Музыка рассматривается во всех ее составляющих: ритм, мелодия, гармония, тексты песен (если есть). Ритм, являясь важнейшим элементом танца,

по словам М. Н. Жиленко, становится причиной способности танца гармонизировать внутренние состояния человека, содействовать налаживанию отношений с внешним миром [51]. Мэриан Чейс понимала ритм как нечто, что организует индивидуальное поведение и создает между людьми чувство солидарности и сопричастности [204]. Мелодия повествует сюжет посредством чувств. По мнению Х. Гудейла, ведущего серии музыкальных программ на BBC, именно этим объясняется понимание опер исполненных на незнакомом языке. Изучение сюжетных и лингвистических особенностей текстов песен латиноамериканских танцев подтвердило их функцию транслятора культурных норм и традиций [216, 232]. Музыкальные произведения создают настроение самых различных тональностей (жанров) за счет имитации тех или иных эмоциональных оттенков человеческого голоса. Человек это распознает и реагирует с помощью врожденных механизмов [7, 11, 162].

Подытоживая можно отметить, что телесные и музыкальные составляющие танца являются основой социально-психологического адаптационного потенциала Д-ТП, трансляторами социокультурных норм. Использование невербальных средств общения особенно актуально в условиях слабого знания языка, менталитета и культурных традиций взаимодействующих субъектов.

1.3.3. Танцевальная стилевая импровизация как средство социализации и инкультурации. Музыкальные произведения различных жанров, являясь основой соответствующих танцевальных стилей, позволяют практически каждому подобрать «тональность» согласно своим предпочтениям [215]. При этом дилемма стилового соответствия и спонтанности самовыражения в ТДТ стоит достаточно остро, вплоть до того, что многие танцтерапевты считают неуместным использование музыки во время сеансов, дабы не создавать «шумы», способные вызвать стереотипные движения. Танец, в классическом понимании ТДТ, должен, прежде всего, способствовать личностному самовыражению, самораскрытию. Утверждается, что манера и характер танцевальных движений

отражают личностные особенности человека. Поэтому, один из пионеров ТДТ М. Чейс использовала понятие «базовый танец», чтобы отделить его от искусственно разработанных форм танца, которые являлись скорее средствами развлечения, нежели общения [92, 204]. Современные танцевальные терапевты используют термин - «creative dance», т.е. творческий танец, подчеркивая процесс творческого развития через танец и движение [42, 66, 92].

При этом традиционно в ТДТ используется стилистика танца модерн или контемпорари, поскольку, по мнению А. Е. Гирсона, именно эти направления связаны с личным, авторским, глубоко индивидуальным высказыванием в танце [42, 92]. Необходимо отметить, что и модерн, и контемпорари, по замыслу их создателей, должны отличаться отсутствием стилевых характеристик, образа, словаря движений, законов композиции. Основоположница танца модерн Айседора Дункан понимала главную задачу танца – научиться слышать свой внутренний голос и выражать его с помощью тела. В основе теории А. Дункан лежала идея открыть выразительный смысл человеческой походки, бега, прыжка, движений головы и рук, различных естественных положений тела, доказывая, что все эти движения могут быть художественно совершенными и волнующими сами по себе [66]. По ее мнению, слепое следование традициям бессмысленно. При этом эволюция танца модерн наглядно продемонстрировала, как «отсутствие стиля» превратилось в самостоятельный танцевальный стиль. По своей социальной природе человек ориентирован на следование определенным образцам поведения, социальным канонам, (соотнесение собственного движения (поведения) с социальными нормами (требованиями стиля)), поиск и создание границ общепринятого движения (поведения), в которых происходит его самовыражение. Все «естественные» движения, как было показано выше, на самом деле жестко социально детерминированы.

Таким образом, заявленное первоначально в психологии определение танца как «спонтанного естественного движения» [92], хоть и отвечало тенденциям рубежа XIX-XX веков, выражавшихся в попытке сломать социальные и кастовые устои общества, вырваться не только ментально, но и физически из

под влияния сковывавших развитие человечества традиций и норм, тем не менее, не может отвечать социальной природе человека, в этих нормах нуждающегося, с одной стороны, и устоявшегося веками понимания феномена танца, не ограничивающегося исключительно аутентичным самовыражением, с другой. Более того культивация спонтанного самовыражения в психотерапевтической группе ведет к западанию (эффект привыкания к психотерапевтической группе) и провоцирует еще большую социальную изоляцию, даже не смотря на решение определенных экзистенциальных проблем.

Будучи противником идеалистических конструктов, не отвечающих природе вещей и создающих эфемерные иллюзии, мы акцентируем внимание на неотъемлемой характеристике танца - стилевой импровизации, под которой понимаем творческое (импровизационное) самовыражение (личностный компонент) в рамках заданного танцевального стиля (общественный компонент). Поэтому, получившее в эти же годы необыкновенную популярность танго, выполняло функцию ликвидации классового расслоения значительно эффективней, и параллельно, наряду с другими танцами «золотого века», являлось инструментом интеграции социокультурных групп [232].

Авторская идея использования особенностей стилевой импровизации в качестве средства С-ПА опирается на суть процесса взаимодействия, в ходе которого человек проясняет свою идентичность. При этом, в личностной идентичности проявляется стремление человека к своей аутентичности, неповторимости, а в социальной – стремление соответствовать нормативным ожиданиям партнёров. Это противоречие приводит к поиску компромисса в поведении и жизни человека: быть как все или быть отличным от других [129]. Специфика стилевой импровизации подсказывает мигранту творческое разрешение этого компромисса – импровизационное самовыражение в рамках заданного танцевального (аллегория жизненного) стиля. Таким образом, использование спонтанной (свободно-импровизационного танца) и стилевой импровизации акцентирует решение разных задач: личностного развития (с

учетом вышеобозначенных ограничений) и гармонизации межличностного взаимодействия (включая С-ПА), соответственно.

Особенностью современной танцевальной психотерапии наравне с переносом акцента с применения танца в качестве средства психофизической регуляции на его использование в качестве средства установления, поддержания, диагностики и коррекции межличностных отношений [49, 188], является применение, совместно с «базовым», различных направлений и стилей танца. В последние годы возникло самостоятельное направление – танго-терапия. Акцентируя внимание на отличительных чертах танцевальных стилей, как то: характерных эмоциях, специфических движениях, философском смысле (в пасодобле мужчина – отважный матадор, а женщина – агрессивный бык или защитный, отвлекающий плащ; ча-ча-ча символизирует игривость и кокетство; свинг – бесшабашное озорство; танго – страсть и вожделение; румба – романтику интимных отношений и т.д.), провоцируется моделирование житейских ситуаций и гаммы отношений участников взаимодействия. В определенной степени это является аналогом ролевой игры в психодраме [143]. Через танцевальную стилистику обыгрываются обыденные ситуации межличностного взаимодействия, в которых участники практик синхронизируют свое отношение к социальным нормам. При этом отмечается важность соблюдения баланса в обучении определенному репертуару и аспекту отреагирования [42].

Соответствие танцевальной стилистике точно развивает определенный набор качеств, характерный для конкретных танцевальных направлений. Так, по данным различных исследователей самба за счет чередования медленного и быстрого ритма, снижает уровень реактивной и личностной тревожности, понижает уровень восприятия боли; пасодобль, с его целеустремленными, активными, четко выверенными движениями корпуса, помогает преодолевать неуверенность в себе, страх перед публичным выступлением, заикание [66]. Танго влияет на развитие доверия за счет интимной, обхватывающей (обнимающей) позиции, создает стимулирующий физический контакт с терапевтическим свойством [223], позволяющим использовать его в области консультирования пар,

работе с расстройствами настроения, дистрессами, бессонницей, при лечении ряда психических заболеваний и расстройств [200, 213, 215, 223]. Аргентинское танго как форма партнерского танца рассматривалась через выполнение ролей ведущего/ведомого [200, 211, 215, 223, 232], стимулирование внимательности, необходимости постоянной включенности в процесс, быть «здесь и сейчас» [226].

Таким образом, танец и движение могут влиять и на формирование или изменение определенных социально-психологических и психологических характеристик личности: способность к самовыражению, спонтанность, самоактуализацию, креативность, изменение самоотношения, принятие своего тела, формирование положительного образа «Я», умение контролировать агрессивные аффективные реакции и действия, уверенность в себе, развитие высокой степени эмпатии, социальной перцепции, доверия, интуиции, импровизации, эмоционального интеллекта и др. [66, 115, 166], многие из которых способствуют С-ПА мигрантов [13, 68, 166]. Помимо интериоризации, формируемых в ходе танцевальных практик личностных и социально-психологических качеств, происходит перенос этих новообразований на другие жизненные ситуации [48, 97].

Возможно создание классификации танцев в зависимости от выбора психотерапевтических целей - использование различных направлений (бытовые танцы: социальные и фольклорные; исторические; бальные и т.д.), стилей (танго, вальс, румба, танцы живота и т.д.), видов (соло или индивидуальный, парный или партнерский, с его разновидностями - кадрили, двойной партнерский, руэда и групповой), форм (импровизационный и структурированный, включающий в себя, прежде всего спортивный и сценический, с такими его основными видами как балет, эстрадный танец), а также функциональной нагрузки танца (ориентировка на спонтанное самовыражение или ролевое соответствие, в том числе выражающееся в применении различных социальных практик: ритуальные танцы, карнавал, боевые или тотемные пляски, танец шамана и т.д.).

Исследуя особенности диадных и групповых танцев Н. И. Веремеенко, И. Г. Малкина-Пых, Т. А. Шкурко заявляют о распространении на эти феномены

преимуществ групповой терапевтической работы. В контексте социально-психологической адаптации это выражается в том, что совместные танцевальные практики (в паре и группе) влияют на формирование адаптивных способностей и межличностные коммуникации [66, 69, 196], а также способствуют осознанию принадлежности личности к некоторой социальной идентичности за счет принятия психологических характеристик группы (прежде всего групповых интересов, норм и ценностей) [9, 43] без направленного психологического воздействия извне. Наблюдение за выражением чувств через движения других способствует осознанию своих собственных чувств [92]. Групповая форма взаимодействия позволяет затронуть проблему бытия собой, находясь в контакте с другими людьми. Отдельно исследовалась роль танго-сообществ, выполняющих функцию стимулирующего фактора групповой психотерапии [208].

Танцтерапевты отмечают, что выделенные в ТДТ механизмы распространяют свое влияние на любую танцевальную практику, но их значение меняется в зависимости от целей и контекста этой практики. Поэтому, такие разновидности структурированного танца, как спортивный и сценический в значительно меньшей степени используются в классической психотерапии, прежде всего в связи с жесткой регламентацией танцевальной хореографии [48, 49, 196], однако активно применяются в тренингах групповой сплоченности, командообразования, а также практиках самопрезентации на публике. При этом, акцент на соревновательность снижает «чувствование» партнерами друг друга, переводя его в утилитарную и подчиненную вне-танцевальным задачам плоскость [42, 66]. Эволюционируясь, танец в западных культурах из формы социальной коммуникации и самовыражения превратился в вид искусства, целью которого было увеселение публики [143], обнажив одну из наиболее актуальных в современном обществе проблем самовыражения личности в творчестве. В настоящее время преобладает тенденция поляризации творческой деятельности, когда процесс воспроизводства культуры становится прерогативой меньшинства, в то время как большинство стоит на позиции ее потребления [88]. В тоже время

использование в психотерапии особенностей социального танца в контексте регуляции межличностных отношений, в последнее время очень велико [166].

Помимо терапевтического средства танец выполняет функцию передачи культурного опыта [165]. Комплекс заложенных в танце телесных и духовных социокультурных ориентаций дает ему возможность играть важную роль в процессе социализации личности, позволяет говорить о танце как о явлении, феномене в человеческой цивилизации, способном не только воплощать в себе ее черты и характеристики культуры, но и транслировать их [104, 149, 166]. В этой связи необходимо выделить такие подвиды бытовых танцев как фольклорные (пляска) и социальные, которые выполняя функцию передачи культурного опыта, по-разному решают проблему творческой самореализации. Фольклорные танцы, в силу выполняемых ими специфических функций сохранения традиций – жестко структурированы и ограничены в качестве средства творческого развития личности. При этом социальные танцы, будучи, прежде всего, средством общения [149], являются одной из оптимальных форм коллективного творчества, основанного на универсальных культурных феноменах, обеспечивающих реализацию творческого потенциала представителей социума [7, 58].

Таким образом, стилевая импровизация - импровизация в рамках танцевального (аллегория жизненного) стиля с учетом экзистенциальных ценностей, является основой творческой социально-психологической адаптации мигрантов. Определяя границы импровизации, танцевальный стиль устанавливает рамки экспрессивных проявлений, делает танец узнаваемым (нормативным).

1.3.4. Адаптационный потенциал социального партнерского танца.

Социальные танцы составляют основу Д-ТП, под которыми подразумевается танцевальная активность в рамках разных стилей парных и парно-групповых танцев, включающая ситуации обучения танцу, танцевальные вечера, клубное взаимодействие (реальное и виртуальное) и др. Добровольность и паритетность участия исключает компонент соревнования, приводящий к аутгрупповой дискриминации. Основой социальных танцев является партнерская форма

танцевального взаимодействия. Исторически, отвечая вызовам своего времени о равноправии полов [165], социальные парные танцы «золотого века» (конец XIX – 60-е годы XX века) – танго, сальса, свинг, чарльстон и др. - культивировали субъект-субъектную модель взаимоотношений, где сам танец становится результатом совместной деятельности, продуктом взаимодействия. Несмотря на то, что парные танцы достаточно обширно исследовались психологами (Н. В. Каневская, Е. А. Лисина, М. А. Мартынова, Д. А. Толстова, Е. Н. Якунина и др.) не делался акцент на их «партнерской» особенности. По нашему мнению именно эта характеристика парного танца (партнерская форма взаимодействия) является условием стилевой импровизации в межличностном взаимодействии.

Партнерский (субъектный) подход в танцевальном взаимодействии означает «сотрудничество» и «взаимодействие» на основе развитой партнерской позиции, обеспечивающей реализацию взаимного стремления к самовыражению, развитию творческих способностей и принятию солидарной ответственности через универсальные принципы ведения-следования. Танцоры являются полноправными равноценными, но разнокачественными партнерами в создании движения или танца. Партнерская позиция в танце подразумевает, прежде всего, умение держать баланс, стоять «на своих ногах» не опираясь и не облачаясь на партнера, не поддаваясь силе инерции. Это суть партнерского танца, танца двух равноправных самостоятельных автономных субъектов, вполне способных функционировать поодиночке, но добровольно и осознанно принявших решение творить вместе с целью более эффективного использования своего личностного потенциала, в отличие от поиска «точки опоры» (объекта для манипуляций). На первое место здесь выходит установление доверительных отношений, как условие продуктивного творческого взаимодействия, вершиной которого является выработка собственного аутентичного танцевального стиля. Исследователями отмечалось, что лишь творческая активность обеспечивает успешную адаптацию личности [34, 70, 113, 138, 151]. Наилучшим примером творчества, в свою очередь, является импровизация [95], в ходе которой индивидуальное своеобразие людей выявляется наиболее ярко [50].

Партнерская форма танцевального взаимодействия - это паритетное творческое взаимодействие индивидов, лишенное следования жестким социальным стереотипам. Обращаясь, прежде всего к эмоциональному компоненту («танго - это не логика, это чувства» - из дневников поклонников танго), социальные танцы посредством адекватного межличностного взаимодействия, уникального восприятия партнеров и синхронизации поведенческих паттернов, способствуют интеграции в сообщество страны-реципиента через досугово-танцевальную субкультуру. «Нигде больше ты не одинок, и мы все говорим на одном языке - языке объятий, шагов, пауз и ритма, в котором бьется сердце» (из дневников поклонников танго).

Таким образом, вхождение в субкультуру с целью адаптации по внешнему признаку и формированию позитивной социальной идентичности через субъект-субъектное межличностное взаимодействие приводит к творческому развитию способностей к самореализации, достижению аутентичности и формированию позитивной личностной идентичности [154]. Происходит активизация всех трех векторов социально-психологической адаптации: субъект-субъектной сонастройки, самоактуализации и субкультурной идентификации.

Несмотря на многообразие, социальные танцы (аргентинское танго, бачата, вальс, линди хоп, меренге, румба, сальса, самба, свинг, хастл и другие) не воспринимаются как фольклорные или принадлежащие какой-то одной культуре, а отражают процесс слияния культур и являются частью всемирного культурного наследия. В 2009 году эксперты ЮНЕСКО включили танго в список всемирного культурного наследия, то же самое произошло с венскими балами годом позже. Список всемирного нематериального наследия ЮНЕСКО включает в себя практики, навыки и умения, которые признаются рядом групп и сообществ в качестве неотъемлемой части их духовного мира [237]. Мигранты как субкультурное сообщество могут считать себя полноправными соавторами танго, являющегося не просто танцем мигрантов, но и танцем мигрантов поселившихся в больших городах [182].

Танцевальный вид досуга стихийно выбран многими мигрантами, как способ оптимизации социальной адаптации на новом месте во многом благодаря тому, что в данной игровой среде мигранты разных волн и стран совместно с местными жителями творили новые танцевальные стили, опираясь на культурные традиции своих социальных и этнических групп, при этом находясь в равном статусе. Приоритетное направление реализации социально-интеграционного потенциала культурно-досуговой деятельности, по мнению Д. В. Шамсутдиновой, заключается в формировании культуры социальности, т.е. способности к кооперации, солидарности как нормам совместного бытия [180].

Существует множество исследований влияния досуговых и танцевальных практик на социально-психологическую адаптацию, в том числе в инокультурной среде. Культурологи и педагоги, акцентировали внимание на интегративном ресурсе культурно-досуговой деятельности вообще и искусства, в частности (Л. С. Выготский, А. Д. Жарков, А. Н. Леонтьев и др.), а также адаптивной функции инициации как особой формы социализации (Э. А. Королева, Ю. М. Симаева и др.). Изучалось положительное влияние танца на процессы социально-психологической адаптации [48, 66, 67, 92, 104, 143, 165, 166, 188] и психофизиологической адаптации [196].

Дополнительные возможности досуговых практик, как одновременно социального и культурного явления, для социальной адаптации заключаются в создании условий обеспечивающих гармонизацию процессов инкультурации и самореализации личности - за счет их культурного содержания, коллективных форм организации и личностной мотивации [180]. Д-ТП способствуют эффективной интеграции мигранта в социум и культуру, удовлетворяя, с одной стороны, потребности социальной природы человека и создавая условия для решения актуальных личностных проблем, с другой.

Среди стимулирующих факторов, улучшающих процесс С-ПА, называются следующие условия социальной среды: формы принадлежности к группам по интересам и совместного проведения досуга, такие как общность [180] и социальные клубы [11], а также такие их производные как атмосфера и климат

[66, 166]. Отмечается интегрирующая роль социального взаимодействия, его влияние на развитие социальных навыков [11]. Констатируется, что в условиях атмосферы эмоционально-непосредственного, доброжелательного внимания и интереса человека к человеку досуг (в т.ч. танцевальный) расширяет объективные возможности социального самоутверждения личности, через реализацию потребностей в публичном признании, публичном внимании, публичном самовыражении, а также разворачивается личностный потенциал человека, что стимулирует его социальную и творческую активность и совершенствует социальную жизнедеятельность в целом [50, 192, 218].

Подытоживая, можно сказать, что влияние на социально-психологическую адаптацию мигрантов оказывают как терапевтические (социально-психологические), так и социокультурные особенности танцевальных практик. Досугово-танцевальные практики являются специфическими для мегаполиса досуговыми практиками, отвечающими особенностям и вызовам городской жизни, в наибольшей степени отражающими черты мегаполисной идентичности и мегаполисного сознания, способными исполнять роль средства социально-психологической адаптации добровольных мигрантов, как особой категории, более ориентированной на саморазвитие и приверженность гедонистическим ценностям, чем вынужденные переселенцы и беженцы.

Выводы к первому разделу

1. Используемый в работе социокультурный подход подразумевает рассмотрение проблемы социально-психологической адаптации в контексте понятий социализации (адаптация к обществу) и инкультурации (адаптация к культуре). «Социально-психологическая адаптация к новой социокультурной среде» является наиболее приемлемым термином, адекватно обозначающим современные тенденции процесса интеграции взрослого добровольного мигранта в новое социокультурное окружение мегаполиса.

2. Социально-психологическая адаптация к социокультурной среде - это двухсторонний процесс, требующий взаимной субъект-субъектной сонастройки сторон взаимодействия: мигрантов и принимающего населения. Рассмотрение в качестве субъекта исследования добровольных мигрантов акцентирует внимание на присущие им особенности адаптации, выраженные в стремлении к самоактуализации, максимальной реализации личностного потенциала. Мегаполисный характер среды взаимодействия мигрантов и местных жителей обуславливает развитие множественной субкультурной идентичности, включающей как территориальную, так и досуговую.

В основе социально-психологической адаптации мигрантов лежит три ключевых вектора, два из которых характеризуют основные тенденции процесса взаимодействия личности и социальной среды: социальная идентификация (к культуре, субкультуре, социальным нормам) и самореализация (индивидуализация, самоутверждение, самоосуществление), а также инструментальный вектор субъект-субъектной сонастройки, характеризующий принципы межличностного взаимодействия.

3. Досугово-танцевальные практики - это одновременно социальное и культурное явление, наделенное потенциалом универсального средства общения и межличностного взаимодействия, диагностики и коррекции отношений, транслятора культурных норм и традиций социокультурной среды мегаполиса, что обусловило их использование в качестве средства социально-психологической адаптации добровольных мигрантов. Стилевая импровизация партнерского танца является основой адаптационного потенциала досугово-танцевальных практик, способствуя формированию и развитию навыков адекватного восприятия и воспроизводства социокультурных норм и традиций принимающей среды, творческого самовыражения в установленных социумом границах. Досугово-танцевальные практики являются частью мегаполисной субкультуры, способствуют социально-психологической адаптации мигрантов через освоение соответствующих качеств и навыков, а также формирование мегаполисной идентичности. Досугово-танцевальная субкультура по своему

характеру просоциальна, креативна, инновационна, способствует включению своей культуры в культуру мегаполисного сообщества. Ресурсы культуры являются решающими факторами эффективной социально-психологической адаптации мигрантов в инокультурной среде современного мегаполиса и способствуют формированию мегаполисной идентичности, вписывающейся в модель мультикультурного сообщества. Досугово-танцевальные практики культивируют субъект-субъектную форму взаимодействия мигрантов и принимающего населения, поощряющую сохранение их субъектной самостоятельности, уникальности и специфичности.

Социально-психологические функции и терапевтический потенциал танца с одной стороны, а также способность трансляции культурной информации с другой, содействуют выработке адаптивных способностей, превращая досугово-танцевальные практики в средство социально-психологической адаптации мигрантов, в котором актуализируются выделенные вектора адаптации: самореализация, субкультурная идентификация и субъект-субъектная сонастройка.

РАЗДЕЛ 2

ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ДОСУГОВО-ТАНЦЕВАЛЬНЫХ ПРАКТИК КАК СРЕДСТВА СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ МИГРАНТОВ

В разделе проведен феноменологический анализ социально-психологических особенностей досугово-танцевальных практик, представлены описание концептуальной модели стилевого импровизационного взаимодействия в Д-ТП как средства социально-психологической адаптации мигрантов, программа и результаты подготовительного и основного этапа эмпирического исследования влияния досугово-танцевальных практик на процесс социально-психологической адаптации добровольных мигрантов.

2.1. Концептуальная модель стилевого импровизационного взаимодействия как средства социально-психологической адаптации мигрантов.

2.1.1. Феноменологический анализ психологических особенностей досугово-танцевальных практик как средства адаптации. Досугово-танцевальные практики выступают средством социально-психологической адаптации, исполняя роль катализатора процесса С-ПА со свойственными им механизмами, влияющими на развитие соответствующих адаптивных способностей. Описанные ниже феноменологические особенности Д-ТП специфическим образом влияют на развитие указанных личностных качеств и навыков, от которых зависит благоприятность взаимодействия представителей разных культур [72, 117, 157]. Личностные характеристики во многом определяют успешность или неуспешность адаптации, и в то же время сама эта адаптация является мощным стимулом для развития личности.

Исходя из проанализированных теоретических представлений и основываясь на личном опыте исследователя, можно выделить основные

особенности и преимущества в социально-психологической адаптации, которые получает мигрант, включаясь в Д-ТП.

Прежде всего, Д-ТП способствуют *преодолению изоляции за счет мотивации участия мигрантов и местных жителей, их интеграции в референтную группу*. В Д-ТП создана единая среда взаимодействия мигрантов и местных жителей, где за счет внешней аттрактивности совместных практик, высокой мотивации к достижению успеха происходит улучшение адаптированности. (1) Проблема мотивации участия решается через социальный интерес к танцу, доступность, повод для общения, а также возможность развития и реализации личностного потенциала. (2) Создана лабораторная модель общества, где происходит взаимная адаптация конкретных представителей местных жителей, мигрантов-старожилов и новых мигрантов. (3) Возможность перехода из одной группы в другую (транспарентность границы) минимизирует напряженность между группами. Соответствует такому критерию С-ПА, как социальная активность/просоциальное поведение. Названная феноменологическая особенность Д-ТП как средства адаптации способствует развитию таких качеств как: общительность; контактность; коммуникабельность; социальная активность; сплоченность; групповая солидарность.

Использование танцев как дополнительного (общего) языка общения, не дающего экспертных преимуществ ни одной из сторон взаимодействия. Досугово-танцевальные практики выступают универсальным средством социально-психологической адаптации в силу нивелирования разного уровня владения языком мигрантами и местными жителями, что способствует установлению реальных субъект-субъектных отношений, построению взаимодействия на паритетных позициях, а также предоставляет дополнительные возможности самовыражения. Позволяет проявиться таким качествам как: автономность; самостоятельность; способность к равноправному сотрудничеству (установлению партнерских, паритетных отношений); уверенность; инициативность; самосознание; субъектность; самодостаточность; саморегуляция.

Имитация модели поведения. Интериоризация через автоматизацию бессознательных процессов. В Д-ТП у мигрантов вырабатывается умение сродни образно-стилистическому анализу, позволяющее на основании воспринимаемого визуального и аудиального ряда (зрительно-визуального опыта [167]) составить представление (образ) типичного представителя субкультуры. Отрабатывается умение, по характерным признакам, безошибочно определять принадлежность к тому или иному танцевальному и жизненному стилю. Затем с максимальной точностью удастся скопировать практически любой образ (включая манеру вести себя, говорить, двигаться) и в дальнейшем переносить его (воспроизводить традицию) в различных аспектах обыденной жизни. Таким образом, отточенные в Д-ТП умения, компилируются в навыки. Происходит обучение моделям поведения. Формирование навыка зависит не только от автоматизированности, но и от интериоризованности, при этом интериоризация традиционно рассматривается в качестве одного из элементов социализации. Танцевальные движения в данном контексте представляют собой относительно безопасное средство связи с окружающими во время освоения социально-приемлемого поведения [92]. Позволяет проявиться таким качествам как: способность настойчиво оттачивать способы «идеального» взаимодействия (стратегии поведения); принятие групповых норм; чувство меры (такта, «хорошего» тона); умение следовать традициям (нормам, правилам поведения); адекватность; настойчивость; имитация как осознанное стремление копировать определенную модель поведения; идентификация как усвоение образцового поведения, установок и ценностей как своих собственных; культурное инсценирование (изображение, разыгрывание) как способ формирования культурной идентичности.

По сути, эти феноменологические особенности могут быть концептуализированы как вектор адаптации – *субкультурная идентификация*.

Благоприятная эмоционально-комфортная игровая атмосфера. Обращение к Д-ТП в качестве средства С-ПА обусловлено стремлением мигрантов для сохранения своей культурной идентичности, с одной стороны, и

интеграции в новое социальное окружение, с другой, использовать игровую модель адаптации (взаимодействия) «жизнь понарошку», где возможные ошибки не приводят к катастрофичным негативным последствиям, где можно выбрать для себя тип вовлечения: от участия до наблюдения. Дихотомия «игрового» и «серьезного» рассматривается как объяснительный принцип субкультурной идентичности [71, 100]. Кроме того, взаимодействие на интимной дистанции способствует снятию внешних защитных механизмов, установлению особых отношений сродни эффекту «случайного постороннего» уже на первых минутах практик. Д-ТП характеризуются неофициальностью отношений, отсутствием иерархии профессиональной деятельности, преодолением формально-ролевых заданностей контакта и психологических барьеров в общении, удовлетворением насущных человеческих потребностей, не реализованных в других сферах социальной жизнедеятельности. Неформальность и добровольность участия, нескритичность возможного наказания или отрицательного подкрепления обеспечивают большую свободу самовыражения, продуктивно влияют на творческий процесс межличностного взаимодействия [192, 218]. Позитивное настроение шлейфом переносится на другие жизненные ситуации, способствуя развитию уверенности в себе и внешней привлекательности, вызывает мотивацию к контакту и обеспечивает лучшее качество эмоциональной сонастройки партнеров по взаимодействию [11, 48]. Названная феноменологическая особенность Д-ТП как средства адаптации развивает качества: толерантность; терпимость; принятие других; чувствительность; умение находить общий язык; открытость; принятие неудач; оптимизм; умение отвлечься от проблем; расслабленность; конформность как осознание расхождения во мнениях с окружающими людьми и внешнее согласие с ними, реализуемое в поведении.

Трансовое состояние. Синхронизация. Ритм способствует вхождению человека в состояние транса (измененное состояние сознания, при котором прекращается критическое восприятие информации и снижается способность последовательно анализировать и осмыслять), характеризующегося подключением подсознательной ритмической организации движений, что

приводит к достижению лучших результатов межличностного взаимодействия за меньший промежуток времени [29]. Д-ТП как сфера комплексного применения музыки (ритм, мелодия, гармония) и движения, обеспечивают комфортные условия для безболезненного протекания процесса адаптации, а многообразие их стилей и направлений позволяет учитывать индивидуальные особенности психики человека. Всевозможные синкопированные ритмы, обладают определенным тонизирующим свойством, способствуют повышению жизненной активности и, как следствие, адаптивности [162, 192]. Способствует проявлению таких качеств как: умение подстраиваться; уравновешенность; чувство баланса; легкость подхода к решению проблем; самонастрой на внутренние ощущения; частотная сонастройка; способность вхождения в эйфорическое состояние потока; вдохновение; способность управлять инерцией движения.

Невербальный характер взаимодействия, обеспечивающий точное и адекватное межличностное восприятие. Ориентация на невербальные способы общения, которые раньше осваиваются в онтогенезе и вызывают больше доверия, чем вербальные, а также предполагают особую развитость обратной связи, как условие взаимопонимания. В Д-ТП реагирование на невербальное общение происходит с преобладанием аффективного над интеллектуальным, чувств над пониманием, эмоционального над рациональным, а изменения в восприятии, реакциях и поведении происходят не осознаваясь (антиинтеллектуальная позиция Перлза). В Д-ТП происходит смещение равновесия от чрезмерного преувеличения роли сознания к возвращению значения роли телесных ощущений и чувств, при этом достигается оптимальный баланс телесного и интеллектуального. Способствует проявлению таких качеств как: умение понимать и передавать невербальные сигналы (мысли, намерения, чувства, эмоции); способность точного и адекватного восприятия партнеров по общению и взаимодействию; умение считывать эмоциональный фон; умение сонастроиться на партнера; интуиция; способность к эмпатии; способность к эмоциональному притяжению; эмоциональность; эмоциональный (социальный) интеллект.

Эти феноменологические особенности соответствуют вектору С-ПА – *субъект-субъектная сонастройка*.

Многоканальность восприятия опыта взаимодействия. В Д-ТП, социальное научение через наблюдение, имитацию и идентификацию происходит по нескольким каналам приема-передачи информации: визуальный, аудиальный, осязание, а также с помощью вестибуло- и проприорецепторов. Подобная подача материала обеспечивает его лучшее восприятие, усвояемость и более надежное долгосрочное закрепление - телесную фиксацию (накладывание навыков сознания на телесные движения – реальность телесности) [66]. Таким образом, достигается кумулятивный эффект. Названная феноменологическая особенность Д-ТП как средства адаптации способствует развитию таких качеств как: внимание; наблюдательность; концентрация; чуткость; развитость психофизиологических каналов восприятия; способность адекватно оценивать обстановку.

Диадное взаимодействие, основанное на доверии. В Д-ТП как интерактивном виде досуга основой диадного взаимодействия является доверие, что формирует толерантность не только к субъекту взаимодействия, но и к ситуациям неопределенности. Взаимодействие в Д-ТП не предполагает некий значимый временной промежуток между действиями индивидов, а поэтому доверие возникает не как результат создания «долгосрочного» рационального кредита доверия, а как имплицитное условие. Доверительное межличностное взаимодействие устанавливается как единственно возможное, априорное. Доверие является предпосылкой и результатом взаимодействия. Происходит безусловное принятие и имплицитное научение позитивным способам взаимодействия, основанным на доверии. Диадное взаимодействие приобретает черты диалогического общения - равноправного субъект-субъектного взаимодействия, умения разрешать конфликтные ситуации, способности прощать, договариваться и т.д. Названная феноменологическая особенность Д-ТП как средства адаптации способствует развитию таких качеств как: доверие; сензитивность; способность ориентироваться во времени «здесь и сейчас»; способность доверять; способность вызывать доверие; ответственность.

Закрепление паритетных партнерских (оптимальных) субъект-субъектных поведенческих стратегий взаимодействия через ролевые механизмы Д-ТП ведения/следования. Активность участников взаимодействия. Д-ТП предоставляют возможность сохранить культурное своеобразие индивида. Нет необходимости скрывать свои отличия, а наоборот всячески приветствуется их проявление, т.к. это демонстрирует индивидуальный стиль (привлекательность танца в его своеобразии) и способствует паритетности взаимодействия [45]. Танцоры являются полноправными равноценными, но разнокачественными партнерами в создании движения или танца. Субъект-субъектные стратегии великолепно отрабатываются в досугово-танцевальных практиках, в которых межличностное взаимодействие построено на паритетности и партнерстве, что приводит к наработыванию навыков разрешения конфликтных ситуаций с учетом поведения других партнеров по взаимодействию их мнения и жизненной позиции [34]. Ролевые механизмы ведения-следования позволяют эффективно отработать доминантные и зависимые стратегии поведения. Само участие в Д-ТП наряду с новыми мигрантами, местных жителей и мигрантов старожилов на условиях паритетности стимулирует принятие субъект-субъектных отношений как нормы поведения. Названная феноменологическая особенность Д-ТП как средства адаптации способствует развитию таких качеств как: аутентичность; естественность; лидерство; самодостаточность; уверенность; ответственность; активность; умение выстраивать равноправные партнерские отношения; ориентация на партнерство во взаимоотношениях; ориентация на императивно-манипулятивное взаимодействие (манипулятивные отношения также отрабатываются, но Д-ТП показывает их уязвимость); способность следовать за партнером по взаимодействию.

Оптимальный баланс использования навыков понятийного и фрагментарного (клипового) способов восприятия и мышления. Развивается способность использования конвергентного и дивергентного способов мышления и поведения. Стимулируется умение прогнозирования поведения. Гармоничное сочетание понятийного и клипового восприятия и обработки информации

позволяет, с одной стороны концентрировать внимание и анализировать информацию, а с другой – значительно сократить время принятия решений в процессе межличностного взаимодействия. Таким образом, Д-ТП способствуют избавлению от стереотипизации мышления, влияя тем самым на отказ от жестких стереотипов поведения [218]. Ориентированность на творческое импровизационное взаимодействие участвующих в Д-ТП мигрантов и представителей местного населения нивелирует влияние негативных социальных стереотипов, становится методом их преодоления или изменения. Названная феноменологическая особенность Д-ТП как средства адаптации способствует развитию таких качеств как: способность к импровизации; творческий подход к взаимоотношениям; конвергентность и дивергентность поведения; спонтанность; терпимость к спонтанности партнера; нешаблонность (мышления, принятия решений, выбора стратегий поведения); изобретательность; креативность; гибкость мышления; гибкость поведения; быстрота решения практических вопросов.

Данные феноменологические особенности могут быть концептуализированы как вектор адаптации - *самоактуализация*.

Таким образом, феноменологические особенности Д-ТП как средства С-ПА способны описать действие ключевых векторов адаптации, определенных в результате теоретического анализа, что позволяет предположить существование специфических механизмов адаптации, присущих Д-ТП.

2.1.2. Векторы социально-психологической адаптации в досугово-танцевальных практиках. Выводы теоретического раздела и феноменологического анализа позволили на данном этапе перейти к конструированию концептуальной модели стилового импровизационного взаимодействия как средства адаптации (рис. 2.1.). В Д-ТП, на фоне внешней аттрактивности практик, происходит развитие адаптивных способностей (личностных и социальных качеств), формирование навыков аутентичного самовыражения и творческого импровизационного взаимодействия (вектор СР), в

сочетании со способностями адекватной самопрезентации и стилевого соответствия (вектор СИ), а также точного восприятия другого человека в процессе межличностного взаимодействия (вектор ССС).

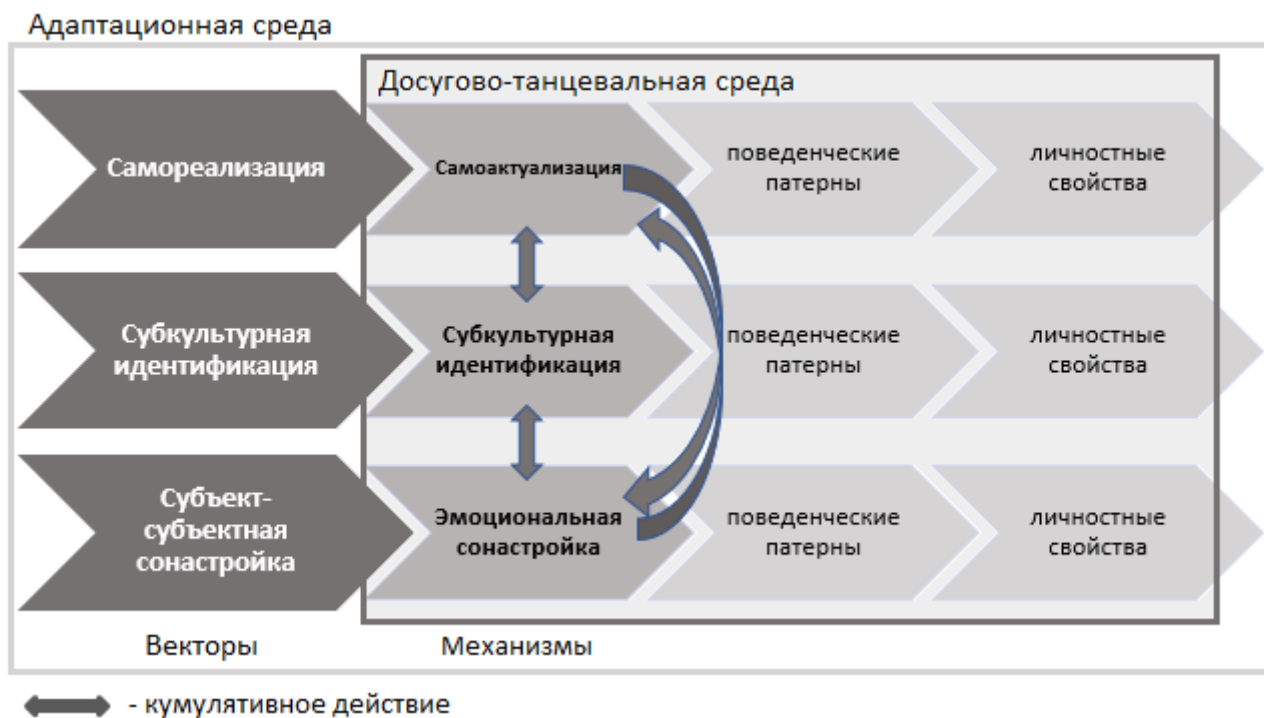

Рис. 2.1. Концептуальная модель стилевого импровизационного взаимодействия как средства социально-психологической адаптации мигрантов.

Описание рисунка. Три вектора социально-психологической адаптации (социальная идентификация, самореализация, субъект-субъектная сонастройка) актуализируются в ходе процесса адаптации, начинающегося после смены места жительства, переезда в другую страну. При этом на первом этапе процесса адаптации – этапе ориентировки, актуализируется лишь вектор субъект-субъектной сонастройки, являющийся буферным. Вектор субъект-субъектной сонастройки предваряет актуализацию векторов социальной идентификации и самореализации в ситуации, когда нет определенности по направлению трансформации социальной идентичности (неясно к какому сообществу примыкать) и нет ощущения возможности реализации личностного потенциала. Векторы субкультурной идентификации и самореализации являются основными и отражают две главные тенденции процесса социально-психологической адаптации мигрантов - стремления быть принятым и самореализоваться.

Векторы адаптации в Д-ТП раскрываются в механизмы самоактуализации, субкультурной идентификации и эмоциональной сонастройки, благодаря которым происходит развитие у мигрантов специфических личностных и социально-психологических качеств (описанных в феноменологическом анализе), облегчающих процесс адаптации в мегаполисе.

В настоящее время не существует единого подхода к определению сущности психологического механизма. Психологические механизмы изучались В. С. Агеевым, Л. И. Анцыферовой, В. К. Вилюнас, Е. А. Доценко, А. В. Карповым, В. Г. Леонтьевым, Е. В. Рогулиной, Р. Д. Санжаевой, А. С. Шаровым и др. Е. А. Доценко определяет психические механизмы как целостный набор психических состояний и процессов, реализующих движение к некоторому результату в соответствии со стандартной или часто встречающейся последовательностью. При понимании психологических механизмов нам близка позиция Л. И. Анцыферовой, которая рассматривает психологические механизмы как «закрепившийся в психологической организации личности функциональные способы ее преобразования, в результате которых появляются различные психологические новообразования, повышается или понижается уровень организованности личной системы, меняется режим ее функционирования» [81].

В построении концептуальной модели мы опирались на положения М. А. Гулиной, Л. В. Корель, М. И. Скубий, Т. Г. Стефаненко и др. о возможности выделения набора качеств, способствующих С-ПА (и, в нашем случае, развивающихся в Д-ТП). При этом, за данными личностными (уникальными) и социальными (универсальными) качествами мы рассматриваем механизмы адаптации, а не просто личностные диспозиции.

Механизмы С-ПА в Д-ТП соотносятся с векторами адаптации конкретизируя и операционализируя их. В свою очередь, механизмы операционализованы в Д-ТП в адаптивных свойствах и поведенческих показателях, позволяющих измерить их динамику. Таким образом, векторы выражаются в указанных механизмах, а механизмы проявляются в адаптивных

свойствах, содержательных характеристиках социальной идентичности и поведенческих показателях.

В Д-ТП вектор адаптации субъект-субъектная сонастройка на партнера по взаимодействию раскрывается в психологический механизм эмоциональной сонастройки и выражается через способность к эмпатии, точное восприятие партнера по взаимодействию, умение чувствовать баланс собственного тела, тела партнера, способность управлять инерцией движения, не нарушая тактильный контакт, кинестетически отзеркаливать движения партнера, ритмически синхронизироваться. Механизм эмоциональной сонастройки проявляется в Д-ТП в следующих поведенческих показателях: конгруэнтность, кинестетическая эмпатия, динамическая интуиция. Механизм эмоциональной сонастройки включает в себя более частные механизмы, в т.ч. социальной перцепции: взаимного распознавания оппонентов в процессе общения – идентификация, эмпатия, аттракция, стереотипизация; познания себя при общении с другим – рефлексия; прогнозирования изменений в поведении партнера - каузальная атрибуция, категоризация, а также передачи эмоционального состояния - социальная индукция (эмоциональное заражение), эмоциональный резонанс.

Вектор адаптации субкультурная идентификация раскрывается в Д-ТП в одноименный механизм, соотнесенный с досугово-танцевальной субкультурой мегаполиса. В Д-ТП социально-психологический механизм субкультурной идентификации выражается в воздействии досугово-танцевальных практик современного города на формирование социальной идентичности мегаполисного типа, интеграции индивидуумов в городское социокультурное сообщество через танцевальную субкультуру. Субкультурные нормы закрепляются в диадном и групповом взаимодействии. Проявляется в Д-ТП в следующих поведенческих показателях: стилевое соответствие, ритмическая групповая активность, диадное взаимодействие. Механизм субкультурной идентификации включает в себя более частные механизмы: имитация, интроекция, подражание.

Вектор адаптации самореализация проявляется в Д-ТП в механизме самоактуализации через творческий нестереотипный импровизационный подход к

налаживанию оптимального партнерского межличностного взаимодействия и способность субъектного аутентичного самовыражения. Термин «самоактуализация» был выбран в связи с тем, что он наиболее полно отражает: максимальную реализацию человеком своих возможностей, стремление стать тем, кем он способен, развитие творческого и духовного потенциала, адекватное восприятие окружающих, мира и своего места в нем, богатство эмоциональной сферы и духовной жизни, высокий уровень психического здоровья и нравственности. Механизм самоактуализации операционализируется в Д-ТП в следующих поведенческих показателях: аутентичное движение, социальная креативность, тактильное доверие. Механизм самоактуализации включает в себя более частные механизмы мышления и творчества.

Подытоживая, можно определить психологический механизм социальной адаптации, присущий досугово-танцевальным практикам как имеющийся в психологической организации личности функциональный способ изменения личностных и социально-психологических качеств (адаптивных способностей), содержательных характеристик социальной идентичности и поведенческих паттернов.

2.1.3. Стилевая импровизация как синтез механизмов адаптации мигрантов в досугово-танцевальных практиках. Интегративное понятие стилевая импровизация наиболее точно характеризует принцип действия трех обозначенных механизмов социально-психологической адаптации мигрантов средствами Д-ТП – эмоциональная сонастройка, субкультурная идентификация и самоактуализация – творческая самореализации в заданных (нормами, традициями, правилами поведения) рамках. Наиважнейшей характеристикой основы Д-ТП – социальных парных танцев является стиль. Именно способность самореализации и умение выстраивать творческое взаимодействие в рамках танцевального стиля является основополагающей характеристикой Д-ТП как средства адаптации мигрантов. Поэтому, названные выше психологические механизмы, действующие в Д-ТП, могут быть интегрированы в понятие группы

механизмов стилевой импровизации, как основы позитивного воздействия Д-ТП на социально-психологическую адаптацию мигрантов.

Сущность стилевой импровизации. В процессе взаимодействия (co-creative – творческого взаимодействия) человек проясняет свою идентичность, в личностной идентичности проявляется стремление человека к своей индивидуальности, неповторимости, в а социальной – стремление соответствовать нормативным ожиданиям партнёра [129]. Согласно выводам теоретического раздела, абсолютное большинство исследователей полагают, что С-ПА является оптимальной при наличии обеих этих условий. При этом такие категории мигрантов, как гастарбайтеры, беженцы, вынужденные переселенцы, в большинстве своем, адаптируются по аналогии закрытых сообществ: тюрьма, армия, милиция и др. Ставя задачами адаптации «перетерпеть», «отбыть срок», конформно приспособиться они стремятся к подчеркиванию своего однообразия с доминирующим сообществом. Специфика занятий Д-ТП способствует поиску компромисса между необходимостью быть в рамках танцевального стиля и при этом иметь возможность проявить свою индивидуальность, аутентичность, отличаться своей уникальной техникой и артистичностью. Д-ТП предоставляют возможность тренинга умения быть, «как все», но при этом оставаться собой.

Мы вводим категорию оптимальность, понимая под этим, что «ни один стиль (стратегия) не является универсально хорошим или абсолютно непригодным, скорее речь идет о соответствии стиля требованиям ситуации, поэтому каждый стиль в какой-то ситуации может оказаться оптимальным» [187, с. 34]. При этом, подчеркиваем возможности Д-ТП по формированию мобильности стиля, понимая, что за феноменом мобильности стиля скрывается механизм творчества. Творческие люди демонстрируют незаурядные способности в совмещении способов поведения, характерных для лиц с разным стилем, повышая продуктивность своей деятельности [186, 187].

Таким образом, название стилевая импровизация соответствует логике творческого развития личности в танцевальных практиках, когда для формирования индивидуального стиля, необходимо изменять, «нарушать»

границы стиля танцевального, при этом четко представляя, где эти границы проходят. В противном случае есть опасность «выпасть» не только из танцевального стиля, но и из «стиля поведения» референтной социальной группы.

Связь механизмов с этапами адаптации. Множество исследователей выделяют этапы в процессе С-ПА [98]. Так среди этапов (фаз) адаптации выделяют первичный этап – срочной, экстренной, но не всегда совершенной адаптации и последующий этап более совершенной и долговременной адаптации [36]. Первый этап, определяемый нами как ориентировка предполагает корректирование, согласование, регулировку, подгонку, приспособление в части изучения и принятия требований среды, настройки на общий эмоциональный фон. Этот этап адаптации, подразумевающий фактически мимикрию (маскирование), в танцах проявляется как отзеркаливание, подстройка, которое происходит, прежде всего, на эмоциональном уровне, поэтому механизм социально-психологической адаптации средствами Д-ТП включающийся в работу на этом этапе мы называем – эмоциональная сонастройка.

Отмечая кризис и трансформацию идентичности, как характерные особенности протекания процесса социально-психологической адаптации, и фокусируясь на адаптации добровольных мигрантов в мегаполисе, мы заявляем о субкультурном характере изменений происходящих на следующем этапе адаптации под воздействием специфического социально-психологического механизма адаптации в Д-ТП субкультурная идентификация.

Лишь позднее появляется потребность изменения и/или себя, и/или среды, преодоления. Рассматривая социально-психологическую адаптацию, как часть процесса развития личности, и принимая во внимание особенные потребности и ожидания добровольных мигрантов, связанные с субъект-субъектностью межличностного взаимодействия, паритетными партнерскими (не манипулятивными) отношениями, творческими (не стигматичными, стереотипными) стратегиями и правилами поведения, мы выделяем механизм самоактуализации.

Таким образом, процесс обучения танцам наглядно повторяет этапы процесса социально-психологической адаптации от отзеркаливания (подражания) движений авторитетных танцоров, внешней идентификации с населением региона прибытия до импровизации, намеренного подчеркивания индивидуальности, самореализации к оптимальной стратегии налаживания продуктивного межличностного взаимодействия в изменившихся жизненных условиях, интеграции.

Творчество в рамках танцевального стиля (МСИ) (в отличие от спонтанной импровизации ТДТ и структурированной хореографии классических танцев) способствует формированию поведенческих навыков, оптимально сочетающих следование социальным нормам и аутентичное самовыражение (МСА), столь необходимым в процессе адаптации к новому социальному окружению. Все это усиливается тем, что личностный подход Д-ТП предполагает отношение к партнерам по взаимодействию не как к представителям социальных групп, а как уникальным субъектам (МЭС). Таким образом, Д-ТП, через механизмы стилевой импровизации, обеспечивают создание условий реальной, а не формальной (конформной) адаптации. Оптимально разрешается дилемма: быть частью социума, сохраняя собственную индивидуальность. Д-ТП (как технология адаптации, избранны самими мигрантами) позволяют решать проблемы адаптации стратегически с учетом потенциального развития личности (ВСП) на пути к ее самоактуализации.

Соподчиненность социально-психологических механизмов адаптации мигрантов посредством Д-ТП выглядит следующим образом: эмоциональная сонастройка (МЭС) – базовый («казаться»), характеризующийся такими понятиями, как эмоциональный интеллект, эмпатия и обеспечивающий успешность контакта, самоактуализация (МСА) и субкультурная идентификация (МСИ) – основные («быть»), отражающие главное противоречие между стремлением человека к аутентичному самовыражению и соответствию социальным нормам, принятым кругом значимых людей. Т.о. механизмы стилевой импровизации, развивая адаптивные способности мигрантов,

преобразуют содержание смысла адаптации: от ориентировки на приспособление, к поведению, направленному на преодоление и преобразование.

Уточнение системы гипотез влияния Д-ТП на С-ПА предполагает определение задач по операционализации механизмов, созданию батареи диагностических методик и проведению эмпирического исследования.

1. В Д-ТП происходит актуализация ключевых векторов адаптации в форме реализации механизмов стилевой импровизации (МехСИ Д-ТП): эмоциональная сонастройка, субкультурная идентификация, самоактуализация, которые позитивно влияют на С-ПА мигрантов, способствуя оптимальному протеканию процесса.

Трехвекторная структура механизмов Д-ТП согласно концептуальной модели адекватно описывает личностные новообразования, которые способствуют повышению уровня С-ПА.

2. Механизмы стилевой импровизации (МехСИ) способствуют формированию и развитию адаптивных способностей, а также изменению содержательных характеристик социальной идентичности и поведенческих паттернов. Механизм эмоциональной сонастройки проявляется в способности к эмпатии, точному и адекватному восприятию партнеров по взаимодействию. Механизм субкультурной идентификации - в изменении содержательных характеристик социальной идентичности. Механизм самоактуализации – в аутентичном самовыражении; творческом, импровизационном подходе к налаживанию межличностных взаимоотношений. Стилевая обусловленность социальных парных танцев, как основы досугово-танцевальных практик, способствует уникальному гармоничному синтезу установленных стилем двигательных и поведенческих паттернов с одной стороны и аутентичной творческой самореализации с другой, что соответствует характеру процесса социально-психологической адаптации и общим тенденциям развития личности (уникальность – социальность). Поэтому тренинг, активизирующий в ДТП механизмы стилевой импровизации может оказывать воздействие на общий уровень С-ПА.

3. Через референтную Д-ТП группу (членством в которой индивид дорожит, а значит, изменяет свое поведение и аттитюды в соответствии с групповыми стандартами) мигрант интегрируется в мегаполисное сообщество. Таким образом, мигрант в процессе С-ПА выбирает стратегии, ориентированные на взаимодействие, а не на обособление. Благодаря участию в Д-ТП, привлекающих мигрантов в периоды кардинальной смены социального окружения ориентацией на повышение качества жизни, неформальностью отношений, возможностью самореализации и др., успешно решается проблема кризиса идентичности за счет формирования позитивной социальной идентичности репрезентирующей социокультурную реальность мегаполиса. Происходит опосредованная Д-ТП адаптация к мегаполису. Идентификация с танцевальной группой, в которую включены и мигранты и представители сообщества мегаполиса принимающей страны, повышает уровень С-ПА.

Получив опыт продуктивного, творческого взаимодействия в Д-ТП, мигранты и представители местного населения легче найдут «общий язык» за пределами территории досуга. Предполагается эмпирически проверить сказывается ли успешное взаимодействие в ходе Д-ТП на отношения танцующих мигрантов и представителей местного населения в обыденной жизни. Дабы подтвердить это утверждение необходимо использовать валидный инструментарий, позволяющий учесть мнения обеих сторон взаимодействия.

4. Ролевые механизмы ведения-следования позволяют эффективно отработать зависимые стратегии поведения, тем самым способствуя научению субъект-субъектным стратегиям взаимодействия, наиболее оптимальным в процессе С-ПА. Добровольные мигранты (в своем подавляющем большинстве) с активной творческой жизненной позицией по перемене мира, которую они демонстрируют, в том числе инвестируя свое свободное время в занятия творческим досугом, с целью улучшения качества жизни и оптимизации межличностного взаимодействия, не склонны рассматривать проблему адаптации узко-ситуативно через достижение определенной степени материального благосостояния и ориентации исключительно на возможность заработка, а

отмечают социально-психологический аспект проблемы, которую воспринимают частью процесса развития личности, предполагающего возможность самореализации и аутентичного самовыражения.

5. Точность и адекватность межличностного восприятия обеспечивается невербальным характером взаимодействия в Д-ТП, что влияет на его эффективность как средства С-ПА мигрантов. Невербальный характер эмоциональной сонастройки в Д-ТП способствует формированию поведенческих паттернов (конгруэнтность, кинестетическая эмпатия, динамическая интуиция), которые в свою очередь, способствуют личностным новообразованиям адаптивных (эмпатических) способностей.

Суть концептуальной модели (основное предположение) заключается в следующем:

1. В результате теоретического анализа сущности и содержания социально-психологической адаптации были обозначены ключевые векторы (субкультурная идентификация, самореализация, субъект-субъектная сонастройка) осуществления этого процесса у добровольных мигрантов в мегаполисе.

2. Феноменологический анализ социально-психологических характеристик досугово-танцевальных практик позволил выявить особенности их воздействия на социально-психологическую адаптацию мигрантов, что привело к предположению о существовании специфических механизмов адаптации в Д-ТП - механизмов стилевой импровизации: эмоциональная сонастройка – соответствует вектору субъект-субъектная сонастройка, субкультурная идентификация - соответствует одноименному вектору и самоактуализация - соответствует вектору самореализация.

3. Предполагается наличие связи механизмов стилевой импровизации, их поведенческих показателей с развитием адаптивных способностей, необходимых для успешной социально-психологической адаптации, формировании позитивной социальной идентичности мигрантов.

Таким образом, задачей дальнейшего исследования является верификация данной концептуальной модели через доказательство системы гипотез, что

должно быть реализовано в программе эмпирического исследования социально-психологической адаптации мигрантов.

2.2. Программа эмпирического исследования механизмов социально-психологической адаптации, актуализирующихся в досугово-танцевальных практиках.

2.2.1. Цель, задачи и схема эмпирического исследования.

Теоретический анализ проблемы социально-психологической адаптации добровольных внешних мигрантов, в том числе в общине мегаполиса, показал целесообразность исследования социокультурных особенностей этого процесса. Была обнажена проблема недостаточного исследования в психологической литературе связи феноменов «добровольные мигранты» и «досугово-танцевальные практики».

Целью настоящего исследования является выявление и подтверждение действия механизмов социально-психологической адаптации добровольных мигрантов средствами досугово-танцевальных практик, что предполагает, во-первых, исследования функционально-содержательных особенностей досугово-танцевальных практик, во-вторых, выделение показателей адаптивных способностей, отражающих влияние Д-ТП на процесс социально-психологической адаптации мигрантов. Использование соответствующего психодиагностического инструментария позволит адекватно исследовать особенности социально-психологической адаптации добровольных мигрантов, характеристики досугово-танцевальных практик, а также подтвердить действенность механизмов социально-психологической адаптации мигрантов.

Была разработана модель эмпирического исследования, представленная в таблице 2.1.

Схема эмпирического исследования

Разведывательное исследование (предварительное)	Доказательное исследование (основное)			
-исследование представлений об адаптации (ассоциат. эксп.) -социальной дистанции мигрантов и ДТП (опрос Богардус) -ДТП среди досуговых предпочтений (опрос)	Констатирующий этап		Формирующий этап	
	<i>качественные методы</i>	<i>количественные методы</i>	<i>методический подэтап</i>	<i>Диагностически-тренинговый подэтап</i>
	-включенное наблюдение -контент-анализ, интернет -глубинное интервью -фокус-группы	- создание методики -подтверждение механизмов (опрос: субъективное шкалирования)	- подбор комплекса методик - авторская методика (создание и апробация авторской методики процессуальной диагностики)	- дотренинговая диагностика - тренинг + мониторинг - посттренинговая диагностика

Программа исследования включает предварительное и основное исследование (см. Приложение А.). Необходимость проведения предварительного (разведывательного) этапа объясняется слабой изученностью, как категории «добровольные мигранты», так и феномена «досугово-танцевальные практики».

Для достижения исследовательской цели во время предварительного исследования решались следующие задачи:

- Выявление социальных представлений добровольных мигрантов о проблемах и желаемых результатах процесса адаптации;

- Исследование избирательного характера социальных связей мигрантов и местных жителей;

- Определение досуговых предпочтений названных социальных групп (мигрантов и местных жителей);

- Анализ результатов предварительного этапа исследования.

Задачами основного исследования были:

- Подтверждение ключевых векторов и определение механизмов социально-психологической адаптации мигрантов, присущих Д-ТП, через выявление адаптивных способностей, вырабатываемых в досугово-танцевальных практиках, способствующих оптимизации процесса адаптации (в ходе констатирующего этапа (качественного и количественного подэтапов) исследования);

- Установление эмпирическим путем, в понятных мигрантам терминах, личностных и социально-психологических качеств (адаптивных способностей), отражающих характеристики векторов и механизмов адаптации;

- Создание Методики «16-С-ПА» (16 качеств социально-психологической адаптации) - диагностического инструментария, способного определить адаптивные способности, вырабатываемые в Д-ТП и влияющие на адаптацию мигрантов, а через них подтвердить действие механизмов адаптации;

- Осуществление предварительного отбора необходимого диагностического инструментария путем анализа психодиагностической литературы;

- Отбор и пилотная апробация психодиагностических методик с целью изучения социально-психологической адаптации и механизмов ее оптимизации в Д-ТП, обоснование отобранного психодиагностического инструментария;

- Определение характерных особенностей, функций досугово-танцевального воздействия и создание авторской методики процессуальной диагностики (экспертной оценки) поведенческих показателей механизмов стилево-импровизационного социального взаимодействия;

- Формирование окончательной батареи методик эмпирического исследования;
- Проверка эффективности танцевального тренинга повышения адаптационного потенциала мигрантов и взаимной адаптации мигрантов и представителей местного населения в ходе формирующего этапа исследования;
- Установление направления связи влияния Д-ТП-методов, через изменение поведенческих паттернов, на формирование и развитие адаптивных способностей и соответственно уровня адаптации, подтверждающее действие механизмов стилевой импровизации.

Таким образом, специфика предмета исследования предопределила априорно-апостериорный характер верификации концептуальной модели исследования.

Схема исследования. В соответствии с целями и задачами, схема (последовательность) этапов комплексного эмпирического исследования подчинена следующей логике их построения. Предварительное исследование было направлено на выяснение таких вопросов: кто такие добровольные мигранты сегодня, чем они отличаются от других категорий мигрантов, какие их ожидания от миграции, что видится оптимальным результатом адаптации, какой характер взаимодействия и с какими группами нового социального окружения видится наиболее важным, мотивация и ожидания от участия в Д-ТП. Таким образом, предварительное исследование было осуществлено для более четкой операционализации рабочих понятий и экспериментальных переменных. В ходе предварительного исследования был применен метод ассоциативного эксперимента, шкала социальной дистанции Богардуса и авторская анкета определения досуговых предпочтений.

Основное исследование включало в себя констатирующий этап, подтверждающий наличие механизмов социально-психологической адаптации мигрантов, средствами Д-ТП и формирующий - подтверждающий действие этих механизмов. Качественный подэтап констатирующего этапа заключался в подготовке и проведении комплекса исследований (Включенные наблюдения,

Глубинные интервью, Контент-анализ интернет ресурсов, Фокус-групповые интервью) с целью определения адаптивных способностей, вырабатываемых в занятиях Д-ТП и влияющих на социально-психологическую адаптацию мигрантов. Количественный подэтап констатирующего этапа предполагал создание рабочей исследовательской Методики «16-С-ПА», с помощью которой выявлялась зависимость между вырабатываемыми в занятиях Д-ТП и способствующими процессу адаптации параметрами и определялось наличие механизмов адаптации мигрантов посредством Д-ТП.

Методический подэтап формирующего этапа включал в себя подбор комплекса методик, а также создание и апробацию авторской методики процессуальной диагностики социально-психологической адаптации мигрантов средствами Д-ТП (в дальнейшем: Методики «С-ПА Д-ТП»), благодаря которым предполагалось подтвердить действие механизмов социально-психологической адаптации мигрантов, средствами Д-ТП. По сути, создание методического инструментария эмпирического исследования происходило во время двух подэтапов и решало, как исследовательскую задачу поиска механизмов адаптации, так и процессуальную - фиксации их работы. Диагностико-тренинговый подэтап в ходе формирующего эксперимента обеспечил контроль изменений качеств, стандартизируемыми методиками, а также методикой процессуальной диагностики, что подтвердило действие механизмов социально-психологической адаптации мигрантов, средствами Д-ТП.

Общие параметры выборки испытуемых. Всего на разных этапах (включая пилотные): в исследовании участвовало 1296 респондентов (с учетом повторного участия) из них 528 мужчин и 768 женщин. Возраст респондентов от 17 до 71 года. Средний возраст составил 35 лет. Респонденты представляли 17 стран (в которых проживают в настоящее время): Беларусь, Бельгия, Германия, Грузия, Израиль, Казахстан, Канада, Кипр, Латвия, Ливан, Польша, Россия, США, Украина, Финляндия, Чехия, Швейцария. Среди респондентов общее число добровольных мигрантов составило 1099 (84.8% от выборки) из них внешние мигранты - 963 (74.3% от выборки исследования) человека, внутренние – 136

(10.5% от выборки). Кроме того, в исследовании принимали участие 41 экспатриант (3.2% от выборки) и 38 трудовых мигрантов (гастарбайтеров) (2.9% от выборки). Среди общего числа различного рода мигрантов до трех лет в стране-реципиенте проживали 759 (58.6 % от выборки) человек (без учета результатов включенного наблюдения, где этот параметр не учитывался), из которых: 616 (47.5% от выборки) добровольных внешних мигрантов, 79 (6.1% от выборки) внутренних мигрантов, 38 (2.9% от выборки) трудовые мигранты и 26 (2% от выборки) экспатриантов. В предварительном исследовании приняли участие 402 человека, из них 68.9% доля добровольных мигрантов (внешних и внутренних) или 277 человек. Участниками констатирующего этапа исследования были 714 человек, из которых 642 (89.92%) являлись внешними мигрантами (добровольными и экспатриантами). При этом среди 600 респондентов Методики «16-С-ПА» (рабочей исследовательской методики) 287 человек (мигрантов и экспатриантов) 47.8 % опрошенных проживали в стране реципиенте менее трех лет. На формирующем этапе участвовало 120 респондентов добровольных мигрантов, каждый из которых на момент диагностики проживал в стране-реципиенте (Израиль) менее трех лет. (см. Приложение Б.).

Следовательно, недостаточная эмпирическая разработанность основных объектов работы – «социально-психологическая адаптация добровольных мигрантов» и «досугово-танцевальные практики», предопределили, наряду с основным, необходимость проведения подготовительного исследования.

2.2.2. Этапы и процедуры исследования. Обоснование отбора и характеристика методов исследования механизмов социально-психологической адаптации мигрантов, свойственных досугово-танцевальным практикам. На каждом этапе эмпирического исследования использовались различные научно-психологические методы.

Метод включенного наблюдения в настоящее время является одним из мировых трендов социогуманитарных исследований. Объектом наблюдения есть явления и события, происходящие независимо от исследователя, изучаемые им in

vivo. На основе наблюдения выдвигаются гипотезы, проверяемые в ходе эксперимента. Личный мигрантский и танцевальный опыт позволяет автору глубже и качественней подойти к проблемам настоящего исследования.

Метод контент-анализа позволяет делать качественно-количественный анализ содержания сообщений, который заключается в фиксации смысловых единиц исследуемого текста. Его использование целесообразно в изучении социально-психологических явлений, которые отражены в массиве (содержании) сообщений, а также для обработки и уточнения данных социально-психологических исследований [27]. На первом этапе предварительного исследования с помощью контент-анализа определялась семантическая структура понятия «адаптироваться». На третьем этапе, в ходе определения досуговых предпочтений мигрантов и местных жителей, с помощью контент-анализа группировались категории качеств, указанных респондентами при ответах на открытый вопрос. Этот метод использовался и в основном исследовании при обработке данных тематических интернет ресурсов и специализированной литературы с целью определения личностных и социально-психологических качеств, формируемых в занятиях Д-ТП, а также выделение адаптивных способностей, способствующих облегчению процесса социально-психологической адаптации.

В ходе исследований применялись оба основных типа *опросных методов*: интервьюирование и анкетирование. Одним из преимуществ анкетирования является возможность охватить большие группы респондентов за минимальное количество времени. Применение этого метода обеспечило определение веса адаптивных способностей, формируемых в занятиях Д-ТП, а также определение критериев адаптации. Кроме того, метод опроса применялся нами при использовании стандартизированных методик.

Для определения психологических механизмов социально-психологической адаптации мигрантов, присущих Д-ТП, был использован *метод факторного анализа*. Идея этого метода заключается в том, чтобы превратить матрицу признаков на матрицу с меньшим количеством переменных, которая

почти полностью сохраняет ту же информацию, что и исходная матрица. В основе моделей факторного анализа лежит гипотеза о том, что наблюдаемые переменные являются косвенными проявлениями небольшого количества скрытых факторов. Кроме того, факторный анализ позволяет выявить не только корреляции между переменными и латентные факторы, но и те компоненты, которые объясняют большую дисперсию. Реализация этого метода дает возможность определить конструируемые, которые являются наиболее статистически независимыми и, пересекаясь, образуют психосемантическое пространство механизмов социально-психологической адаптации мигрантов, посредством Д-ТП. С помощью факторного анализа были подтверждены социально-психологические механизмы адаптации, присущие досугово-танцевальным практикам.

Корреляционный анализ лег в основу определения взаимозависимости различных признаков (адаптивных способностей, вырабатываемых в Д-ТП, психологических механизмов адаптации и механизмов танцевального взаимодействия). Использование этого метода позволило не только определить формы связи, но и измерить силу этой связи, что отражается в коэффициентах корреляции, а также выявить влияние факторов на результирующий признак [185].

Эксперимент – причинно-следственный метод, являющийся одним из самых надежных методов исследования в социальной психологии. Используя в эксперименте независимую (характеристики Д-ТП) и зависимые (адаптивные способности и уровень С-ПА) переменные, изучались возможные следствия специального воздействия на социальные объекты (влияя на зависимую переменную при помощи независимой). Эксперимент подразумевал выделение экспериментальной и контрольной групп исследования. С точки зрения типологий эмпирических исследований в психологии В. А. Гершкович и Н. В. Морошкиной настоящее исследование выполнено с учетом требований дизайна по разработке и апробации психотехнологии, который в свою очередь является особой разновидностью экспериментального дизайна [107], поскольку доказательство эффективности психологической методики (тренинга) подразумевало проверку гипотезы о причинно-следственной связи: именно

методика (тренинг) привела к изменению поведения, адаптивных способностей и уровня адаптации испытуемых, а не что-то иное.

Действие механизмов адаптации, а также трансформацию социальной идентичности внешних добровольных мигрантов, которые мигрировали в мегаполисы стран-реципиентов, можно проследить, используя *сравнительный метод*. Единицами сравнительного анализа служат адаптивные способности, а также содержательные характеристики социальной идентичности добровольных мигрантов на разных этапах адаптации. Использование сравнительного метода позволило проанализировать результаты экспериментального исследования до и после формирующего воздействия.

Процедура эмпирического исследования. Выявленный в теоретической части работы дефицит информации об особенностях социально-психологической адаптации добровольных мигрантов в отличие от других категорий мигрантов, а также неисследованность мотивации участия мигрантов в Д-ТП, привели к необходимости проведения предварительного исследования, состоящего из трех этапов.

Первым этапом предварительного исследования стал опрос добровольных и трудовых (экономических - в терминологии П. Боски [203]) мигрантов в форме ассоциативного эксперимента об их *представлениях об адаптированности*. Целью этого опроса было выявление социальных (обыденных) представлений добровольных мигрантов о проблемах и желаемых результатах процесса адаптации и определение отличий этих представлений от социальных представлений об адаптации у экономических мигрантов. Респондентам предлагалось написать ассоциации на слово «адаптироваться», после чего ответы обрабатывались с помощью контент-анализа. Всего в этом опросе приняли участие 190 человек – 83 мужчины и 107 женщин, проживающих в мегаполисах стран дальнего зарубежья Тель-Авив (Израиль), Берлин (Германия), Прага (Чехия), Хельсинки (Финляндия), Варшава (Польша). Из которых 152 добровольных мигранта (65 мужчин и 87 женщин) в возрасте от 22-х до 57-ми лет (средний возраст 34.65 лет) и 38 экономических (трудовых) мигрантов

(гастарбайтеров) (18 мужчин и 20 женщин) в возрасте от 24-х до 46-ти лет (средний возраст 34.11 лет). В результате ассоциативного эксперимента были получены интересующие нас данные о характере социальных представлений и миграционных ожиданий добровольных мигрантов.

Вторым этапом было выявление конфликта между интеграционными ожиданиями добровольных мигрантов (поддерживаемыми СМИ, государственными институтами и общественными организациями) и социальными установками местных жителей (аккультурационными ожиданиями принимающего населения). Таким образом, на этом этапе была реализована методология изучения адаптации мигрантов, в которой исследовались не только сами мигранты, но и принимающее население. Для решения этой задачи была применена методика шкалирования социальной дистанции (модифицированная Шкала Э. Богардуса). Всего было опрошено 60 респондентов (27 мужчин и 33 женщины) в возрасте от 26 до 71 года, средний возраст 42.88 лет, из которых: 30 добровольных мигрантов (15 мужчин и 15 женщин, от 27 до 70 лет, средний возраст 38.07 лет) и 30 местных жителей (12 мужчин и 18 женщин, от 26 до 71 года, средний возраст 47.7 лет), проживающих в большом Тель-Авиве, Израиль.

На *третьем этапе* исследовались досуговые предпочтения мигрантов и местных жителей, а также предлагалось ответить на открытый вопрос о вырабатываемых в танцах качествах, способных помочь в жизни. Досуговые предпочтения и представления о вырабатываемых в танцах качествах поклонников Д-ТП сравнивались с мнениями профессиональных танцоров и обычных жителей мегаполиса (в каждой из трех категорий были местные жители и мигранты). В опросе, организованном в форме анкетирования, приняли участие 152 внутренних мигранта и местных жителя, из которых 71 мужчина и 81 женщина, возрастом от 17-ти до 41-го года, местные жители-киевляне – 57 и приезжие (внутренние мигранты) – 95 человек, проживающие в Киеве, Украина. Среди опрошенных были три категории респондентов: 52 поклонника досугово-танцевальных практик, 50 студентов первого-третьего курса факультета хореографического искусства Киевского национального университета культуры и

искусств, 50 студентов третьего курса Национального университета «Киево-Могилянская академия».

Основное (доказательное) эмпирическое исследование было организовано и проведено следующим образом.

Констатирующий этап включал в себя качественный и количественный подэтапы исследования. В ходе *качественного подэтапа* исследовались качества, навыки, умения и установки, вырабатываемые в занятиях Д-ТП и способные улучшить социально-психологическую адаптацию мигрантов. Качественный подэтап включал в себя выявление индикаторов адаптивных способностей, вырабатывающихся в досугово-танцевальных практиках. С этой целью был проведен комплекс качественных исследований: включенное наблюдение (N=55), глубинные интервью (N=22), контент-анализ интернет ресурсов, фокус-групповое интервью (N=37). Качественный подэтап позволил выявить индикаторы, на основе которых построен опросник для дальнейшего исследования присущих Д-ТП механизмов социально-психологической адаптации мигрантов. На базе результатов, полученных в ходе качественного подэтапа, была создана авторская методика двойного субъективного шкалирования 16-ти наиболее повторяемых адаптивных способностей, репрезентирующих механизмы, в формулировках, понятных респондентам.

Количественный этап состоял в создании методического инструментария и проведении исследования с целью статистического подтверждения психологических механизмов социально-психологической адаптации внешних добровольных мигрантов в мегаполисе, посредством Д-ТП (рабочая исследовательская методика). В ходе количественного подэтапа было опрошено 600 внешних мигрантов, экспатриантов и их супругов в возрасте от 19 до 68 лет (средний возраст 37.7 лет), занимающихся досугово-танцевальными практиками (Д-ТП), из которых 395 женщин и 205 мужчины, проживающих в 11-ти различных странах (Бельгия, Германия, Грузия, Израиль, Казахстан, Канада, Ливан, Россия, США, Украина, Швейцария) и городах-мегаполисах (Брюссельский столичный регион, Мюнхен, Берлин, Тбилиси, Большой Тель-Авив, Алма-Ата, Большой

Торонто, Большой Монреаль, Бейрут, Москва, Санкт-Петербург, Нью Йорк, Большой Бостон, Киев, Днепрпетровск, Одесса, Агломерация Цюрих). Был проведен факторный и корреляционный анализ результатов анкетирования, позволивший подтвердить наличие механизмов социально-психологической адаптации мигрантов, средствами Д-ТП.

Формирующий этап включал в себя методический и диагностико-тренинговый подэтапы исследования. *Методический подэтап* заключался в создании батареи методик и включал разработку и апробацию авторской Методики процессуальной диагностики поведенческих показателей Д-ТП. Было проведено пилотажное испытание методик Тест Куна «Кто Я?» (N 30), «Неоконченные предложения» (N 30) с целью уточнения психологического инструментария (выявления категорий, используемых в качестве объектов в методике ЦАМ). На этом этапе для последующей диагностики механизмов адаптации были отобраны следующие методики: Цвето-ассоциативная методика А. М. Парачева (ЦАМ) – для степени идентификации, Методика диагностики уровня эмпатических способностей В. В. Бойко (Тест «Эмпатические способности») – для механизма эмоциональной сонастройки, Диагностика самоактуализации личности (А. В. Лазукин в адаптации Н. Ф. Калиной) САМОАЛ – для механизма самоактуализации. Для контрольной диагностики зависимой переменной была выбрана Методика диагностики социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонд. *Ход тренингового подэтапа* описан в подпараграфе «Организация формирующего эксперимента».

В ходе *диагностико-тренингового подэтапа* были проведены основные опросы (до и послетренинговый) и осуществлена экспертная оценка поведенческих механизмов стилево-импровизационного социального взаимодействия по авторской методике процессуальной диагностики показателей Д-ТП. Экспериментальная и контрольные группы по 60 человек каждая, возрастом от 21 до 68 лет (средний возраст 35.98 лет) с паритетным гендерным представительством, состояли из добровольных мигрантов осуществивших переезд в новую страну менее 3-х лет назад. Также в формирующем эксперименте

участвовали местные жители и мигранты-старожилы из разных стран происхождения, доля которых составила 43.4% от общего числа участников тренинга (46 – местных жителей и мигрантов-старожилов, 60 – новых мигрантов).

Таким образом, в ходе разработки программы эмпирического исследования обнаружился дефицит диагностических методик, поэтому было принято решение о необходимости проведения предварительного и качественного этапов, задача которых стоит в создании методического инструментария выявления психологических механизмов социально-психологической адаптации внешних добровольных мигрантов в мегаполисе, посредством Д-ТП (рабочая исследовательская методика) и исследования процесса адаптации, фиксации работы механизмов адаптации (методика процессуальной диагностики – как программа наблюдения – экспертная оценка).

2.2.3. Предварительное разведывательное исследование. В задачи *предварительного исследования* входил зондаж концептуальной модели, эмпирическое уточнение выделенных векторов. Поэтому в рамках каждого вектора проводилось локальное эмпирическое исследование, которое позволило уточнить исходные понятия и сформулировать механизмы, связанные с Д-ТП. На первом этапе определялась психологическая составляющая процесса адаптации, на втором исследовалась партнерская среда и субкультурная идентичность участников Д-ТП, на третьем осуществлено глубинное исследование досугово-танцевальной субкультуры, Д-ТП, а также их отличие от других танцевальных практик. Предварительное исследование предполагало проведение зондирования разных аспектов социально-психологической адаптации, в первую очередь, социальных представлений самих мигрантов об адаптационных процессах (роли социально-психологического аспекта); социальных установок (через инструмент социальной дистанции) мигрантов и местного населения относительно партнерских способов взаимодействия в досугово-танцевальной и социокультурной среде мегаполиса; досуговых предпочтений. Уточнена гипотеза исследования с целью последующего отбора методов и разработки авторского

методического инструментария, способного выделить присущие Д-ТП механизмы социально-психологической адаптации мигрантов и измерить их действие.

На *первом этапе* предварительного исследования преследовалась цель уточнения концептуального аппарата исследования, эмпирической верификации концепта «социально-психологическая адаптация» (его представленности в репрезентациях мигрантов). Вызвано это было, в том числе, тем обстоятельством, что службы абсорбции Израиля при работе с мигрантами, в качестве критериев адаптации применяют внешние материальные атрибуты благосостояния (наличие определенной денежной суммы на банковском счету, машины, квартиры) и полностью игнорируют социально-психологическую составляющую. Следуя тезису С. Московичи о том, что психологию большой группы можно описать через анализ социальных представлений которые у этой группы формируются [111], на первом этапе эмпирического исследования социально-психологической адаптации мигрантов было важно получить данные о социальных (обыденных) представлениях добровольных мигрантов о сущности и желаемых результатах адаптации к новым социальным условиям.

Методологической основой исследования явился структурный подход Ж.-К. Абрика, согласно которому выявление содержания социального представления не является достаточным для его описания, необходим также анализ структуры представления, элементами которой являются ядро и периферия. Ядро, определяющее в целом структуру всего представления, придающее ему смысл, тесно связано с коллективной памятью и историей социальной группы, ее ценностями и нормами и поэтому характеризуется стабильностью, устойчивостью к изменениям. Периферическая система, связанная с индивидуальным опытом и индивидуальной памятью, динамична и изменчива [24, 111].

Методом сбора данных о социальных представлениях стал направленный ассоциативный эксперимент, позволяющий, «по мнению многих исследователей, получить ключевой для анализа представлений имплицитный, символический материал» [111].

Выборку эмпирического исследования составили 190 респондентов (83 мужчины и 107 женщин, от 22-х до 57-ми лет, средний возраст 34.54 лет), среди которых: 152 мигранта (65 мужчин и 87 женщин в возрасте от 22-х до 57-ми лет, средний возраст 34.65 лет), по собственной инициативе принявших решение покинуть страну своего постоянного проживания и переехать на территорию другого государства.

Отличительной особенностью данной выборки являлось отсутствие явной угрозы для привычной жизнедеятельности на территории страны выезда, т.е. именно добровольные, а не вынужденные мигранты.

Обработке подверглись данные русскоязычных испытуемых, проживающих менее 3 лет в городах-мегаполисах стран дальнего зарубежья Тель-Авив (Израиль), Берлин (Германия), Прага (Чехия), Хельсинки (Финляндия). Контрольной группой выступили трудовые мигранты («заробитчане»), 38 человек (18 мужчин и 20 женщин, от 24-х до 46-ти лет, средний возраст 34.11 лет), временно мигрировавшие на территорию другого государства и проживающие в мегаполисах Тель-Авив (Израиль) и Варшава (Польша).

При выборке русскоязычных мигрантов учитывались следующие обстоятельства: ассоциативные реакции на родном и неродном языках существенно отличаются и в огромной степени зависят от уровня владения языками [134]; ограничения, продиктованные специфичными нормами социо- и этнокультурных групп, включая нормы активности и способы ее реализации – стратегии поведения и др. [179]; исключена необходимость адаптировать перевод вербальных методик, используемых на следующих этапах исследования, что позволило добиться большей чистоты эксперимента, надежности полученных данных.

Опрос проводился по интернету с использованием адресной рассылки и персональных аккаунтов в социальных сетях. Респондентам было предложено записать пять ассоциаций на слово-стимул «адаптироваться».

На первом этапе обработки данных были определены структурные элементы социального представления об адаптированности. При этом анализу

подверглись ассоциации, высказанные как минимум пятью процентами респондентов. Для анализа семантического поля понятия «адаптироваться» использовалась методика прототипического анализа П. Вержеса, специально разработанная для изучения ядерно-периферической системы представлений, позволяющая изучить структуру представления [24, 111].

Принятие решения о включении понятия (слова или словосочетания) в зону ядра или периферии социального представления происходило «на основании двух показателей: частоты встречаемости ассоциации и ранга появления ассоциации в ответах респондентов [111].

Семантическое поле слова-стимула «адаптироваться» у добровольных мигрантов составило 736 ассоциации, что в среднем составляет 4,81 ассоциаций на респондента. Словарь понятий составил 216 различных слов и словосочетаний. В зону ядра и периферии представления об адаптации вошли 467 ассоциаций (63,45% от общего числа ассоциаций, высказанных респондентами).

Семантическое поле слова-стимула «адаптироваться» у трудовых мигрантов составило 165 ассоциаций, что в среднем составляет 4,46 ассоциации на респондента. Словарь понятий составил 39 различных слов и словосочетаний. В зону ядра и периферии представления об адаптации вошли 117 ассоциаций (70,91% от общего числа ассоциаций, высказанных респондентами).

На второй стадии с помощью контент-анализа были выделены обобщенные понятийные категории, синтезирующие социальные репрезентации, включенные в структуру исследуемого социального представления «адаптироваться». С целью обеспечения достоверности результатов, а именно, соотношение категорий контент-анализа, нами был внедрен метод экспертной оценки. Привлеченные эксперты – профессионалы во время контент-анализа работали по всей выборке.

Проведенный контент-анализ позволил объединить все ассоциации, вошедшие в структуру социального представления об адаптации, в следующие понятийные категории: «проблемные сферы адаптации», «эмоции, ощущения и состояния», «личные качества», «стратегии адаптации», «субъекты и объекты

адаптации», «желаемые цели и результат адаптации». Вес и наполненность данных категорий являются различными.

Результаты исследования позволили сделать вывод, что главной проблемной сферой адаптации в обеих группах является сфера общения и взаимодействия. При этом результатом адаптации видится умение точно и адекватно воспринимать партнера по общению (характеризует МЭС), а также способность налаживать оптимальное взаимодействие с представителями общины мегаполиса (характеризует социально-психологический аспект адаптации). Субъектами адаптации являются не только мигранты, но и принимающее население, что вызывает необходимость рассмотрения процесса С-ПА не только со стороны одного субъекта, а перехода к иным формам, единицам анализа, учитывающих субъект-субъектные отношения.

Анализ содержания ядра представления об адаптации у добровольных мигрантов позволил нам получить характеристики предпочитаемого типа межличностного общения и взаимодействия с представителями местного населения. Следуя классификации, принятой в социальной психологии речь идет о диалогическом типе общения и паритетном субъект-субъектном взаимодействии (характеризует МСА). Таким образом, добровольным мигрантам в период адаптации необходимо не просто установление формальных социальных связей, а качественно иное межличностное общение и взаимодействие, построенное на доверии, гарантирующее равноправие субъектов, сохранение индивидуальных отличий, развитие аутентичности (результаты показали большее стремление к паритетному общению у мужчин, чем у женщин).

Заслуживающей внимания оказалась позиция меньшинства (Область II - элементы, высказанные меньшинством в первую очередь в отношении объекта представления), наглядно демонстрирующая обращение мигрантов в процессе адаптации к известным им субкультурам: Родион С. – «буду искать общение среди ученых или танцоров», Милена Ч. – «Выросла я в живописной мастерской, отец – художник» (характеризует механизм СИ).

Таким образом, в дальнейшем исследовании, говоря об адаптации добровольных мигрантов в мегаполисе, можно использовать термин «социально-психологическая адаптация», т.к. репрезентации мигрантов в большей степени соответствуют именно этому наполнению.

В связи с выявленными особенностями в выборе мигрантами значимых субъектов адаптации, а также принимая во внимание двухсубъектность (как минимум) процесса социально-психологической адаптации, *второй этап* предварительного исследования было решено провести среди мигрантов и местных жителей (на примере Израиля) [154]. Исходя из результатов предыдущего этапа исследования, нами было выдвинуто предположение об избирательности в установлении социальных связей, необходимых для адаптации в новой среде, а также неоднозначной ориентации на интеграцию и предвзятостью различных категорий граждан. В связи с этим была использована модифицированная нами Шкала социальной дистанции Богардуса, являющаяся одной из процедур измерения социальных отношений, принятых в социальной психологии [135].

Шкала Богардуса задумывалась и построена по принципу метода кумулятивного шкалирования, разработанного Н. Гутманом (Син.: шкалограмма Гутмана) и являющегося одним из 3 основных типов шкал измерения аттитюдов. Принцип гомогенности метода и кумулятивный характер шкалы предполагают ее структурирование таким образом, что выбор респондентом одного из пунктов, означает выражение автоматического согласия по всем пунктами более низкого ранга. Оценкой аттитюда является оценка соответствующего пункта шкалы. Таким образом, исходя из принятого Н. Гутманом допущения, что аттитюд представляет собой некоторую одномерную структуру, если известен полученный респондентом итоговый балл, можно предсказывать его ответы по всем утверждениям. Однако, разработанная более 90 лет назад, Шкала Богардуса в первоначальном своем виде перестала удовлетворять современным тенденциям, поэтому было принято решение о создании авторской модификации Шкалы, заключающейся, в том числе в изменении инструкции проведения исследования в

части введения необходимости отметки испытуемыми всех возможных утверждений. Таким образом, вдобавок к количественному анализу, был получен хороший качественный инструментарий, позволяющий глубже проанализировать природу социальных установок.

Учитывая предмет нашего исследования, зондажный характер данного опроса, акцент на качественный анализ результатов был использован некий симбиоз пунктов из обеих оригинальных версий шкалы Богаруса 1925 и 1933 годов [201, 202] в локализациях Н. В. Паниной и Л. Г. Почебут [120, 135]. Допущено «дублирование» второго и частичное изменение пятого пунктов, а также добавление собственного пункта без учета требования о приблизительно равных интервалах, выдвинутого в работах Л. Л. Терстоуна [147].

Инструкции испытуемым добровольным мигрантам и местным жителям выглядели следующим образом:

Таблица 2.2

Инструкция Шкалы социальной дистанции

<i>Инструкция испытуемому:</i>		<i>Instruction for test:</i>
Согласно моим первым возникшим чувствам, я охотно признаю (принимаю), членов каждой общности (как класса, а не лучших или худших известных мне представителей) в качестве, обозначенном мною галочкой. (Отметьте все приемлемые для вас позиции)		According to my first feeling reactions I would willingly admit members of each race (as a class, and not the best I have known, nor the worst member) to one or more of the classifications under which I have placed a cross (x).
1	В качестве мужа (жены)	Would marry
2	Блиzkих друзей	Would have as regular friends
2.5	Блиzkих знакомых по проведению досуга	To my club as personal chums
3	Коллег работающих вместе со мной	Would work beside in an office
4	Проживающих по соседству в небольшом числе	Would have several families in my neighborhood
5	Жителей моей страны	To residents in my country
5.5	Иностраннх рабочих в моей стране	As foreign workers only in my country
6	Гостей в моей стране	As visitors only in my country
7	Живущих за пределами моей страны	Would have live outside my country

Модификация обработки: изменение бальной оценки, связанное с добавлением параметров оценки дистанции. Несмотря на увеличение пунктов авторской модификации до 9-ти, было решено не превышать показатель максимальной социальной дистанции, оригинальной методики (7 баллов), тем более учитывая то, что добавленные пункты были размещены посередине шкалы.

Для количественного анализа засчитывался самый меньший по баллам ответ, а остальные при обработке не учитывались. Средний ранг полученных ответов показывает социальную дистанцию по отношению к определенной этнической и социальной группе, и чем больше дистанция, тем хуже относятся респонденты к объекту исследования.

Для тестирования было предложено оценить степень социально-психологического принятия представителей различных социальных или этнических общностей: Коренные израильтяне, Новые репатрианты (до 3 лет), Евреи из Эфиопии, Эфиопы, Евреи из Великой Британии, Британцы (англичане, шотландцы, уэльсцы, североирландцы), Евреи из Франции, Французы, Евреи из европейской части бывшего СССР, Славяне бывшего СССР (русские, украинцы, белорусы), Евреи из Северной Америки, Североамериканцы (американцы, афроамериканцы, канадцы), Евреи из Аргентины, Аргентинцы, Друзья в Facebook или других социальных сетях, Поклонники парных танцев. Намеренно были выбраны представители этнических общностей (основных контактных этнических групп), составляющих в последние годы большинство мигрантов в Израиль.

Было проведено исследование, в котором приняли участие 60 человек, занимающихся Д-ТП (27 мужчин и 33 женщины, от 26-ти до 71-го года, средний возраст 42.88 лет), составивших две группы. В первую группу вошли 30 добровольных мигрантов, из которых 15 мужчин и 15 женщин от 27 до 70 лет (средний возраст 38.07 лет), переехавших в Израиль из России и Украины, из них со стажем проживания в Израиле до 3-х лет (от 5 месяцев до 2.9 лет) – 12 человек. Во вторую группу вошли 30 израильтян (коренных жителей, родившихся в стране, и мигрантов-старожилов, проживающих в Израиле более 40 лет), из них

12 мужчин и 18 женщин от 26 до 71 года (средний возраст 47.7 лет), которым предлагалась англоязычная версия методики. В дальнейшем в основной части исследования принимали участие только русскоговорящие добровольные мигранты и местные жители.

Сравнивая способы интерпретации шкалы Богардуса, был предложен авторский вариант интерпретации, предполагающий определение предпочитаемой стратегии адаптации (аккультурации по Дж. Берри) через социальную дистанцию с основными контактными группами социальной среды. (см. Приложение В).

Основываясь на принципах и критериях выделения стратегий аккультурации (Дж. Берри), которые учитывают степень слияния с доминантными группами местного населения, можно интерпретировать результаты оценки социальной дистанции основных контактных групп, как показатель одной из четырех стратегий. Таким образом, мы можем говорить, что в стратегиях аккультурации Дж. Берри, наряду с другими компонентами и особенностями, учитывается социальная дистанция. По нашему мнению оптимальный результат адаптации соответствует социальным установкам, находящимся в пределах от 1 до 4 по шкале Богардуса (брак, близкие друзья, взаимодействие в сфере досуга и работы), а все, что выше 4 баллов (проживание по соседству, гражданская принадлежность, принятие в качестве иностранного работника, туриста и полное непринятие) можно интерпретировать, как различные уровни обособления: от толерантности до ксенофобии. В контексте социальной дистанции, можно утверждать, что все стратегии адаптации, выделенные Дж. Берри, делятся на стратегии предполагающие взаимодействие (ассимиляция и интеграция) и предполагающие обособление (маргинализация и сепарация). По мнению А. И. Кирилловой интегрированность индивида необходимо рассматривать как степень его включенности в систему социальных связей базового общества, в то время как ассимилированность индивида говорит о степени его включенности (и стремления быть включенным) в культурную систему базового общества [60].

Из вышесказанного можно сделать промежуточный вывод о том, что минимальная социальная дистанция между социальными и этническими группами способствует облегчению процесса адаптации, благодаря тому, что взаимодействие индивидов происходит не столько на статусно-ролевом, сколько на интимно-личностном и дружеско-партнерском уровнях.

Результаты проведенного шкалирования по модифицированной шкале Богардуса отражены в Приложении Г. Результаты *количественного* исследования позволили говорить, прежде всего, об имеющей место дифференциации по таким признакам, как национальность и страна выезда. Отсутствие у респондентов социальных установок на маргинализацию и сепарацию к этническим и социальным группам, представленным в опросе, свидетельствует о наличии установок на интегративное взаимодействие со всеми предложенными группами, что, по нашему мнению, является отличительной чертой поклонников парных танцев.

Особенности досугово-танцевальной среды и формируемой в ней идентичности. Категория «поклонники парных танцев» в системе социальных установок на взаимодействие занимает уникальное место. Результаты исследования показывают возможность рассмотрения Д-ТП в качестве социальной среды, в которой находится адаптационный ресурс, позволяющий снять противостояния и разрывы социальной дистанции, существующие за пределами досугово-танцевальной среды. Д-ТП создают условия, позволяющие людям ориентироваться на стратегии, направленные на взаимодействие (ассимиляцию и интеграцию). Отнесение человека к досугово-танцевальной субкультуре (партнерской по своей сути), его досугово-танцевальная идентичность, делает его зачастую ближе (находится на меньшей социальной дистанции), чем его этническая идентичность. В досугово-танцевальной субкультуре (среде) складывается такая социальная дистанция по отношению к партнерам, которая способна преодолеть разрыв между мигрантами и местным населением, включенными в Д-ТП.

Данные качественного исследования подтвердили преодоление конкурентных опасений, связанных с местом работы относительно социальной группы «поклонники парных танцев». Это пример, подчеркивающий необходимость создания атмосферы взаимной заинтересованности, для создания оптимальных условий социально-психологической адаптации мигрантов. Субъективные трудности добровольных мигрантов усугубляются в связи с тем, что большая часть из них обладала высоким социальным статусом в стране исхода и не имеет опыта «бороться за улучшение статуса» [25], в то время как у коренных израильтян, жителей традиционной страны-реципиента, опыт борьбы за сохранение статуса весьма велик.

Можно предположить, что ничтожно малое количество заробитчан в Д-ТП объясняется нежеланием тратить время на занятия досуговыми практиками, что подтверждается эмпирическими исследованиями Е. Е. Блиновой о субъективном отсутствии свободного времени у данной категории мигрантов [23]. С другой стороны – наличие свободного времени (возможность и желание выделить время) для занятий развивающим досугом можно рассматривать как ориентацию добровольных мигрантов на гедонистические ценности.

Данные результаты привели нас к следующим *выводам*:

1. Разрешение проблем социально-психологической адаптации вовсе не относится исключительно к сфере возможностей мигранта, а напрямую зависит от интеграционных ожиданий местного населения. Социально-психологическая адаптация является многосторонним процессом, учитывая неоднородность мигрантской среды. Поэтому инструменты, способные решить проблему *взаимной адаптации* необходимо искать в практиках, объединяющих все стороны на основе добровольного взаимодействия, коими могут являться творческие досуговые практики, в которых мигранты (благодаря своей атрактивности) становятся желанными партнерами местных жителей. Д-ТП как партнерская среда продемонстрировали свою эффективность выбором их участниками исключительно стратегий, направленных на взаимодействие (ассимиляция и

интеграция), и игнорированием стратегий ориентированных на обособление (маргинализация и сепарация).

2. Аутгрупповая враждебность, дискриминация не способствуют реальной адаптации мигрантов. Отмечена определенная тенденция отвержения мигрантов местными жителями, при этом мигранты более нацелены на интеграцию и налаживание взаимодействия.

3. Рассматривая социокультурный аспект адаптации мы пришли к выводу, что в последнее время гораздо большее значение приобретают собственно социокультурные, а не этнические различия, поэтому именно в субкультурном контексте необходимо исследовать проблему адаптации мигрантов.

4. Принадлежность к танцевальной субкультуре явилась фактором успешной адаптации, инструментальным механизмом преодоления разрыва социальной дистанции. Вхождение в социальную группу «поклонники парных танцев» является инструментом уменьшения дистанции (инструментальный характер категории-группы) и преодолением конкурентных опасений, связанных с местом работы, независимо от этнической или религиозной принадлежности человека.

Третьим этапом предварительного исследования было изучение особенностей танцевального досуга по разработанной анкете досуговых предпочтений (см. Приложение Д.). Цель: оценка поиска совместной активности мигрантами и местными жителями, определение возможностей досугово-танцевальных практик, исследование мотивации участия. В анкете присутствовал также открытый вопрос на определение качеств, вырабатываемых в Д-ТП и помогающих в жизни. Для достижения этих целей было проведено анкетирование трех различных групп: поклонников досугово-танцевальных практик (поклонники Д-ТП), студентов профессионально занимающихся танцами (студенты-хореографы) и студентов, которые не занимаются танцами (обычные студенты). Опрос проходил в Украине в марте-апреле 2013 года. Всего было опрошено 152 человека (71 мужчина и 81 женщина, от 17-ти до 41-го года, средний возраст 22.9 года): местные жители (киевляне) – 57, внутренние мигранты (приезжие) – 95

человек, из которых до 3-х лет на новом месте проживало 68 человек. Группа занимающихся Д-ТП N=52 (26 мужчины и 26 женщины, от 21-го до 41-го года, средний возраст 28.94 года): местные жители (киевляне) – 20 человек, внутренние мигранты – 32 человека; студенты-хореографы N=50 (23 мужчины и 27 женщин, от 17-ти до 22-х лет, средний возраст 19.8 лет): местные жители (киевляне) - 14, внутренние мигранты – 36 человек; обычные студенты N=50 (22 мужчины и 28 женщин, от 18-ти до 24-х лет, средний возраст 19.78 лет): местные жители (киевляне) – 23, мигранты – 27 человек.

Результаты качественного анализа ответов респондентов на открытый вопрос позволили обозначить ряд характеристик Д-ТП, схожих с выявленными на первом этапе ассоциативного эксперимента характеристиками адаптируемости (адаптивными способностями). На вопрос, какие качества формируются в Д-ТП и способны помочь в жизни, наиболее часто называются креативность, настойчивость, уверенность в себе, раскованность, умение слушать (понимать) партнера, заинтересованность. Эти характеристики схожи с теми, которые назывались в ассоциативном эксперименте и объединялись в категорию «личные качества».

Результаты количественного анализа ответов респондентов по анкете досуговых предпочтений (см. Приложение Е.), позволили нам выявить особенности группы поклонников Д-ТП по сравнению с другими группами.

1. Сравнительный анализ выявленных различий групп поклонников Д-ТП и студентов-хореографов показывает, что социально-психологические механизмы адаптации необходимо изучать именно в досугово-танцевальных, а не других видах танцевальных практик. Связано это с тем, что по своим функциям Д-ТП психологически сильно отличаются от профессиональных танцевальных практик.

2. Отметка всеми мигрантами-поклонниками Д-ТП факта приезда «из другого города», говорит о том, что жители городов, в отличие от жителей сел, поселков и деревень, более склонны рассматривать Д-ТП, как средство проведения досуга. Можно предположить, что причина этого кроется в особой городской привлекательности Д-ТП, в их соответствии городской идентичности.

Выводы из предварительного исследования соответствуют его целям. На уровне предварительного зондажа нами были уточнено влияние на социально-психологическую адаптацию выделенных в концептуальной модели векторов. Так, полученные в ходе ассоциативного эксперимента, социальные репрезентации показали интерес мигрантов не только к материальным благам, но и к перспективам самореализации, социально-психологической компоненте адаптации, вскрыли желание чувствовать себя субъектом взаимодействия. Это позволяет нам говорить о том, что результаты данного этапа находились в рамках вектора СР. На втором этапе исследование проходило преимущественно в рамках вектора СИ. Получена конкретизация вектора в части обнаружения адаптационного потенциала досугово-танцевальной субкультуры, а исследование участников Д-ТП позволило нам в первом приближении говорить о механизме СИ. На третьем этапе, сопоставляя результаты опроса поклонников Д-ТП и профессиональных хореографов, была получена информация о важности (в социально-психологическом контексте) не внешней сценической стороны танцев (исполнение танцевального номера), характерной для профессиональных танцоров и хореографов, а умения сонастраиваться, эмоциональной компоненты, характеризующая танцы в качестве средства межсубъектного взаимодействия. Выявлены преимущества именно досуговой (а не спортивной или сценической) танцевальной практики. Т.о. вектор субъект-субъектной сонастройки показывает ориентацию на партнеров по общению не как на представителей определенных социальных групп, а как на уникальных субъектов взаимодействия. Принятие субъектности другого человека происходит в Д-ТП посредством механизма ЭС.

Подытоживая результаты предварительного исследования, можно сказать, что по мере приближения к эмпирическому изучению непосредственно досугово-танцевальных практик, влияние каждого из векторов адаптации, все больше конкретизируется в действии специфических механизмов адаптации, подтверждая их наличие.

2.3. Тезаурус адаптационного потенциала досугово-танцевальных практик.

2.3.1. Содержательный анализ тезауруса досугово-танцевальных практик. *Задачей основного исследования* была верификация концептуальной модели и подтверждение эмпирическим путем (на основании выявленных особенностей и уточненных в зондажном исследовании понятий) социально-психологических механизмов адаптации. Также предполагалось выверить, как каждый из векторов представлен в механизмах социально-психологической адаптации, присущих Д-ТП и подобрать методики, диагностируемые действие этих механизмов.

Целью констатирующего этапа основного исследования было подтверждение наличия механизмов социально-психологической адаптации мигрантов, присущих Д-ТП. Понимая под адаптацией процесс и результат внутренних изменений качеств индивида, проявляющийся во внешнем активном приспособлении и самоизменении к новым условиям жизнедеятельности (К. А. Абульхановой-Славской, Л. И. Анцыферовой, Л. В. Корель, А. А. Налчаджяна, А. А. Реана, Т. Г. Стефаненко), задачей констатирующего этапа эмпирического исследования было определение адаптивных способностей мигранта, вырабатывающихся в занятиях Д-ТП.

Согласно программе исследования констатирующий этап состоял из двух подэтапов: качественного и количественного.

Качественный подэтап состоял в использовании качественных методов исследования по определению адаптивных способностей, вырабатываемых в Д-ТП. Основным методом на этом подэтапе по нашему мнению должно было стать фокусированное групповое интервью.

Для подготовки руководства для фокусированного группового интервью, были использованы: включенное наблюдение, глубинное интервью и контент-анализ интернет ресурсов: тематических (мигрантских и танцевальных) форумов, сайтов танцевальных школ и сообществ, с целью определения списка умений,

навыков и социальных установок, способствующих оптимизации процесса социально-психологической адаптации мигрантов и умений, навыков и социальных установок, вырабатываемых в занятиях досугово-танцевальными практиками.

Методика включенного наблюдения (N 55) нами применялась как вспомогательный вид исследования дважды. Впервые, во время проведения регулярных групповых и индивидуальных занятий по социальным парным танцам, посещения мастер-классов и семинаров приезжих специалистов, участия в танцевальных вечеринках, выступлениях, соревнованиях и конкурсах, в том числе на этапе их подготовки (репетиций), в течение 1999-2000 учебного года в мегаполисе Большой Тель-Авив. Наблюдалось 35 человек, среди которых было 14 мужчин и 21 женщина (13 местных израильтян и 22 внешних мигранта) от 24-х до 47-ми лет (средний возраст 32.69 лет), в 4-х различных ситуациях, которые подвергались анализу. Позднее в Украине в 2011-2014 годах наблюдалось поведение 20-ти человек, из которых 10 мужчин и 10 женщин (6 местных жителей и 14 внутренних мигрантов) от 21-го до 29-ти лет (средний возраст 24.45 лет), в 3-х ситуациях. *Целью* проведения наблюдения было определение мотивационных тенденций, привлекающих людей на занятия данного рода активностью (танцами) и отслеживание динамики изменений в межличностном поведении участников танцевальных групп. По своей сути использовался вид неконтролируемого наблюдения, проводимый без четкого плана. С точки зрения учета позиции наблюдателя мы можем говорить о применении включенного наблюдения в чистом виде, в случаях, когда исследователь сам являлся членом наблюдаемой им группы людей, и об определенном симбиозе включенного наблюдения и наблюдения «со стороны» (внешнего наблюдения), когда, исследователь-преподаватель был включен в ситуацию иначе, чем наблюдаемые индивиды, т.к. их позиции были «не равноправны» с точки зрения управления ситуацией. При этом наблюдение во всех случаях было скрытым, т.е. наблюдатель действовал инкогнито, не сообщая о факте наблюдения другим членам группы). По способу организации, данное исследование можно охарактеризовать, как полевое

нестандартизованное наблюдение, проводимое в условиях, естественных для жизни наблюдаемых «объектов», с полной фиксацией любых поведенческих реакций, отвечающих целям исследования [73]. Необходимо отметить, что получение результатов не стимулировалось наводящими вопросами, т.о. была соблюдена основная черта метода наблюдения (как исследования без вмешательства в «жизнь» изучаемого явления). Фиксация результатов наблюдения осуществлялась в карточке регистрации, выборочном протоколе и обобщалась в сводной таблице фиксации данных наблюдения. Анализу было подвергнуто 7 протоколов, обобщивших данные всех карточек регистрации единиц наблюдения.

Анализ полученных результатов показал, что чаще всего люди, выбравшие социальные парные танцы в качестве досуга, делали это предполагая увеличить круг общения, качественно улучшить проведение свободного времени, добиться успеха и признания в искусстве парного танца, улучшить физическое состояние (в том числе путем нормализации собственного веса), добиться расположения значимых других, а также следуя веяниям моды. Наиболее значительные положительные изменения в межличностных отношениях участников танцевальных групп выражались в улучшении общительности, гибкости (умении достигать компромисса), уровне обоюдного доверия, толерантности (принятия других), в использовании импровизации (нешаблонности решений), принятии/передачи ответственности.

При интерпретации результатов мы не задавались целью получение строгих количественных показателей, тем более что у большинства участников наблюдались множественная мотивация и изменения в различных аспектах поведения. Нас главным образом интересовало определение основных существующих мотивационных тенденций (целей) и сфер наибольших изменений в межличностном взаимодействии участников танцевальных групп, что должно было обеспечить выявление целевой аудитории и проведение эффективной рекламной кампании учебных групп (лицевая валидность). Одновременно с этим результаты анализа использовались для составления перечня свойств/

характеристик для дальнейшего исследования. Следует отметить, что данное исследование не имело целью определить глубинные психологические факторы (потребности) указанных поведенческих проявлений. Определению таких глубинных причин мы посвятили дальнейшие этапы исследования.

Метод глубинных (индивидуальных, один на один) интервью нами применялся в сентябре-октябре 2011 года в период работы над тренингом социально-психологической адаптации людей, кардинально сменивших круг общения (новое место жительства, место работы, учебы). Глубинные интервью, понимаемые как неформализованные, неструктурированные, прямые и личные, проводились по заранее намеченному плану, но при этом не делались попытки получения одних и тех же видов информации от каждого респондента. Содержание интервью нередко менялось от респондента к респонденту, дабы предоставить возможность каждому респонденту сообщить ту информацию или высказать те мнения, которые он может представить наилучшим образом. Мы стремились к обнаружению непредвиденных областей релевантности в исследовании. Метод глубинного интервью был использован для выявления интересующего фактического материала и отслеживания эмоциональных реакций респондентов. *Целью* исследования было выяснение степени присутствия мигрантов в досуговых практиках, их возрастной и социальный портрет, ожидания мигрантов от занятий танцевальным досугом, степень интеграции мигрантов в танцевальное сообщество, характеристики досугово-танцевальных практик, облегчающие процесс социально-психологической адаптации мигрантов, роль большого города в развитии танцевального досуга. Примерными вопросами, задаваемыми в ходе глубинных интервью, были: Что привело Вас на эти занятия/вечеринку? Какие Ваши ожидания от сегодняшнего вечера? Скольких, среди присутствующих здесь людей, Вы знаете? Есть ли среди них приезжие? Могли бы Вы сказать, что социальные танцы помогают мигрантам адаптироваться на новом месте жительства, месте работы? Как Вы думаете, за счет чего это происходит? Когда Вы начали заниматься социальными танцами? Разделяет ли ваша жена/муж (подруга/друг) Ваши увлечения? Глубинные

интервью проводились во время открытых танцевальных вечеров, организованных в Мариинском парке г. Киева в павильоне «Ракушка». Всего было проведено 22 глубинных интервью. Интервьюируемыми были участники мероприятий. При отборе учитывалось соблюдение гендерного баланса. Беседы проходили с глазу на глаз на лавочках перед сценой с танцующими. Во время ответов на вопросы интервьюируемые, как правило, наблюдали за происходящим на танцполе, что не привносило, по нашему мнению, искажающий эффект ввиду привычности происходящего. Посторонние лица не были свидетелями и участниками интервью. Запись интервью, за исключением кратких заметок, осуществлялась по памяти после его окончания. Язык общения, прежде всего, был русский, но отдельные слова использовались на языке более привычном для респондента и впоследствии переводились для целей анализа.

Характеристика выборки: Среди участников проведенных интервью 15 человек оказались внутренними или внешними мигрантами, 12 из которых осуществили переезд на новое место жительства менее 3 лет назад. Из 7 оставшихся – 2 человека менее чем 2 года назад сменили место работы и столкнулись с необходимостью адаптации в новом трудовом коллективе.

Результаты. Данные интервью мигрантов показали, что именно мигрантские ожидания о новом качестве жизни в новых социальных условиях, приводят их в досугово-танцевальные практики. При этом в большинстве своем, за исключением одной супружеской пары и одной пары интимных друзей, интервьюируемыми оказались одиночки, из чего мы делаем вывод о возможной практике переноса решения проблем, связанных с адаптацией, в семью. Практически все интервьюируемые продемонстрировали хорошее знание участников танцевального сообщества. В целом прямо или косвенно роль парных танцев как средства оптимизации процесса социально-психологической адаптации была признана абсолютным большинством принявших участие в интервьюировании. Среди характеристик, облегчающих процесс адаптации в новых социальных условиях, были выделены следующие адаптивные способности, вырабатываемые в процессе занятий социальными парными

танцами: Открытость, Коммуникабельность, Принятие, Доброжелательность, Дружелюбие, Женственность, Понимание, Целеустремленность и другие.

Ответы на вопрос, касающийся мотивов начала занятий социальными парными танцами, позволили предположить, что обращение к танцевальному досугу скорее необходимо рассматривать, как поиск средства адаптации, чем как подтверждение ее результата. Характерными ответами на вопрос, «Что привело Вас на эти занятия/вечеринку?», были: Попытка расширить круг знакомых, Попробовать новые формы организации межличностного взаимодействия и проведения свободного времени. Было заявлено о существенной роли большого города в развитии танцевального досуга. При этом, один из интервьюируемых, француз, сотрудник посольства, выразил мнение, что Киев, несмотря на большое количество населения, не является мегаполисом в полном смысле слова, т.к. его жители, скорее носители провинциальной ментальности, чем мегаполисной. Часть респондентов говорили о следовании определенному стилю жизни, что можно расценивать, как принадлежность к субкультуре. О наличии субкультурного механизма адаптации говорил один из респондентов (Бертран): «человек, умеющий танцевать, будет искать приемлемые формы проведения свободного времени в знакомой среде... даже в новой стране» (из глубинного интервью). То есть, речь идет о *субкультурной идентификации* как механизме социально-психологической адаптации мигрантов.

Качественный (смысловой) контент-анализ тематических интернет ресурсов (танцевальных и мигрантских интернет форумов), литературных источников, информационных материалов танцевальных школ (студий) проводился в период с января по март 2012 года и охватывал 86 анализируемых источника, среди которых: сайты танцевальных школ и ассоциаций - 42, танцевальные интернет форумы - 14, мигрантские форумы - 12, публицистические танцевальные и психологические интернет издания – 18. Необходимость проведения была обусловлена поверхностным характером полученной информации в ассоциативном эксперименте. *Целью* проведения качественного контент-анализа тематических интернет ресурсов было фиксирование

наибольшего числа упоминаемых умений, навыков и социальных установок, вырабатываемых в занятиях досугово-танцевальными практиками и качеств, необходимых для социально-психологической адаптации мигрантов. При этом нас интересовало не столько что говорится, сколько как говорится. Предполагалось, что полученные категории (слова, фразы) в последующем будут использованы для количественного анкетного исследования с целью их ранжирования. Заслуживает внимания фраза Галины П., опубликованная в популярном интернет-форуме: «я так сильно фокусировалась на технике и на сохранении баланса, что совсем забыла о том, что танго это ТАНЕЦ, ДВИЖЕНИЕ вперед, и он НА ДВОИХ. Всегда. ... Невозможно полностью уйти в процесс не «потеряв баланса». Сам шаг - это уже контролируемое падение. Это почти как влюбиться. Очень тонкие грани между понятиями».

В результате данного контент-анализа были усовершенствованы формулировки вопросов руководства для фокус-группового интервью с применением, характерной для мигрантской и танцевальной субкультур, лексики.

Включенное наблюдение, дополненное рефлексией собственного мигрантского и танцевального опыта исследователя вместе с анализом результатов глубинных интервью и качественного контент-анализа тематических интернет ресурсов (танцевальных и мигрантских интернет форумов), литературных источников, информационных материалов танцевальных школ (студий), позволило эффективно подойти к подготовке и проведению фокусированных групповых интервью в части формирования предварительного списка качеств, навыков и умений вырабатываемых в Д-ТП и способствующих социально-психологической адаптации мигрантов, а также подготовки к обсуждению кратких высказываний респондентов, полученных в результате применения вышеперечисленных качественных методов исследования.

2.3.2. Психологические характеристики досугово-танцевальных практик в контексте социально-психологической адаптации: фокус-групповое исследование. В ходе первого подэтапа констатирующего этапа основного исследования было проведено два фокус-групповых интервью.

Первое фокусированное групповое интервью, с целью выявления адаптивных способностей, формируемых в Д-ТП, было проведено в г. Киев по завершению очередного авторского курса социальных парных танцев в феврале 2013 г. Группа состояла из 14 человек в возрасте от 28 до 44 лет; 7 мужчин и 7 женщин, а также двух модераторов. Первой темой было определение качеств, навыков и умений, вырабатываемых в занятиях Д-ТП. Наличие в составе участников внутренних добровольных мигрантов из разных регионов Украины (всего 9 человек: 4 мужчины и 5 женщин) способствовало рассмотрению второй темы - выявление качеств, навыков и умений, необходимых для успешного прохождения процесса социально-психологической адаптации. Участники фокус-группы из числа местных жителей выступили существенным фактором в ходе дискуссии и улучшили возможности для получения более углубленной информации. Третьей темой, вынесенной на обсуждение, было использование Д-ТП в качестве средства оптимизирующего процесс адаптации мигрантов к новому социальному окружению.

Вторая фокус-группа была организована в конце мая 2013 г. в г. Санкт-Петербург (в период проведения танцевального фестиваля «Невская милонга») с ранее незнакомыми между собой людьми, каждый из которых имел опыт внешней (17 человек) или внутренней (6 человек) миграции и опыт участия в досугово-танцевальных практиках. Всего в группе было 23 человека возрастом от 26 до 52 лет (средний возраст 35.26 лет), из которых 13 мужчин и 10 женщин, проживающих в 11-ти странах: Беларусь (2), Бельгия (1), Германия (3), Израиль (1), Казахстан (1), Кипр (1), Латвия (1), Россия (8), Украина (1), Финляндия (3), Чехия (1). 8 внешних и 2 внутренних мигранта проживали в своих странах менее 3-х лет. Дискуссионное обсуждение, проводимое двумя модераторами проходило в том же формате, что и киевская фокус-группа. Язык общения, прежде всего, был

русский, но отдельные слова использовались на языке более привычном для респондента и впоследствии переводились для целей анализа.

Результаты фокус-групповых интервью. Определение характерных психологических черт, вырабатываемых в занятиях досугово-танцевальными практиками, с целью выявления присущих Д-ТП механизмов социально-психологической адаптации мигрантов.

В результате обсуждений были сформированы перечни качеств, вырабатываемых в Д-ТП; качеств, способствующих оптимизации процесса адаптации, а также был сформирован единый кумулятивный список. Порядок представления качеств в нижерасположенной таблице – произвольный. Средний ранг предполагалось замерить посредством специальной авторской анкеты (Методика «16-С-ПА»). В таблицу также вошли мнения меньшинства – качества, не поддержанные другими участниками фокус-групп. (см. Приложение Ж.).

Во время фокус-группового интервью также были высказаны некоторые размышления о влиянии Д-ТП на повседневную жизнь участников, которые, иллюстрируя личностные и межличностные отношения, фактически подтверждали действие ключевых векторов адаптации, названных в концептуальной модели исследования. *Вектор самоактуализации* проявился в следующих высказываниях:

Ольга Р. «Реальность телесности развивается. В детстве, к сожалению, преподаватели быстро переключают на сознательную часть. Во взрослом возрасте можно возвратиться. Дает дополнительные смыслы в жизни. Новые эмоции, взаимоотношения, впечатления от жизни. Я теперь пропагандист Аргентинского танго. Новый опыт новый уровень осознанности себя в этом мире взаимоотношений. Кто ты можешь быть, кто ты есть во взаимоотношениях с мужчиной. Ни к чему не обязывающих. Психосоматически на эмоциональном уровне, каждый свое получает. Осознаешь себя в процессе двухстороннего взаимоотношения. Общество не интересуется».

Изабелла Ш. «Чем сложнее, тем интересней, раззадорило познать танец дальше. Работа над собой не только во время уроков. Как стоишь, домой вечером

возвращаться, не правильно идешь. Перестань вести. «Не вести» это прекрасно. Хоть как то хоть, что-то очень сложно. Ждешь этих уроков».

Гана К. «Собственный баланс - это важно и его держать необходимо, но общий баланс пары - это особое удовольствие от ощущения совместного продукта взаимодействия».

В результате занятий танцами улучшается взаимодействие.

Родион К. «Чувство наблюдательности. Если человек хочет измениться, он самовыражается. Не обращает внимание на людей, которые его окружают. Самовыражение подавляет восприятие других людей, которые тебя окружают. Танго развивает способность к наблюдательности: с кем ты работаешь, с кем общаешься, что представляют собой эти люди. Станцевать общий танец».

Ольга Д. «Нахождение в параллельной реальности (виртуальной) и здесь, и немного не здесь. Не привыкаемость. Автономность. Интерактивность. Возможность повторять. Танец двоих – социально приемлемое, социально оформленное взаимодействие двоих без слов. С каждым партнером в процессе танца, какое-то новое. Есть динамика развития. Не просто набор технических элементов. Не ради результата – сам процесс деятельности. Важен сам процесс и ощущения во время этого процесса».

Игорь П. «Появляется больше уверенности, больше свободы. Вырабатывается навык управления, навык принимать свои собственные решения и немедленно воплощать, что может незаметно пригодиться в жизни. Навык напора, ведения телом. Передачи энергии, передачи импульса всем телом, против которого вообще ничего нельзя сделать. Переходит в жизнь. Он может дать все. Это манера взаимодействия с окружающим миром. Или двигаться, что всем вокруг не понятно, чего ты от них хочешь или у мира не остается никакого выбора, кроме того, чтобы делать так, как тебе надо. Передача информации нет двусмысленности. Очень четкий, очень мощный заряженный импульс передачи информации».

Владимир М. и Ольга Р. отметили, что опыт взаимодействия, полученный в ходе досугово-танцевальных практик «прививается на дольше, т.к. навыки сознания накладываются на телесные движения».

Было проговорено и косвенное влияние занятий на успешность адаптации. За счет улучшения походки, осанки, похудения повышается аттрактивность человека, его «желанность и востребованность». Латиноамериканские танцы «улучшают кровообращение в малом тазу, что увеличивает сексуальную энергию, позволяет лучше себя чувствовать. Женщины становятся более женственными и сексуальными».

Вектор субкультурной идентификации проявился в следующих высказываниях:

Людмила Л. Сравнила навыки парного танцевания с умением «напечь пирожков, тортиков» и быть желанной в любой кампании.

Олеся Ш. высказала мнение, что вовсе «не обязательно вливаться в коллектив, если это не мое». «Для меня самое главное открытость. Желание коммуницировать. Я считаю, что нужно быть каким-то, как сказать, что не обязательно нужно вливаться в какой-то коллектив. Если я чувствую себя позитивно, хочу быть открытой в этом обществе. Да, я принимаю это общество.. Если я не принимаю то, буду нейтрально себя вести. Открытость – это самое важное. Смотря что анализировать? Есть таксисты, которые за 2 сек. могут себя расположить, и с ним с удовольствием можно открыто болтать всю дорогу. Есть люди, которые за 2 сек. меня отталкивают. Это все на эмоциональном уровне. Не знаю, открытостью это можно назвать или... психологически духовный уровень. Но специально добиваться чего-то никогда не буду ни с кем. Если это твое – делай, общайся. Если не твое...» Нам кажется это очень полезным качеством: умение быстро и безболезненно определить «свой» коллектив, компанию, сообщество.

Заявлялось об инструментальном механизме адаптации, когда человек приходит на танцы, чтобы лучше выглядеть в глазах «танцующего» начальника, любимой девушки/парня.

Вектор субъект-субъектной сонастройки развернулся в следующих высказываниях:

Сергеем П. было высказано мнение, что за счет повышения общего эмоционального фона, повышается производительность в работе и отношениях. «Танцы формируют позитивные ожидания».

Екатерина Ш. отметила появляющуюся радость, вдохновение, к которому люди начинают тянуться. «Появляется вдохновленное выражение лица, излучаешь вдохновенность, воодушевленность». «Эмоциональная притягательность на подсознательном уровне, энергетическом». Происходит эмоциональная заражаемость.

Алексей К. «От объективного к субъективному. Ведет к развитию. Необходимость техники, гамм для самовыражения, необычного самовыражения. Либо самовыражается, либо принимает чье-то самовыражение. Парный танец – когда раскрываешь не только самого себя, но и партнера с которым танцуешь, поэтому необходимость понимать и чувствовать партнера, с которым танцуешь. Как другой язык. Если знаешь физику...»

Ираклий К. «Взаимоотношения между мужчиной и женщиной в первую очередь. В жизни попытки подавить, поддаться. В танце – своя функция, у каждого по природе. При этом, не обижая другого, учитывать интересы. Центр тяжести один на двоих, не зависит исключительно от тебя».

Александра М. «Лучше понимать партнера, чувствовать, быть более внимательной. Занимать активную позицию (волькада), не просто «кукла». Возможность открыться, больше доверять людям. Меньше заикливаться на своих внутренних «тараканах», больше замечать, что происходит вокруг и реагировать».

Заслуживающей внимание была история супружеской пары, посещавшей занятия танцами и участвующей в фокус-группе. *Наталья Т.* заявила, что через некоторое время после начала занятий муж начал регулярно открывать дверь в их машине и предлагать ей сесть. При этом, данное поведение она связывала с развитием таких качеств, как внимательность, вежливость, обходительность.

Муж, *Владимир М.*, «в свое оправдание» заявил, что раньше у него просто не было на это времени – «жена, обычно, быстро подходила к машине, сама открывала дверь и садилась». Поэтому даже в мыслях у него не было, что-то менять. Но, в результате участия в досугово-танцевальных практиках, жена начала все больше «отдавать инициативу», которую «приятно было взять в свои руки».

Во время фокус-групп было предложено проинтерпретировать 8 основных шагов танго (*Salida cruzada* - базисная фигура) в контексте процесса адаптации, что вызвало огромный интерес участников. При обсуждении основная фигура танго воспринималась как символ процесса адаптации: 1 шаг «назад» – отступить, осмотреться; 2 шаг «в сторону» - качели – гибкость в отношениях; 3 и 4 шаги «вперед снаружи» - продвигаясь вперед, не конфронтировать, не находиться строго напротив, уважение свободы другого человека - никто не перед кем; 5 шаг «кресс» - или ты поставишь или тебя, заходить в конфликтную ситуацию, из которой необходимо найти компромиссный выход, нога спереди накрест, для более защитной позы, передача информации и напор приводит к квинтэссенции всех навыков, проявление гибкости отшагивание назад, но с наклоном вперед, чтобы не споткнуться о собственную ногу, не сделать себе же подножку; 6 шаг – выход из критической ситуации с поворотом, с изменением стратегии поведения; 7 шаг – ассимиляция с группой; 8 шаг – возвращение в ситуацию личного комфорта, баланса. Участниками фокус-группы было озвучено, что социальные парные танцы и адаптация, настолько близкие с психологической точки зрения явления, что даже сама основная фигура танца рассматривалась как символ процесса адаптации. С другой стороны, было отмечено, что процесс обучения танцам также очень похож на процесс адаптации (отзеркаливание, следование авторитету, поиск собственного стиля) и рассматривался как метафора с помощью, которой можно описать адаптационные процессы.

Общим *результатом* проведения качественных методов исследования было определение трех отдельных списков: 1) качеств, навыков, умений и социальных установок, способствующих оптимальному протеканию процесса

социально-психологической адаптации мигрантов; 2) качеств, вырабатываемых в ходе досугово-танцевальных практик и 3) общий список - взаимозависимых качеств. В последний список вошли 16 качеств: Толерантность. Принятие инаковости; Импровизация. Творческий подход к взаимоотношениям; Аутентичность. Естественность; Внимание; Умение понимать невербальные сигналы; Лидерство; Чуткость; Доверие; Умение произвести впечатление; Автономность. Самостоятельность; Общительность. Контактность; Готовность «искать ключ» к взаимопониманию; Умение настойчиво отрабатывать идеальные способы взаимодействия; Готовность «поддержать компанию». Разделять привычки членов сообщества; Интуиция; Умение подстраиваться, что подтвердило результаты подобных исследований [115]. Несмотря на то, что был выработан общий перечень 16-ти качеств, необходимых для удачной социально-психологической адаптации, вырабатываемых в Д-ТП, нами было принято решение включить в анкету возможность проранжировать эти качества по отдельности (соотнести их с С-ПА и Д-ТП), для получения более ясной картины о возможном взаимовлиянии этих процессов с одной стороны и выявлении возможных качеств, которые слабо коррелируют между собой или даже потенциально способны навредить процессу адаптации.

Таким образом: 1) Подтверждена на уровне использования качественных методов концептуальная модель, описывающая 3 механизма социально-психологической адаптации, свойственных Д-ТП. 2) Выявлено, что термины качеств, озвученные в концептуальной модели являются достаточно используемыми, понятными мигрантам, что делает возможным их применение на следующем этапе в количественном исследовании. 3) Набор параметров (качеств), которые подтвердились на уровне качественного исследования, достаточен для создания методики Д-ТП С-ПА. Качественный подэтап констатирующего этапа исследования позволил обосновать набор параметров, вошедших впоследствии в Методику «16-С-ПА», с помощью которой предполагается количественно подтвердить связь между развивающим эффектом досугово-танцевальных практик и социально-психологической адаптацией мигрантов, а значит –

обосновать наличие механизмов адаптации мигрантов, присущих Д-ТП. Таким образом, фактически этот этап является обоснованием конструктивной валидности авторской Методики «16-С-ПА».

2.4. Адаптивные способности личности, развиваемые в досугово-танцевальных практиках.

2.4.1. Организация исследования: субъективное шкалирование психологических характеристик. Сутью второго подэтапа Констатирующего этапа Основного исследования было использование количественных методов исследования для определения взаимосвязи качеств, вырабатываемых в Д-ТП и способствующих социально-психологической адаптации. Количественное исследование - опрос (в форме анкетирования) face-to-face. Использовалась авторская Методика «16-С-ПА» (см. Приложение 3.). С целью подтверждения результатов, полученных в качественных исследованиях и определения «веса» того или иного качества, была разработана анкета, состоящая из 3-х блоков шкал: 1) «решение каких из нижеперечисленных проблем и насколько, важно для Вас в период адаптации», 2) «оцените важность наличия у человека следующих качеств, способных облегчить адаптацию к новому социальному окружению», 3) «в какой степени, по Вашему мнению, перечисленные качества, навыки и умения развиваются при посещении социальных парных танцев».

В первый блок стимульного материала включенными оказались также альтернативы, целью которых было уточнение некоторых спорных моментов относительно фактора общения и межличностного взаимодействия как основной проблемной области адаптации, возникших при трактовке результатов ассоциативного эксперимента, проведенного на первом этапе исследования.

Выборку исследования составили русскоговорящие внешние мигранты, экспатрианты и их супруги, живущие в 11-ти различных странах (Бельгия, Германия, Грузия, Израиль, Казахстан, Канада, Ливан, Россия, США, Украина, Швейцария) и городах-мегаполисах (Брюссельский столичный регион, Мюнхен,

Берлин, Тбилиси, Большой Тель-Авив, Алма-Ата, Большой Торонто, Большой Монреаль, Бейрут, Москва, Санкт-Петербург, Нью-Йорк, Большой Бостон, Киев, Днепропетровск, Одесса, Агломерация Цюрих), вовлеченные в занятия досугово-танцевальными практиками (Д-ТП). Всего было опрошено 600 человек в возрасте от 19 до 68 лет (средний возраст 37,7), из которых 395 женщин и 205 мужчины. 47,8% опрошенных (287 человек) являлись новыми мигрантами/репатриантами/экспатриантами, находящимися в стране-реципиенте до 3-х лет. Количество респондентов по странам распределилось следующим образом:

Таблица 2.3

Характеристика выборки респондентов, участвующих в тестировании по Методике «16-С-ПА»

Страны реципиенты (проживания респондентов)	Мигранты (всего)	До 3-х лет	женщины	мужчины	Свыше 3-х лет	женщины	мужчины
Израиль	225	63	47	16	162	114	48
США	79	27	22	5	52	39	13
Россия	69	43	34	9	26	12	14
Украина	66	52	31	21	14	5	9
Германия	58	39	23	16	19	11	8
Канада	43	16	5	11	27	21	6
Швейцария	26	18	7	11	8	6	2
Грузия	17	14	6	8	3	3	0
Бельгия	9	7	5	2	2	2	0
Казахстан	7	7	1	6	0	0	0
Ливан	1	1	1	0	0	0	0

Решение об учете в исследовании анкет экспатриантов и их супругов было вызвано существенным отличием этой категории трудовых мигрантов от традиционных заробитчан, осуществляющих переезд на свой страх и риск.

Социальные условия, гарантируемые этой категории мигрантов со стороны нанявших их компаний, позволяют экспатам воспринимать жизнь в чужой стране как нечто условно стабильное. Участвовавшие в исследовании экспатрианты и их супруги были гражданами Израиля, Латвии, России, Украины, Франции и на момент анкетирования проживали в Германии, Грузии, Казахстане, России, Украине. Всего был опрошен 41 экспат, из которых 24 мужчины и 17 женщин. 26 экспатриантов (13 и 13) проживали в странах-реципиентах менее трех лет.

Опрос проводился в августе-октябре 2014 методом «снежного кома» с последующей чисткой массива. В проведении анкетирования были задействованы преподаватели танцевальных школ и организаторы досуговых мероприятий (что облегчило последующую идентификацию респондентов), которые подключили к опросу своих клиентов, а те в свою очередь, друзей, коллег, партнеров, членов семей и других знакомых, занимающихся Д-ТП. Респондентам предлагалось заполнить интернет-анкету с указанием своего электронного адреса, страницы в социальных сетях, места жительства, а также субъективной оценки владения (степени «освоенности») парными танцами («существенный танцевальный опыт») и русским языком. Среди опрошенных, помимо людей, свободно говорящих на русском, были иранцы, китайцы, грузины, латыши, поляки, французы, венгры, уровень владения языком опроса которых позволял участие в анкетировании. Всего было собрано 633 анкеты, из которых после обработки 33 анкеты были отсеяны по следующим причинам: респондент не имел собственного опыта миграции в другую страну, респондент не занимался Д-ТП в предполагаемом виде (умения ограничивались исполнением медленного танца на выпускном или свадьбе), респондент не в достаточной степени владел языком анкетирования (пользовался гугл-переводчиком), респондент не оставил своих личных данных.

Примененный нами количественный метод исследования опрос (в форме анкетирования) позволил проранжировать критерии адаптации, а также каждое, выявленное в предварительных качественных исследованиях, качество необходимое для социально-психологической адаптации и вырабатываемое в Д-ТП по отдельности. Мы намерено ввели в первый блок анкеты пункты,

относящиеся к объективным (не социально-психологическим) критериям адаптации, дабы получить «точку отсчета» и понимать, насколько важны конкретные, исследуемые нами, субъективные критерии по отношению к удовлетворению базовых потребностей (согласно пирамиде А. Маслоу).

Полученные результаты подверглись факторному анализу (методу выделения факторов: анализ главных компонент) с целью уменьшения размерности исходных данных и выделения факторной структуры, а также корреляционному анализу (статистическая взаимосвязь двух или нескольких случайных величин) с целью обеспечить получение некоторой информации об одной переменной с помощью другой переменной.

2.4.2. Факторный и корреляционный анализ связи характеристик досугово-танцевальных практик и социально-психологической адаптации.

Обработка всего массива данных методом факторного анализа (главных компонент) производилась с использованием таких процедур обработки: Extraction Method: Principal Component Analysis, Rotation Method: Varimax with Kaiser Normalization, a. Rotation converged in 7 iterations. Обработка производилась в программе SPSS (версия 22.0).

Проверка целесообразности выполнения факторного анализа (Критерий Бартлетта и КМО) позволяет сделать вывод о приемлемости метода для анализа данной корреляционной матрицы (см. Приложение И.).

В результате факторного анализа проблем адаптации была получена 3-х факторная структура. Факторы объяснили 65,3% дисперсии (см. таблицу 2.4).

Таблица 2.4

Факторная структура сфер адаптации (факторная структура и дисперсия)

Название фактора	Сила % (дисперсия)
Фактор социальной принадлежности	27,829%
Фактор материальной обеспеченности	20,017%
Фактор самоактуализации	17,453%
Общая дисперсия	65,299%

Ответы на вопрос о наиболее важных проблемах адаптации в первый (до 3-х лет) период жизни в чужой стране выделились (сгруппировались) в **три фактора**:

1- **Фактор социальной принадлежности** (объясняет 27,83% дисперсии). Объединяет следующие характеристики: проблема принятия новым сообществом (окружением) (0,768); проблема социального статуса (0,745); проблема проведения свободного времени (0,728); проблема недостатка общения (0,709); проблема налаживания оптимального взаимодействия с местным населением (0,590); проблема точного и адекватного понимания партнеров по общению и взаимодействию (0,547). Наиболее важной составляющей проблемы социальной принадлежности является принятие новым окружением в приемлемом для мигранта социальном статусе, зависящем, в том числе, от возможности позволить себе и полезно организовать свободное время (в начальный период адаптации особенно силен соблазн продажи своего времени, вызванный определенной эйфорией от возможности быстрого «обогащения» и приобретения заманчивых товаров и услуг, подкрепленной четкой, законодательно защищенной, ценой на почасовую оплату труда). Остро воспринимается проблема недостатка общения. Налаживание взаимодействия с местным населением решается путем точного и адекватного понимания партнеров по общению и взаимодействию. Из этого можно сделать вывод, что именно социально-психологическая адаптация является у добровольных мигрантов наиболее ясно осознаваемой и актуальной для первого периода жизни в принимающей стране.

2- **Фактор материальной обеспеченности** (20,02%). Проблема материального благосостояния (0,827); Жилищная проблема (0,717); Проблема трудоустройства (0,696). Базовые материальные потребности. Удовлетворение базовых потребностей. Свободное время не является ценностью, т.о. предпочитается продажа рабочих часов.

3- **Фактор самоактуализации** (17,45%). Проблема развития творческого потенциала (0,897); Проблема личной самореализации (0,824).

Самоактуализация. Подтверждает, что мотивом переезда в другую страну является для добровольных мигрантов возможность реализации личностного потенциала и не ограничивается удовлетворением материальных потребностей.

Таким образом, несмотря на практически полностью обновленную выборку респондентов, были в точности подтверждены результаты, полученные на первом этапе исследования в ходе ассоциативного эксперимента относительно приоритета социально-психологической адаптации над психологической и социоэкономической (экономической) адаптацией в начальный период миграции.

Проверка целесообразности выполнения факторного анализа по второму блоку (Критерий Бартлетта и КМО) подтвердили математическую корректность модели: факторный анализ является приемлемым методом для анализа данной корреляционной матрицы.

В результате факторного анализа характеристик, которые, облегчают адаптацию, была получена 4-х факторная структура. Факторы объяснили 63,8% дисперсии (см. таблицу 2.5).

Таблица 2.5

Факторная структура характеристик адаптации

Название фактора	Сила % (дисперсия)
Фактор активного взаимодействия (интеграция)	20,790%
Фактор избирательности доверия (сепарация)	15,185%
Фактор уподобления (ассимиляция)	14,879%
Фактор ситуативного реагирования (маргинализация)	13,017%
Общая дисперсия	63,871%

Данный метод позволил выделить **4-ре фактора**, включающих в себя различное количество качеств. Данные факторы фактически являются различными стратегиями адаптации добровольных мигрантов, занимающихся досугово-танцевальными практиками.

1- **Фактор активного взаимодействия (интеграция)** (объясняет 20,79% дисперсии). Умение произвести впечатление (0,754); Умение настойчиво отрабатывать идеальные способы взаимодействия (0,740); Лидерство (0,659);

Готовность «поддержать компанию». Разделять привычки членов сообщества (0,594); Автономность. Самостоятельность (0,570). Внимание (-0,024); Толерантность. Принятие инаковости (-0,060). Всесторонняя субъектная активность, настойчивость с инициативой, исходящей от субъекта. Многовариантная ситуативно-регламентируемая адаптивность. Максимальное разнонаправленное применение качеств с целью поиска идеальных способов взаимодействия с относительным пренебрежением принятия инаковости, толерантности; акцент на производимое впечатление и демонстрацию лидерских амбиций. Житейски опытный подход к адаптации, по наитию. Стремление использовать, в той или иной мере, практически все предложенные качества. Выстраивание сопричастных отношений.

2- **Фактор избирательности доверия (сепарация)** (15,19%). Доверие (0,841); Аутентичность. Естественность (0,781); Чуткость (0,662); Импровизация. Творческий подход к взаимоотношениям (0,546). Общительность. Контактность (-0,147). Доверительная избирательность взаимодействия; Чувствование, подразумевающее приоритетность субъектной индивидуальности, аутентичности и естественности, как собственной, так и ограниченного круга окружающих; не ассимиляция, отчасти сепарация с сохранением индивидуальности и доверительно-чутким отношением к референтному окружению, близким по духу людям.

3- **Фактор уподобления (ассимиляция)** (14,88%). Толерантность. Принятие инаковости (0,795); Готовность «искать ключ» к взаимопониманию (0,733); Общительность. Контактность (0,698); Умение подстраиваться (0,541). Лидерство (-0,061). Уподобление, стратегия, ориентированная на конформное приспособление (мимикрия, маскировка) с подавлением лидерских качеств.

4- **Фактор ситуативного реагирования (реагирования по ситуации) (маргинализация)** (13,02%). Внимание (0,818); Умение понимать невербальные сигналы (0,789); Интуиция (0,554). Готовность «поддержать компанию». Разделять привычки членов сообщества (-0,076). Реагирование, стратегия, ориентированная на рациональную и интуитивную расшифровку внешних

поведенческих реакций («Локатор». «Нос по ветру»), не направленная на организацию взаимодействия, как такового («главное расшифровать собеседника, а, что делать дальше, как взаимодействовать – разберусь»), маргинализация, исключая изменение в собственном поведении.

Выделение четырех факторов (главных компонент) соответствующих по своим характеристикам стратегиям теории аккультурации Дж. Берри, можно интерпретировать как факт использования в Методике «16-С-ПА», в качестве стимульного материала, исчерпывающего перечня качеств, охватывающего все стратегии социальной адаптации (аккультурации), что обеспечивает валидность нашей методики как методики оценки личностных ресурсов адаптации.

Проверка целесообразности выполнения факторного анализа для подтверждения математической корректности модели (Критерий Бартлетта и КМО): факторный анализ является приемлемым методом для анализа корреляционной матрицы.

В результате факторного анализа характеристик, которые вырабатываются в Д-ТП была получена 4-х факторная структура. Факторы объяснили 68% дисперсии (см. таблицу 2.6).

Таблица 2.6

Факторная структура характеристик, вырабатываемых в Д-ТП

Название фактора	Сила % (дисперсия)
Фактор чуткости	19,895%
Фактор общительности	16,846%
Фактор интуиции	15,709%
Фактор автономности	15,629%
Общая дисперсия	68,079%

Выявленные факторы фактически являются подходами (стратегиями), обеспечивающими продуктивное танцевальное взаимодействие партнеров, а также могут рассматриваться как области действия присущих Д-ТП механизмов социально-психологической адаптации:

1- **Фактор чуткости** (объясняет 19,90% дисперсии). Чуткость (0,854); Умение понимать невербальные сигналы (0,705); Доверие (0,667); Внимание (0,608); Импровизация. Творческий подход к взаимоотношениям (0,519). Готовность «поддержать компанию». Разделять привычки членов сообщества (-0,054). Чувствительность (к невербальной экспрессии), базирующаяся на доверии, позволяет за счет внимания и импровизации творчески подходить к выстраиванию актуальных взаимоотношений. Не предполагает следование социальным нормам.

2- **Фактор общительности** (16,85%). Общительность. Контактность (0,829); Аутентичность. Естественность (0,608); Толерантность. Принятие инаковости (0,561). Интуиция (-0,031), Лидерство (-0,085). Толерантная субъект-субъектная (партнерская) общительность, исключая доминирование и неопределенность. Готовность контактировать с непохожими, уникальными людьми, подчеркивающими свою аутентичность и естественность, с целью поиска взаимопонимания, принимая инаковость партнера по общению.

3- **Фактор интуиции** (15,71%). Интуиция (0,779); Умение настойчиво отрабатывать идеальные способы взаимодействия (0,678); Умение подстраиваться (0,649); Готовность «искать ключ» к взаимопониманию (0,576). Лидерство (-0,067). Интуитивная подстройка позволяющая находить (подбирать) и отработать идеальные способы стереотипного и импровизационного взаимодействия, исключая доминирование.

4- **Фактор автономности** (15,63%). Автономность. Самостоятельность (0,779); Лидерство (0,770); Готовность «поддержать компанию». Разделять привычки членов сообщества (0,660); Умение произвести впечатление (0,580). Доверие (-0,018), Толерантность. Принятие инаковости (-0,025). Автономность. Лидерство, построенное на автономности и самостоятельности с ориентацией на привычки членов сообщества, установленные нормы и ритуалы (выстраивание иерархии, кастовости), позволяющее произвести впечатление, выделиться на общем фоне. При этом лидер не отрывается от коллектива – «лидерство в», в отличие от «лидерства над», (актеру нужна публика, но своя, удобная, готовая

наградить аплодисментами, обеспечить положительное подкрепление). В определенном смысле нарциссизм, подразумевающий действие компенсаторных механизмов – попытка самореализоваться в «удобной» сфере и среде. Исключается толерантность, принятие инаковости и доверие.

Дальнейшая обработка полученных данных обеспечила:

1. Выявление и ранжирование адаптивных способностей вырабатывающихся и развивающихся у занимающихся Д-ТП;
2. Верификацию концептуальной модели в части определения специфических механизмов социально-психологической адаптации мигрантов.

Арифметический подсчет баллов показал, что большинство мигрантов присвоило высокий ранг по шкале «Внимание» качеству, способствующему облегчению адаптации к новому социальному окружению, при этом также большинством было подтверждено развитие этой адаптивной способности в Д-ТП. Из чего можно сделать вывод о том, что данное качество, скорее всего, является универсальным для многих стратегий адаптации.

При этом необходимо понимать, что неполучение определенными качествами суммарных высоких баллов в анкете, означает их использование в меньшем количестве стратегий адаптации, что ни в коем случае не умаляет важности этих качеств для меньшинства. Таким образом, мы можем предположить, что мигранты, следующие различным стратегиям адаптации, используют различные механизмы и уделяют внимание развитию различных адаптивных способностей. Использование в той или иной пропорции различных механизмов адаптации (сформированных из собственных им качеств) способствует реализации различных стратегий адаптации. Подтвердить степень влияния конкретного механизма на конкретную группу людей представляется, на наш взгляд, возможным только в ходе формирующего эксперимента с использованием процессуальной оценки.

Корреляционный анализ, проведенный по результатам второго и третьего вопроса, с применением коэффициента корреляции Спирмена (Данные имеют нормальное распределение, но выбор в пользу коэффициента Спирмена

объясняется наличием порядковых шкал. В случае метрических шкал, применялся бы коэффициент Пирсона), позволил выявить уровень значимости и силу корреляции. Статистически значимыми являются все отраженные в Коррелограмме (Приложение К.) корреляции, при уровне вероятности $p \leq 0,001$ для каждого значения корреляции.

Аналізу подвергались корреляции (r - Correlation Coefficient) наиболее выраженные, по силе традиционно относящиеся к умеренным (см. Рис. 2).

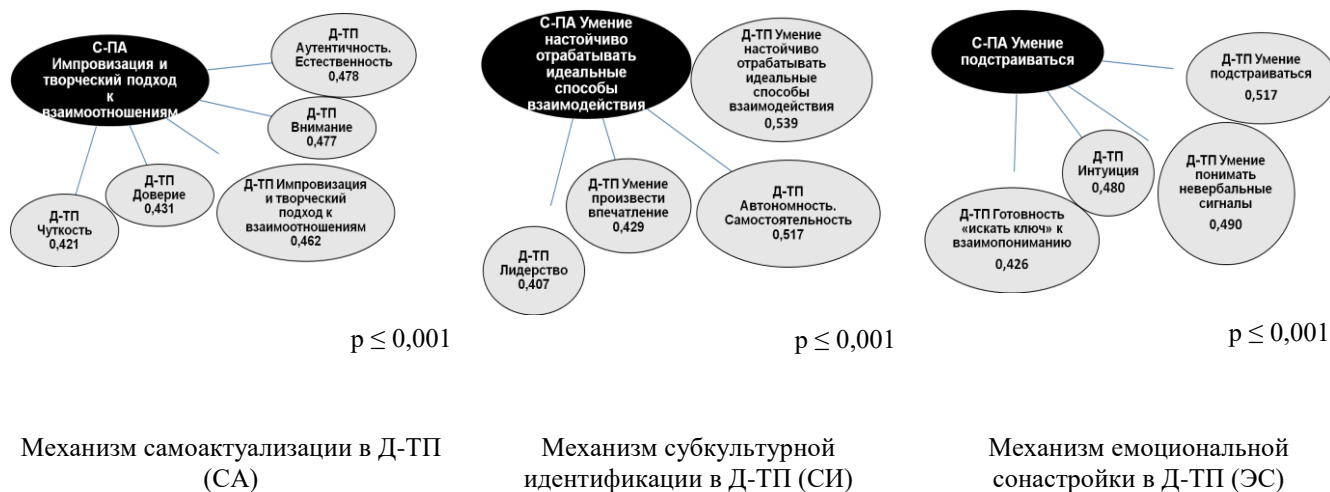

Рис. 2. Корреляционные плеяды по результатам субъективного шкалирования мигрантами 16 качеств (методика «16-СП-А»).

Следует отдельно отметить, что отсутствие традиционно сильной корреляционной связи при применении коэффициента корреляции (проведении анализа) и ее возможное фактическое проявление в ходе формирующего эксперимента, может говорить о том, что процесс адаптации и приобретения танцевальных навыков не всегда в полной мере осознается. Так, например, качество «готовность «поддержать компанию», разделять привычки членов сообщества» не получило больших рейтинговых баллов (ранг) и не попало в корреляции в то время, как сам факт участия в Д-ТП говорит об обратном. Кроме того, для многих из респондентов данной анкеты ситуация адаптации уже не была актуальной, ввиду их длительного проживания в стране-реципиенте.

Результаты корреляционного анализа второго и третьего блоков методики "16-С-ПА" позволили выявить набор адаптивных способностей, облегчающих

социально-психологическую адаптацию мигрантов, наработка и развитие которых возможны в занятиях досугово-танцевальными практиками.

Построение коррелограммы позволило выделить три образовавшиеся корреляционные плеяды качеств Д-ТП, фактически подтвердившие действие трех механизмов социально-психологической адаптации, свойственных досугово-танцевальным практикам: эмоциональная сонастройка, самоактуализация, субкультурная идентификация.

2.4.3. Операционализация механизмов социально-психологической адаптации и подбор диагностических методик. Интерпретация данных корреляционного анализа позволяет сделать следующие заключения по образовавшимся корреляционным плеядам качеств Д-ТП.

Первый механизм: эмоциональная сонастройка. Выделяя «умение подстраиваться» как качество, особо развивающееся в Д-ТП, мигранты с высокой долей вероятности ($p < 0,01$) связывают это с такими качествами, необходимыми для адаптации к новому социальному окружению как: «умение подстраиваться» (0,517), «умение понимать невербальные сигналы» (0,490), «интуиция» (0,480), «готовность «искать ключ» к взаимопониманию» (0,426).

Развивающееся в Д-ТП «умение подстраиваться», базируется, как на рациональном качестве «умение понимать невербальные сигналы», так и на иррациональном «интуиция», что говорит о многоканальности механизма эмоциональной сонастройки. Поэтому будет обоснованно утверждать, что именно вырабатываемое в Д-ТП качество «умение подстраиваться» (с отнесенными к нему характеристиками) репрезентует такой механизм адаптации как эмоциональная сонастройка.

Второй механизм: самоактуализация. Если мигрант утверждает, что в Д-ТП развивается «импровизация и творческий подход к взаимоотношениям», то с определенной долей вероятности он это связывает с такими качествами, способными облегчить адаптацию к новому социальному окружению как: «аутентичность и естественность» (0,478), «внимание» (0,477), «импровизация и

творческий подход к взаимоотношениям» (0,462), «доверие» (0,431), «чуткость» (0,421).

Связывая, вырабатываемое в танцах качество «импровизация и творческий подход к взаимоотношениям» с такими качествами облегчающими адаптацию как «аутентичность и естественность» с одной стороны и «доверие», «внимание», «чуткость» с другой, мигранты подтверждают действие механизма самоактуализации, проявляющегося в организации паритетного субъект-субъектного взаимодействия, основанного на доверии и уважении самости партнера. Именно творческий подход к диадно-групповому взаимодействию в отличие от стереотипического позволяет в полной мере учесть индивидуальные особенности партнера по общению. Импровизация как основа досугово-танцевального взаимодействия способствует проявлению самоактуализационных характеристик личности.

Третий механизм: субкультурная идентификация. Если качеством, развивающемся в Д-ТП, называется «умение настойчиво отрабатывать идеальные способы взаимодействия», то с определенной долей вероятности мигрант это связывает с такими качествами, необходимыми для адаптации к новому социальному окружению как: «умение настойчиво отрабатывать идеальные способы взаимодействия» (0,539), «автономность, самостоятельность» (0,517), «умение произвести впечатление» (0,429), «лидерство» (0,407).

«Умение настойчиво отрабатывать идеальные (т.е. приемлимые в данном сообществе) способы взаимодействия» фактически является научением и применением кодов, правил, норм, традиций, ценностей той или иной субкультуры, выработкой стратегий поведения свойственных референтной группе. Однако, по результатам качественных исследований (Глубинное интервью и Фокусированное групповое интервью), а также из заключений теоретической части нашей работы был сделан вывод о недостаточности простого освоения и развития вышеуказанных качеств, а также знания социокультурных и этнических особенностей местного населения, для успешного прохождения мигрантами процесса социально-психологической адаптации. Умения вести себя

как жители мегаполиса страны-реципиента, даже при наличии желания и необходимых способностей, не достаточно для реальной адаптации - необходимо стать этими жителями, определенным образом трансформировать свою социальную идентичность [82]. Таким образом, характеристикой действия механизма субкультурной идентификации является факт трансформации социальной идентичности, а не отдельные качества его репрезентующие.

Названное во время фокус-групп качество «Автономность. Самостоятельность» в ходе заполнения анкеты по его связи с Д-ТП оказалось оторванным от контекста (говоря о парных танцах, респонденты, в большинстве случаев, не допускали ни автономности, ни самостоятельности партнера). Кроме того, «Автономность. Самостоятельность», относимое сторонниками гуманистического подхода к ценностям (характеристикам) самоактуализирующейся личности, приобрело совместно с такими качествами как «Умение произвести впечатление» и «Лидерство» несколько иной смысл в контексте механизма субкультурной идентификации. Именно через принадлежность к субкультуре, человек приобретает субъектность как представитель группового субъекта. Можно говорить об «автономности в» в противовес «автономности от». Таким образом (через субкультуру) достигается баланс между разнонаправленными тенденциями человека - принадлежности к сообществу и автономности.

Ряд качеств («Общительность. Контактность», «Готовность «поддержать компанию». Разделять привычки членов сообщества» и «Толерантность. Принятие инаковости») не вошли в эти плеяды с высокой вероятностью (но в плеяды с меньшей степенью вероятности вполне могли бы и войти), по нашему мнению, в связи с тем, что не являются специфическими для Д-ТП, а отражают универсальный характер процесса социально-психологической адаптации. Однако эти качества, попадая в разные факторы, способствуют уточнению характерных особенностей протекания процесса социально-психологической адаптации, при использовании мигрантами различных стратегий адаптации.

В результате анализа корреляционных плеяд Д-ТП мы можем выделить три механизма социально-психологической адаптации посредством Д-ТП, что в значительной степени подтверждает на эмпирическом материале выводы, сделанные на этапе теоретического анализа и верифицирует концептуальную модель. По нашему мнению, репрезентация механизмов определенными качествами не в полной мере соответствовала, предполагаемой гипотезе, ввиду различных фаз социально-психологической адаптации, в которых находились исследуемые мигранты.

Таким образом, можно говорить о действии трех механизмов социально-психологической адаптации мигрантов, присущих Д-ТП: эмоциональная сонастройка, самоактуализация, субкультурная идентификация.

Сопоставляя данные факторного анализа Д-ТП (метода главных компонент) и корреляционного анализа свойств Д-ТП и С-ПА также можно подтвердить вывод о действии трех механизмов социально-психологической адаптации в Д-ТП. Из трех механизмов два соответствуют отдельным факторам, а третий объединяет два фактора Д-ТП. Фактор «Интуитивной подстройки» объединил качества механизма эмоциональной сонастройки, а фактор «Автономности» – механизма субкультурной идентификации. Факторы Д-ТП «Чуткости» и «Общительности», помимо наличия в них качеств, относящихся к механизму самоактуализации, можно отнести к действию одноименного механизма, ввиду общности высоких показателей по системообразующему качеству «импровизация; творческий подход к взаимоотношениям», 0,519 и 0,490 соответственно, на фоне низких показателей этого качества в двух других факторах. Кроме того, нахождение факторов Д-ТП «Чуткости» и «Общительности» в поле действия механизма самоактуализации подчеркивает его применимость в различных ситуациях контакта (действие механизма актуализации не ограничивается обособленным кругом «посвященных», сепарацией).

При сопоставлении данных факторного анализа С-ПА и корреляционного анализа свойств Д-ТП и С-ПА, факторы (стратегии) социально-психологической

адаптации можно соотнести с механизмами адаптации следующим образом: Стратегия интеграции (фактор активного взаимодействия) реализуется в большей степени под действием механизма субкультурной идентификации. Стратегия сепарации (фактор избирательности доверия) реализуется благодаря механизму самоактуализации, что выглядит вполне естественно в свете процесса развития личности. Реализация стратегий ассимиляции (фактор уподобления) и маргинализации (фактор ситуативного реагирования) достигается под воздействием механизма эмоциональной сонастройки, при различном влиянии качеств внутри механизма. Предположение, что один механизм способствует реализации различных стратегий адаптации, не является экстраординарным. Обе эти стратегии объединяет стремление отказаться от поддерживания исходной социокультурной идентичности, при этом ассимиляция подразумевает растворение в новой социокультурной среде, в то время как маргинализация предполагает отвержение и доминирующей идентичности также. Очевидно, что стратегия маргинализации не имеет ничего общего с эскапизмом в понимании отшельничества. Подразумевается ситуативное взаимодействие с представителями доминирующей культуры, поэтому такие качества как «умение подстраиваться», «умение понимать невербальные сигналы», «интуиция» необходимы для реализации обеих стратегий адаптации: ассимиляция и маргинализация.

По результатам факторного и корреляционного анализа качества сгруппировались в определенные констелляции таким образом, что связь между ними позволяет говорить о содержательном наполнении механизмов, а не отдельных качествах. При этом данные констелляции качеств отражают сущность следующих интегральных явлений: эмпатия, самоактуализация и субкультурная идентификация, по сути своей, являющихся социальными способностями [78]. Оперируя данными интегральными явлениями, мы добиваемся лучшего понимания и диагностики, выявленных на подэтапе количественного исследования, механизмов.

Таким образом, полученные эмпирическим путем данные (наличие статистически достоверных связей), подкрепленные теоретическими исследованиями, позволили нам частично подтвердить гипотезу о наличии следующих механизмов социально-психологической адаптации мигрантов: эмоциональной сонастройки, самоактуализации, субкультурной идентификации, актуализирующихся в Д-ТП в ходе стилево-импровизационного социального взаимодействия. В формирующем эксперименте мы предполагаем подтвердить направление причинно-следственных связей между качествами, вырабатываемыми в Д-ТП и социально-психологической адаптацией мигрантов.

Создание батареи стандартизированных методик. Во время третьего методического подэтапа осуществлялся подбор комплекса методик для фиксации результатов формирующего эксперимента (подтверждение действия механизмов социально-психологической адаптации мигрантов), проведены пилотажные испытания с целью уточнения психологического инструментария, который затем был окончательно отобран.

Основной задачей этого подэтапа был выбор из совокупности тестовых методик, характеризующих различные аспекты социально-психологической адаптации тех, что наиболее адекватно и в полном объеме отражают процесс адаптации мигрантов и механизмы его оптимизации, присущие досугово-танцевальным практикам.

При построении батареи учитывались те концепции, в рамках которых были созданы методики адаптации. Стоя на позициях рассмотрения социально-психологической адаптации как части процесса личностного развития, в настоящем исследовании для контрольной диагностики уровня социально-психологической адаптации мигрантов использовалась методика «Диагностика социально-психологической адаптации» К. Роджерса и Р. Даймонд (которая разработана в русле экзистенциально-гуманистического направления в психологии (Ф. Перл, К. Роджерс, В. Франкл и др.)).

Для изучения социально-психологических механизмов адаптации, являющихся предметом нашего исследования, считаем необходимым измерять не

только непосредственно результат адаптации с учетом внутренней составляющей, но и отслеживать характер изменений, происходивших непосредственно в механизмах, репрезентируемых личностными и социально-психологическими качествами (адаптивными способностями) - путем использования соответствующих стандартизированных методик: Методика диагностики уровня эмпатических способностей В. В. Бойко - МЭС, Диагностика самоактуализации личности А. В. Лазукина в адаптации Н. Ф. Калиной (САМОАЛ) - МСА, Цвето-ассоциативная методика А. М. Парачева (ЦАМ) - МСИ, а также поведенческими паттернами - Авторской методикой процессуальной диагностики (экспертной оценки) поведенческих показателей механизмов стилево-импровизационного социального взаимодействия (Методика «С-ПА Д-ТП») (описана в 3-ем разделе).

Описание отдельных методик. В методике Карла Роджерса и Розалинд Даймонд «*Диагностика социально-психологической адаптации*» [119]. Шкалы: адаптивность: принятие себя; принятие других; эмоциональный комфорт; внутренний контроль (интернальность); доминирование и дезадаптивность: непринятие себя; непринятие других; эмоциональный дискомфорт; внешний контроль (экстернальность); ведомость; эскапизм (уход от проблем). Согласно данной методике, в системе межличностных отношений «адаптивность» и «дезадаптивность» являются двумя основными параметрами, которые включают в себя все другие, имеющиеся в методике («принятие себя», «принятие других», «эмоциональный комфорт», «интернальность», «доминантность», «эскапизм»). В опроснике использован прием «нейтрализации» установки тестируемых на социально-желательные ответы: утверждения сформулированы в третьем лице, без использования каких-либо местоимений, а также используется достаточно дифференцированная, 7-бальная шкала ответов. При этом мы отдаем себе отчет в том, что, по мнению ряда исследователей, в данной методике имеет место некоторая некорректность в интерпретации шкал [119].

Для исследования действия механизма *эмоциональной сонастройки* была выбрана *Методика диагностики уровня эмпатических способностей В. В. Бойко, Тест «Эмпатические способности»*. [173] (шкалы: Рациональный канал эмпатии;

Эмоциональный канал эмпатии; Интуитивный канал эмпатии; Установки, способствующие или препятствующие эмпатии; Проникающая способность в эмпатии; Идентификация в эмпатии).

Действие механизма *самоактуализации* предполагалось проверить Методикой *Диагностика самоактуализации личности* (А. В. Лазукин в адаптации Н. Ф. Калина) *САМОАЛ* [173] (шкалы: ориентация во времени, ценности, взгляд на природу человека, потребность в познании, креативность (стремление к творчеству), автономность, спонтанность, самопонимание, аутосимпатия, контактность, гибкость в общении). Методика является модифицированным вариантом опросника личностных ориентации Эверетта Шострома (Personal Orientation Inventory – POI), разработанным на основе, одной из наиболее широко известных теорий в рамках экзистенциально-гуманистического подхода в психологии, концепции самоактуализирующейся личности А. Маслоу. Методика позволяет сделать вывод о развитии творческого потенциала; адекватном восприятии окружающих, мира и своего места в нем; формировании равноправных, партнерских отношений, сотрудничества.

С целью исследования действия механизма *субкультурной идентификации* был произведен подбор методик для изучения социальной идентичности и ее трансформации. По мнению авторов теории социальной идентичности Г. Тэджфела и Дж. Тернера формирование позитивной социальной идентичности является условием социально-психологической адаптации мигрантов, поэтому именно тенденцию трансформации социальной идентичности нам необходимо продиагностировать в ходе формирующего этапа исследования [102]. Множественный характер социальной идентичности добровольных мигрантов привел к необходимости тщательного отбора соответствующего инструментария, в результате которого мы остановились на методиках, относящихся к психосемантическому подходу в исследованиях данного феномена, как наиболее адекватному и эффективному, позволяющему описывать и изучать «групповые, глубинные часто неотрефлексированные представления различных людей» [55, с. 14] и «значимые для человека области переживаний и поведения» [64, с. 53]:

Метод «Неоконченные предложения», Тест Куна «Кто Я?» (М. Кун, Т. Макпартленд; с частичным использованием модификации Т. В. Румянцевой), Цвето-ассоциативная методика А. М. Парачева (ЦАМ). На этом подэтапе было проведено пилотажное испытание отобранных методик с целью уточнения психологического инструментария.

Методика «Неоконченные предложения» [64] или тест на завершение предложений (sentence completion test) с частичным использованием стимульного материала В. Б. Ольшанского и С. Г. Климовой. Методика применялась с целью изучения социальных стереотипов и их взаимосвязи с поведенческими практиками испытуемых; выявления основных элементов образов ин- и аут-групп в сознании респондентов [102]. Используемые нами стимульные предложения достаточно неопределенны, чтобы не программировать заранее однозначный ответ. Изучение стереотипов, с помощью которых люди объясняют свои и чужие поступки способствует выявлению нормативного пространства, в котором индивид вынужден ориентироваться, чтобы быть принятым в значимой для него среде. Эти субъективные ориентации (социальные ожидания), разделяемые членами общества, имеют атрибутивную природу со свойственным ошибочным восприятием реальности. Обобщения («всякий раз», «часто», «редко», «обычно») использовались для определения культурной нормы.

Выборку пилотного исследования составили русскоговорящие мигранты, живущие в Израиле менее 3-х лет и занимающиеся Д-ТП. Всего было опрошено 30 добровольных мигрантов от 27 до 52 лет (средний возраст 38,3 года), среди которых было 12 мужчин и 18 женщин.

При *интерпретации результатов*, был сделан акцент на качественной обработке полученных данных. Отмечены «застревания» респондентов на одной проблематике – дефицит общения, вызванный недостаточным знанием языка. Также, можно говорить о подтверждении данных, полученных при проведении первого этапа исследования: основная проблема адаптации - общение с новым окружением, результатом адаптации видится умение точно и адекватно воспринимать партнера по общению, а также стремление к налаживанию

оптимального субъект-субъектного взаимодействия с представителями общины мегаполиса.

Анализируя реакции на предложение «Жители Израиля делятся на...», мы подсчитали, что «соотношение числа упоминаний личностных характеристик и социальных ролей», составляет примерно 1:3. Явное преобладание «указаний на статусные или ролевые признаки» подтверждает гипотезу С. Г. Климовой о структурированности общества в глазах его членов.

Анализ соотношения числа нейтральных, позитивных и негативных высказываний, а также применение негативных ярлыков по отношению к представителям большинства упомянутых групп (коренные израильтяне, репатрианты из стран Западной Европы и Северной Америки, русскоговорящие репатрианты из бывшего СССР, репатрианты из Эфиопии) позволил сделать вывод об имеющей место диффузной агрессивности.

Тест Куна «Кто Я?» (М. Кун, Т. Макпартленд; с частичным использованием модификации Т. В. Румянцевой) [144]. Фактически является разновидностью методики «Неоконченные предложения», обе построены на базе ассоциативного эксперимента. Данная методика позволяет определять социальные и личностные идентификации мигранта, существующие в форме установок в адрес самого себя [102], а также позволяет выявить специфику социальной идентичности, получив самописание испытуемого, являющееся отражением его субъективных представлений о самом себе. Таким образом, мы получаем актуальные компоненты социальной идентичности личности мигранта, их значимость (удельный вес) в структуре самописаний мигранта, иерархию идентификационных характеристик, путем их ранжирования самим испытуемым, а также определяем эмоционально-оценочную составляющую компонентов. Под личностной идентичностью понимается самоопределение в терминах физических, интеллектуальных и нравственных черт индивида, а под социальной – самоопределение в терминах отнесения себя к определенной социальной группе.

Выборку составили русскоговорящие мигранты, живущие в Израиле менее 3-х лет и занимающиеся Д-ТП. Всего было опрошено 30 добровольных мигрантов

от 22 до 56 лет (средний возраст 36,23 года), среди которых было 15 мужчин и 15 женщин.

Результаты опроса позволили выделить 10 обобщенных показателей актуальных компонентов социальной идентичности мигранта. За основу классификации были взяты категории, предложенные Ж. В. Пузановой, М. В. Седневой, М. В. Филоненко, добавлены категории Н. Л. Ивановой [57] и Т. В. Румянцевой [144], а также авторские, отражающие специфику исследования. Таким образом, в ходе содержательного анализа, полученные ответы предлагается относить в соответствующую категорию показателей-компонентов идентичности (классифицировать) по следующим 10-ти основаниям (см. Приложение Л.).

При интерпретации мы уделяли большее внимание социальным (подчеркивающим себя и других) категориям (критериям разделения): студент, пекарь, а не личностным: добрый, успешный, высокий.

Цвето-ассоциативная методика А. М. Парачева (ЦАМ) [124] представляет собой модифицированный вариант Цветового теста отношений. Испытуемым предлагается проецирование множества предложенных объектов на цветовой алфавит индексов. По нашему замыслу Цвето-ассоциативную методику А. М. Парачева (ЦАМ), помимо диагностики социальной идентичности (конфликтного характера мегаполисной идентичности), возможно использовать для исследования социальных установок в качестве аналога Шкалы социальной дистанции Богардуса (учитывая неточность обоих вариантов локализации шкалы Богардуса (Н. В. Паниной и Л. Г. Почебут), применяемых в Украине и России по отношению к оригинальной версии автора 1933 года и положениям Л. Л. Терстоуна о равнокажущихся интервалах [147]). С этой целью нами был проведен пилотаж, позволивший сформировать соответствующий перечень объектов, выносимых на диагностику (см. Приложение М.).

При формировании списка объектов для диагностики социальной идентичности и социальных установок с применением ЦАМ были использованы некоторые частично модифицированные пункты первой и второй версий шкалы Богардуса 1925 и 1933 годов, названия различных социальных ролей, а также

базовых эмоций, которые давали ориентиры для определения эмоциональной окраски объектов в сознании испытуемых (аналогичную роль играли категории «друг» и «враг»). При этом понятия «Я» и «Я-идеальное» использовались для выявления актуальных и потенциальных социальных идентификаций испытуемых [102]. Кроме того, автор структурно-функциональной модели системы социально-психологической адаптации С. А. Ларионова выделяет высокую степень самопринятия (отсутствие значительного расхождения между Я-реальным и Я-идеальным), как один из основных параметров эффективной социально-психологической адаптации [79].

Реакции испытуемых на предложенные, в числе объектов, названия социальных групп позволили установить множественность категоризации и множественность идентичности. Положительные и отрицательные оценки социальных групп говорили о категоризации этих идентичностей, в то время как нейтральные – свидетельствовали о неактуальности (непредставленности) данных категорий в когнитивной карте мигранта. Можно утверждать, что положительная динамика между замерах по определенным социальным группам, говорила об идентификации человека с ними.

Ввиду исследовательского интереса, прежде всего к фиксации позитивной трансформации социальной идентичности мигрантов, способствующей С-ПА, особое внимание уделялось реакциям на предъявление следующих объектов: Я, Я-житель моего города, Я-гражданин своей страны.

В итоге для диагностики механизма *субкультурной идентификации* была выбрана методика ЦАМ, а результаты пилотных исследований по методикам «Неоконченные предложения» и Тесту Куна «Кто Я?» позволили сформировать объекты предъявления. Решено предлагать респондентам только такие объекты, которые репрезентируют большие группы, к которым необходимо оценивать адаптацию, показывающие адаптацию к субкультурам и сообществам.

Использование методики ЦАМ позволяет не только определить соотнесение мигрантом себя к той или иной социальной общности (изменение принадлежности), но и эмоциональное отношение к ней и, как следствие

отследить позитивность/негативность изменений социальной идентичности. Кроме того, использование ЦАМ в части Теста Люшера позволяет выявить дезадаптацию, через степень эмоционального напряжения (ранжирование цветов).

Выводы ко второму разделу.

1. В результате расширенного феноменологического анализа социально-психологических особенностей Д-ТП, влияющих на С-ПА мигрантов, подтверждено наличие ключевых векторов адаптации: самореализация, субкультурная идентификация, субъект-субъектная сонастройка. Предложенная концептуальная модель стилевого импровизационного взаимодействия в Д-ТП как средства социально-психологической адаптации мигрантов представляет активизацию ключевых векторов адаптации в соответствующих механизмах социально-психологической адаптации, присущих Д-ТП – механизмах стилевой импровизации: самоактуализации, субкультурной идентификации и эмоциональной сонастройки, фиксируемых в поведенческих и личностных показателях.

2. В результате проведенного эмпирического этапа с применением комплекса качественных методов исследования (включенное наблюдение, глубинные интервью, контент-анализ интернет-ресурсов, фокусированные групповые интервью) выделен перечень адаптивных способностей (тезаурус личностных и социально-психологических качеств) для определения возможностей их формирования в Д-ТП.

По результатам анкетирования проведены факторный и корреляционный анализы, позволившие верифицировать основные положения концептуальной модели исследования. Факторный анализ подтвердил важность социально-психологического контекста адаптации в начальный период миграции, а также существование различных стратегий адаптации добровольных мигрантов, занимающихся досугово-танцевальными практиками и подходов, обеспечивающих продуктивное танцевальное взаимодействие партнеров.

Корреляционный анализ подтвердил наличие механизмов адаптации ввиду группировки качеств в определенные конгломераты, позволяющие констатировать связь между личностными новообразованиями, формируемыми и развиваемыми в Д-ТП и необходимыми для С-ПА.

3. Обоснован подбор методик, позволяющий зафиксировать действие механизмов адаптации, через личностные и поведенческие показатели, а также подтвердить успешность формирующего эксперимента. Батарея методик оценки результата и динамики личностных показателей механизмов С-ПА в Д-ТП состоит из: 1) Основной методики «Диагностика социально-психологической адаптации» К. Роджерса и Р. Даймонд; 2) Методик, репрезентирующих личностные характеристики трех механизмов: самоактуализация – методика диагностики самоактуализации личности (А. В. Лазукин в адаптации Н. Ф. Калиной) САМОАЛ, субкультурная идентификация – Цвето-ассоциативная методика А. М. Парачева (ЦАМ), эмоциональная сонастройка – методика диагностики уровня эмпатических способностей В. В. Бойко, Тест «Эмпатические способности». Для исследования поведенческих характеристик механизмов стилевой импровизации необходимо создание методики экспертной оценки процессуальной диагностики «С-ПА в ДТП», фиксирующей динамику изменений поведенческих показателей (танцевальных параметров) в ходе формирующего эксперимента.

РАЗДЕЛ 3

МЕХАНИЗМЫ ТАНЦЕВАЛЬНОГО СТИЛЕВО- ИМПРОВИЗАЦИОННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СОЦИАЛЬНО- ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ МИГРАНТОВ: ФОРМИРУЮЩИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

В этом разделе представлены программа организации социально-психологического танцевального тренинга повышения адаптационного потенциала мигрантов, описание методики процессуальной диагностики поведенческих показателей механизмов стилевой импровизации «С-ПА в Д-ТП» и собственно результаты эмпирического исследования влияния танцевального тренинга на динамику изменений поведенческих и личностных характеристик механизмов адаптации в Д-ТП, формирование более высокого уровня адаптированности.

3.1. Организация формирующего эксперимента по использованию досугово-танцевальных практик как средства социально-психологической адаптации мигрантов.

3.1.1. Организация формирующего эксперимента. Диагностико-тренинговый подэтап состоял в изучении влияния досугово-танцевальных методов на оптимизацию социально-психологической адаптации мигрантов через изменение поведенческих и личностных параметров механизмов адаптации в Д-ТП (установление направления связи, где влияние на поведенческие показатели должно обеспечивать изменение адаптивных свойств и соответственно уровня адаптации), в соответствии с поставленными для формирующего этапа эмпирического исследования задачами:

1. Создание на основе концептуальной модели адаптации программы социально-психологического танцевального тренинга повышения адаптационного потенциала мигрантов.

2. Разработка методики процессуальной диагностики поведенческих показателей механизмов стилевой импровизации для изучения динамики их изменений посредством формирующего воздействия.

3. Проведение двух замеров показателей на до и посттренинговых этапах для изучения влияния досугово-танцевальных методов на личностные и социально-психологические переменные в экспериментальной группе, такие как: рациональный, эмоциональный и интуитивный каналы эмпатии; взгляд на природу человека, креативность, спонтанность, гибкость в общении; социальную идентификацию через образы реального «Я», «Я – житель города», «Я – гражданин страны» и их динамику.

4. Сравнение полученных результатов до и после участия в танцевальном тренинге повышения адаптационного потенциала мигрантов через активизацию стилевого импровизационного социального взаимодействия.

Формирующий эксперимент состоял в организации танцевального тренинга повышения адаптационного потенциала мигрантов, в ходе которого, согласно выбранному дизайну эмпирического исследования – разработка и апробация психотехнологии [107], доказывающаяся эффективность психологической методики (тренинга) и проверяется гипотеза о причинно-следственной связи между влиянием механизмов стилевой импровизации на уровень С-ПА. Воздействие на поведенческие переменные Д-ТП, оказываемое в ходе тренинга, должно доказать влияние Д-ТП на С-ПА, подтвердив направление связи, установленной ранее в ходе корреляционного анализа. Тренинг призван актуализировать адаптивный потенциал досугово-танцевальной среды, обеспечивая кумулятивный эффект оптимального влияния механизмов стилевой импровизации (субкультурная идентификация, самоактуализация и эмоциональная сонастройка) на интенсивность и качество процесса адаптации. Таким образом, разработанный на основе концептуальной модели трех векторов и механизмов адаптации тренинг должен привести к изменению поведения, адаптивных способностей, содержательных характеристик социальной идентичности и уровня адаптации испытуемых.

Выборка. С целью проверки гипотезы участники эксперимента - 120 респондентов добровольных внешних мигрантов, возрастом от 21 до 68 лет (средний возраст 35,98 лет), каждый из которых на момент исследования проживал в стране-реципиенте (Израиль) менее трех лет - были разделены на две равные по численности группы, с пропорциональным гендерным представительством, идентичные (максимально сходные) по основным социально-демографическим характеристикам: 1) экспериментальная, подвергшаяся формированию и 2) контрольная.

Участие в танцевальном тренинге, наравне с членами экспериментальной группы, приняли местные жители и мигранты-старожилы разных стран происхождения. Доля местных жителей и мигрантов-старожилов составляла 43,4% от общего числа участников тренинга (46 – местных жителей и мигрантов-старожилов, 60 – новых мигрантов). Таким образом, нам удалось лабораторно создать модель социальной среды по этносоциальному составу частично приближенную к реальной, что не происходит в специализированных государственных учреждениях, занимающихся проблемой абсорбции репатриантов в Израиле. Участники тренинга были разделены на три примерно равные (около 30-ти человек) закрытые группы с паритетным гендерным представительством, что позволило уменьшить количественный состав каждой из тренинговых групп, способствуя повышению эффективности влияния тренеров.

Цель формирующего эксперимента: Разработать программу и организовать тренинг таким образом, чтобы специально подобранные упражнения, практические задания, специфические методики и техники синергетически активизировали действие механизмов СА, СИ и ЭС, что проявилось бы в динамике изменения поведенческих показателей Д-ТП и привело к развитию адаптивных способностей, изменению содержательных характеристик социальной идентичности и, как следствие, повышению уровня социально-психологической адаптации испытуемых.

Кроме того, в ходе формирующего этапа предполагалось подтвердить эффективность тренинга, как средства взаимной адаптации мигрантов и

представителей местного населения. Выдвигалась гипотеза: на наглядном концентрированном примере мигрантов, местные жители решают собственные проблемы С-ПА, вызванные как перманентным характером изменений социокультурной среды мегаполисов, так и цивилизационными личностными трансформациями.

Формат проведения тренинга. Тренинг проходил в формате курса, в отличие от рутинных занятий (drop in), при которых нет возможности добиться последовательности освоения материала. В тренинге использовался весь комплекс мероприятий, свойственных Д-ТП: обучающие уроки, практические занятия, лекции-обсуждения, сопровождающиеся видео просмотрами и выполнением домашних заданий, танцевальные вечеринки. Была достигнута относительная пропорциональность представленности мигрантов и представителей местного населения.

Опробованы и другие форматы проведения тренинга, результаты которых не вошли в настоящее исследование. Применялся смешанный формат, когда 3-недельный тренинг проводился с учебной группой (при условии ее соответствия требованиям выборки: мигранты-местные жители), обучающейся до этого социальным парным танцам в течение 2,5-3 месяцев с периодичностью два раза в неделю по системе рутинных танцевальных уроков (drop in). Был опробован также формат трехдневного марафона с минимальным перерывом на сон и ограничением свободного времени только приемами пищи. Сбой привычного режима, а также отсутствие телефонов и интернета, позволяли добиться от участников скорейшего погружения в процесс обучения.

Важной составляющей эксперимента было проведение на завершающем этапе открытой вечеринки с привлечением не участвовавших в тренинге лиц, что фактически должно было подтвердить применение навыков адаптации в близких к естественным условиям обыденной жизни (в иной необычной, несвойственной обстановке), не ограниченной рамками привычной тренинговой группы.

Таким образом, проведение подобной открытой вечеринки, с одной стороны, повышает валидность оценивания действенности и эффективности Д-ТП

как средства социально-психологической адаптации мигрантов, а с другой, соответствует диалектической природе явления адаптации (включающей пассивную и активную стороны), подчеркивая характерную черту психологической организации личности - постоянную незавершенность, выступающую залогом дальнейшего развития в постоянно изменяющихся, оказывающих влияние на человека социальных условиях.

Продолжительность тренинга - 7 (семь) недель с периодичностью 3 (три) раза в неделю, обеспечивающей гомогенность и гомфотерность группы. Итого 21 занятие, дважды в неделю занятия, продолжительностью 2 часа и один раз – 3 часа (последнее занятие – вечеринка 4 часа), всего 53 тренинговых часа.

Ведущие тренинга. К тренинговым занятиям, проводимым автором методики, привлекались в качестве ассистенток местные жительницы, преподаватели парных танцев, специализирующиеся на работе с взрослыми людьми. В будущем планируется проведение тренинга двумя тренерами-ведущими: мужчина и женщина, при условии, что один из них мигрант, а второй местный житель.

Учитывая, что значительность роли ведущего тренинга подчеркивалась неоднократно [35, 66, 89, 92, 136, 189] особыми требованиями к ведущему, для проведения настоящего тренинга, являлись: терпеливость, нейтральность, беспристрастие, децентрированность позиции (недопущение судейского, наставнического или экспертного позиционирования), а также опыт организации специального пространства тренинга, применения на практике методических приемов тренинга, выбора оптимальных способов организации субъект-субъектного взаимодействия.

Логика проведения диагностики. Диагностический этап формирующего эксперимента состоял в проведении (до и послетренинговых) опросов по стандартизированным методикам батареи: «Диагностика социально-психологической адаптации» К. Роджерса и Р. Даймонд, Методика диагностики самоактуализации личности (А. В. Лазукин в адаптации Н. Ф. Калиной) САМОАЛ, Цвето-ассоциативная методика А. М. Парачева (ЦАМ), Методика

диагностики уровня эмпатических способностей В. В. Бойко, Тест «Эмпатические способности», а также осуществлении экспертной оценки поведенческих показателей механизмов стилевой импровизации по авторской Методике процессуальной диагностики механизмов адаптации «С-ПА в Д-ТП». Проявление действия механизма самоактуализации исследовалось через следующие общие переменные и танцевальные показатели: взгляд на природу человека, креативность (стремление к творчеству), спонтанность, гибкость в общении и аутентичное движение, социальная креативность, тактильное доверие; механизма субкультурной идентификации: Я, Я житель города, Я гражданин страны и стилевое соответствие, ритмическая групповая активность, диадное взаимодействие; механизма эмоциональной сонастройки: рациональный канал эмпатии; эмоциональный канал эмпатии; интуитивный канал эмпатии и конгруэнтность, кинестетическая эмпатия, динамическая интуиция.

Основная задача методики процессуальной диагностики, через поведенческие Д-ТП-показатели социально-психологических механизмов адаптации, свойственных Д-ТП, проследить процесс изменений. Сопоставив эти результаты с результатами диагностики социально-психологических механизмов адаптации, свойственных Д-ТП, стандартизированными методиками, а также с результатами контрольной методики диагностики социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонд, мы сможем подтвердить влияние данных механизмов на социально-психологическую адаптацию добровольных мигрантов, а не только на успехи в Д-ТП.

Диагностика также призвана показать эффективность формирования, подтверждая действенность разработанной психотехнологии как средства С-ПА мигрантов, при этом оценивание эффективности Д-ТП в ходе и после открытой вечеринки повышает его достоверность.

Применение различных способов измерения (оценки) у методик (самооценочный – субъективный и экспертный - объективное внешнее оценивание) дало возможность повысить достоверность исследования.

Последовательность диагностики. Заполнение анкет происходило до тренинга и после финальной открытой вечеринки. Между двумя замерами прошло около 8-ми недель. Первоначальное анкетирование стандартизированными методиками проходило в следующей последовательности: С-ПА, Эмпатия, САМОАЛ, ЦАМ. Участники экспериментальной группы заполняли анкеты дома посредством интернета (за исключением ЦАМ), что являлось условием их льготного участия в тренинге. Респонденты из контрольной группы заполняли анкеты в той же последовательности, однако, в силу технических сложностей, в определенных случаях этот процесс происходил вручную. Замер после формирующего эксперимента в обеих группах проходил вручную в следующей последовательности: Эмпатия, САМОАЛ, ЦАМ, С-ПА. Таким образом, можно говорить о действии фактора рефлексии как полученного опыта взаимодействия, так и стимульного материала методик.

До-тренинговые результаты. С целью получения корректных выводов, подтверждающих проверяемую исследованием гипотезу, экспериментальная и контрольная группы были сформированы с условием максимального сходства по основным социально-демографическим характеристикам. Экспериментальная группа 60 человек, возрастом от 21 до 68 лет (средний возраст 36,2 лет) с паритетным гендерным представительством, состояла из добровольных мигрантов осуществивших переезд в новую страну менее 3-х лет назад. Контрольная группа 60 человек, возрастом от 21 до 66 лет (средний возраст 35,77 лет) с паритетным гендерным представительством, состояла из добровольных мигрантов осуществивших переезд в новую страну менее 3-х лет назад.

Сравнение результатов, полученных в ходе первого замера экспериментальной и контрольной групп по всем стандартизированным методикам, не показало существенных отличий.

Средний показатель по интеграционной шкале уровня адаптации отличался у экспериментальной и контрольной групп менее, чем на 0.09 % (рис. 3.1).

Максимальная разница средних показателей зафиксированна по шкалам: Самопринятие - 3,1 %, Интернальность – 2,8 %, Эмоциональный комфорт – 1,7 %

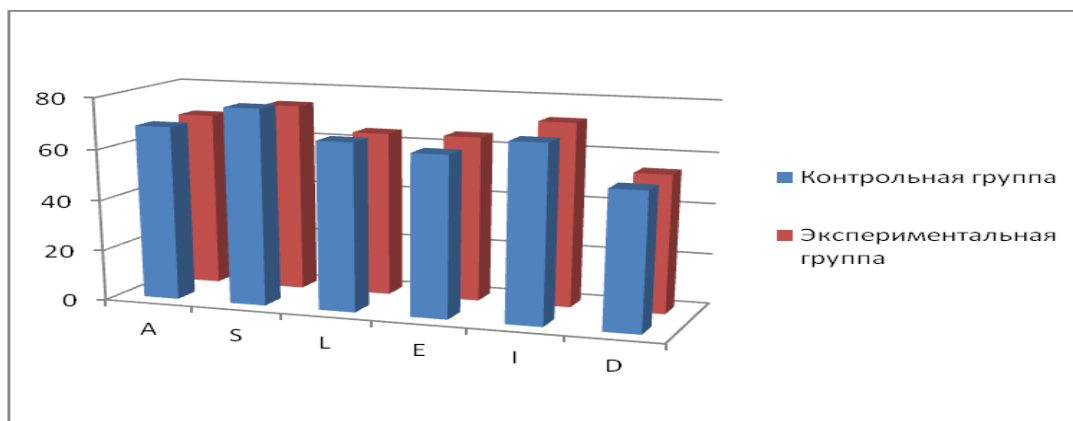

Рис. 3.1 Сравнение результатов оценки уровня адаптации в контрольной и экспериментальной группах (методика Роджерса и Даймонд)

3.1.2. Содержание и принципы создания тренинговой программы.

Теоретическая основа тренинга. Ю. С. Барышева утверждает, что комплексом направленных мер можно «максимально сгладить противоречия во взаимодействии принимающего населения и мигрантов, способствуя взаимной социокультурной адаптации и формированию взаимного уважения и принятия культурных различий», целенаправленно сконструировать «идентичность мегаполисного типа». «Идентичность данного типа рассматривается как культурное основание модели мультикультурализма» [16, с. 15 и 17].

По мнению Н. М. Лебедевой «Психологические процессы, лежащие в основе аккультурации мигрантов и принимающего населения, имеют сходный характер, что может быть положено в основу сходных психологических программ для обеих групп» [83, с. 47].

Выделяется четыре основных вида технологий подготовки к этнокультурному взаимодействию, способных облегчить процесс социально-психологической адаптации мигрантов: просвещение, ориентирование, инструктаж и тренинг (допускается возможность органического использования в интегративном тренинге преимуществ других названных технологий) [157]. При этом утверждается, что тренинг является наиболее эффективной формой оптимизации процесса социально-психологической адаптации, предоставляя сконцентрированную интенсивную возможность в получении личностного опыта

и тем самым облегчая развитие социальных навыков, качеств и установок человека за счет практического, ориентированного на непосредственное взаимодействие с членами других групп обучения, перемещения акцента с абстрактных на конкретные знания, выработки способности и готовности быстро без стресса изменять своё поведение в сложной новой обстановке [157]. Отмечается, что приобретение знаний выступает лишь служебным моментом по отношению к их применению при решении жизненной задачи [35, 157]. Социально-психологический тренинг (в западной литературе наибольшее распространение получил термин «тренинг социальных навыков») способствует повышению интерперсональной компетентности за счет интериоризации способностей, измененных установок личности и их «трансфера» - переноса из одной, уже решенной задачи, на другую (новую) [35]. Социально-психологический тренинг находится на пересечении таких основных сфер психологической практики, как психотерапия, психокоррекция и обучение, являясь вполне самостоятельным направлением (И. В. Вачков, С. Н. Мельник).

В тренинге социально-психологической адаптации мигрант выступает как субъект социальной практики. Необходимо отметить, что в педагогической и культурологической науках большое внимание уделяется разработке технологий и методик культурно-досуговой деятельности. В частности были апробированы технологии социальной адаптации (О. А. Кожемякиной), ресоциализации (О. Ю. Мацукевич) и социально-культурной интеграции (А. М. Григорьева, Д. В. Шамсутдинова) средствами культурно-досуговой деятельности. Д. В. Шамсутдинова и А. М. Григорьева отмечают, что реализация ресурсов досуга как средства социально-культурной интеграции предпочтительна через модель досуговой деятельности, основанной на идее взаимодополняемости процессов социализации, инкультурации и самореализации личности. В рамках такой модели успешная социально-культурная интеграция будет обеспечиваться условиями, способствующими включению человека в систему межличностных отношений и культуру общности и одновременно позволяющими

минимизировать личностные проблемы и реализовать собственную сущность в процессе совместной деятельности [180].

Отмечается научный интерес психологов, направленный на разработку и применение специфических технологий и методов социально-психологической адаптации, как то культурные ассимиляторы (атрибутивные тренинги освоения изоморфных атрибуций, т.е. атрибуций, характерных для культуры, с представителями которой индивиду предстоит взаимодействовать с использованием культурных ассимиляторов) [45, 65, 69, 157], социокультурные тренинги (межкультурные тренинги – Г. Триандис) [158], адаптационные тренинги, тренинги адаптивного поведения [101], социально-психологические тренинги развития адаптивных способностей личности (тренинги умений – [35]), (тренинги социальных навыков), социальный патронаж (социально-психологическое сопровождение – [65], тренинг социальной сензитивности [136, 143], тренинг толерантности [135], методика контактного взаимодействия Л. Б. Филонова и др.

При создании программы (технологии) социально психологической адаптации мигрантов средствами Д-ТП исследовались наработки практикующих психологов, использующих в своих тренингах различные виды танца, танцевально-двигательных и телесно-ориентированных методов (Е. В. Аксененко - в контексте исследования духовных аспектов личности в рамках танцевально-эйдетического тренинга, М. А. Баскакова, В. Ю. Большаков, И. В. Вачков, А. И. Гиршон, В. В. Козлов, Л. Р. Миникес, Л. В. Мова, В. Н. Никитин, Т. А. Шкурко и др.). Особое внимание уделялось интеграции таких психологических практик, как: социально-психологически ориентированная танцевальная психотерапия, экспрессивная терапия, танцевально-экспрессивный тренинг (ТЭТ) [189], танцевально-процессуальный тренинг [58], в основе которых лежали представления о танце как о невербальном общении, изучались его социально-психологические функции.

Выводы теоретического исследования позволяют говорить о Д-ТП как о сложном феномене, способствующем социально-психологической адаптации

мигрантов в мегаполисе. Возможно его условное деление на досугово-танцевальную среду - потенциальную с точки зрения реализации механизмов адаптации и Д-ТП-технологии, направленно активизирующую действие механизмов.

Досугово-танцевальная среда обладает потенциалом, благоприятствующим осуществлению межличностного взаимодействия в форме сотрудничества, облегчающим процесс адаптации, способствующим развитию у мигрантов личностных и социальных качеств и навыков интеграции в новое сообщество. Одним из доказательств действенности этой среды, по нашему мнению, является популярность досугово-танцевальных практик в периоды массовых миграций населения XX и начала XXI века.

Д-ТП-технология предназначена для интенсификации адаптивного потенциала досугово-танцевальной среды, обеспечения направленного кумулятивного эффекта воздействия механизмов на адаптацию.

При разработке технологии адаптации, с целью достижения ее максимальной эффективности, учитывались ключевые положения, отраженные в различных, известных науке, практических подходах, принципах и методах, применяемых к решению проблем С-ПА.

1. Выбор групповой (коллективной) формы, обусловленный наиболее концентрированным использованием социально-интеграционных и самореализационных ресурсов Д-ТП [44, 66, 143, 180]. Тренинговая группа Д-ТП – модель человеческой общности становится условием адаптации мигранта и одновременно средством его инкультурации и самореализации - в силу культурного содержания совместной активности, выстраивания системы обратной связи, личностной мотивации и максимального учета индивидуальности. Кроме того, тренинговая группа Д-ТП, стимулируя развитие индивидуальности, формирует способность к кооперации.

2. Использование метода нарративной терапии – «работа с внешними свидетелями», стимулирующего позитивный партнерский обмен эмоциями и навыками эффективного общения, способствующего анализу «свидетелями»

собственных двигательных паттернов и, согласно теории социального научения, корректировка их.

3. Применение принципа активности, заключающегося в самоисследовании, реальном привлечении каждого участника к работе.

4. Принцип интенсивности, предполагающий организацию работы в группе таким образом, чтобы каждый момент мог стать источником нового опыта, когда даже паузы несут в себе возможность интенсивного социального обучения и переживания.

5. Принцип «осознание проблем», позволяющий использовать преимущества досуговых практик в сфере социального научения, предотвращая соблазн исключительно праздного, релаксационного времяпрепровождения. В результате осмысления и осознания, произошедших во время тренинга процессов, происходит интериоризация – формирование внутренних структур человеческой психики посредством усвоения внешней социальной деятельности, присвоения жизненного опыта, становления психических функций и развития в целом.

6. Использование интегративно-развивающего подхода, основная функция которого заключается в том, чтобы процесс освоения навыков взаимодействия формировал готовность к постоянному саморазвитию, способствовал самореализации личности мигрантов, способствовал органичному переносу тренингового опыта на повседневную жизнь, в другие социальные окружения [92].

7. Использование принципа «актуальности» – «здесь-и-сейчас», в контексте особенностей танцевального взаимодействия.

8. Планирование направленности терапевтического эффекта воздействия механизмов стилевой импровизации, во избежание самопроизвольно возникающих изменений в противовес специально индуцированным, с целью пропорционального формирования и развития адаптивных способностей [42, 66, 110, 180].

9. Использование групповых социально-психологических эффектов, в т.ч. эффекта эмоционального возбуждения и заражения, групповых феноменов

внушения в форме гетеро- и ауто-суггестии, приводящих к некритическому усвоению определенных убеждений, суждений, чувств [35].

10. Применение принципа эмоциональности в ходе социального обучения, предполагающего концентрацию внимания на эмоциональных состояниях своих и партнеров, исследование собственных эмоций и обмен ими в естественных и специально сконструированных социальных ситуациях.

11. Использование приема телесно ориентированной и танцевально-двигательной психотерапии, способствующего работе с «мышечным панцирем», осознанию собственной ригидности - преувеличение привычных паттернов движений [137].

12. Применение принципа антиинтеллектуальности (антиинтеллектуальность позиции Перлза) – «забудь о своём уме и доверься чувствам», заключающегося в оптимальном смещении равновесия от чрезмерного преувеличения роли сознания к возвращению значения роли телесных ощущений и чувств, не предусматривающее, однако, недооценивание роли интеллекта. Установление, углубление связей в системе «тело-сознание» с целью осмысления и интеграции опыта взаимодействия (рефлексия).

13. Применение принципа ритмодвигательной терапии - ритмической координации, как условия достижения социальной интеракции [92]. В ритмодвигательной терапии, благодаря выражению чувств через движения тела под общий ритм, происходит установление более глубокого уровня общения.

14. Преимущественное использование поведенческого подхода ТДТ, заключающегося в модификации поведения клиентов с целью приобретения навыков и умений по отношению к психодинамическому подходу ТДТ, использующему свободные ассоциации в движении с целью отражения внутренних процессов.

15. Использование приемов, лишаящих одну из сторон экспертного преимущества с целью достижения паритетности субъект-субъектного взаимодействия. Во первых, для мигрантов, зачастую испытывающих трудности с вербальным общением (слабый уровень владения языком), содействие в

оптимальной адаптации осуществлялось с использованием ролевой игры с элементами драматизации, арт-терапии, т.е. методов, основанных на действии. Во вторых, учитывая, что наличие акцента создает образ некомпетентности человека [113], а его отсутствием, согласно существующим исследованиям в области фонетики, могут «похвастаться» фактически исключительно мигранты, попавшие в иную языковую среду в возрасте до 12-ти лет [228], проблема произношения (в дополнение к проблеме владения) обуславливает выбор стратегии межкультурного взаимодействия [17], подталкивает к использованию преимуществ аутентичности говора. Инкорпорация в культуру посредством овладения речеповеденческими стратегиями потенциальных инофонных партнеров, подражание их коммуникативному поведению, является маскировкой под носителя иной культуры и не всегда способствует ведению равностатусного диалога с равноправными партнерами, обеспечивая объективные и субъективные приоритеты естественным носителям языка [17]. Досуговые формы взаимодействия вообще, и танцевальные в частности (за счет использования преимуществ аутентичного речевого произношения, формы самопрезентации, поведения и т.д.), ориентированы на равностатусность [157], т.к. предназначены компенсировать потери мигранта в процессе адаптации, сопоставляя их с приобретениями (родственные связи, знакомства, статус и т.п.). Овладение танцевальным видом взаимодействия, основанном на универсальном языке общения, способствует выравниванию статусов участников взаимодействия, обеспечивает актуализацию действия механизмов адаптации.

16. Применение тренинговых методик реализации различных стратегий взаимодействия от манипулятивных до паритетных. Человека, использующего манипуляции невозможно переубедить в большей эффективности равностатусного диалога, во-первых, по причине не действия на него доводов этико-морального характера, а во-вторых - неумения и нежелания менять, приносящую успех жизненную стратегию поведения (ригидность). Техники Д-ТП, в игровой форме, способствуют практическому ознакомлению со

всевозможными стратегиями взаимодействия, выбору наиболее эффективных из них и противодействию деструктивным.

17. Применение методик идентификации с кем-то, техник «вживания в образ», как мощный процесс освоения социальных норм и культурных традиций.

18. Учитывая стрессогенность новой социокультурной среды мегаполиса, использование метода интерперсональной психотерапии, направленного, прежде всего, на изменение межличностного контекста депрессивной симптоматики мигранта путем исследования актуальных межличностных контактов, связей и их характера [35], а также на приобретение опыта разрешения таких ситуаций, которые метафорически напоминают его реальные проблемные ситуации [62, 165, 205].

При создании танцевального тренинга повышения адаптационного потенциала мигрантов учитывалось, что досуг зачастую выполняет иллюзорно-компенсаторную функцию (функцию приюта), содержание которой заключается в попытках самоутверждения в асоциальных формах досуговой сферы [180], когда аффилиативные отношения с партнерами нередко заменяются «ритуальными» действиями, подменяющими собой коммуникативный процесс и отдаляющими мигранта от социально-психологической адаптации к новым условиям жизнедеятельности, путем маргинализации внутри отдельной субкультуры.

Формой проведения формирующего эксперимента выбран тренинг, целью которого является доказать причинно-следственную связь влияния танцев на адаптацию, адаптивного потенциала досугово-танцевальной среды, который аккумулируется в тренинге.

Социально-психологический танцевальный тренинг повышения адаптационного потенциала мигрантов по форме социально-психологический тренинг, основывался на концептуальной модели стилевого импровизационного взаимодействия как средства адаптации мигрантов. Это обусловило подбор упражнений и практических заданий на развитие соответствующих адаптивных способностей путем организации стилево-импровизационного танцевального взаимодействия, главным образом в парных и парно-групповых социальных

(бытовых) танцах, обеспечивающего бесконфликтную реализацию аутентичной жизненной стратегии в рамках танцевального (как аллегория жизненного) стиля; использования принципов ведения-следования с освоением преимуществ лидерской (доминирующей) и ведомой позиций; применения хореографических форм отработки моделей социальной интеракции и др.

Цель тренинга – использование особых досугово-танцевальных методов воздействия для формирования и развития поведенческих навыков, умений, личностных способностей, содержательных характеристик социальной идентичности, необходимых для успешной социально-психологической адаптации мигрантов в инокультурной среде.

Задачи тренинга определялись в соответствии с характером функционирования механизмов стилевой импровизации (МСИ, МСА, МЭС).

1. Актуализация системы отношений в тренинговой группе, практическая реализация социального взаимодействия. Совершенствование социальной жизнедеятельности мигрантов и местных жителей через познание друг друга, формирование нового позитивного опыта человеческих отношений, развитие умений и навыков взаимопонимания, мотивацию к сотрудничеству, умению выстраивать гармоничные паритетные отношения. Выработка умений принимать социальные нормы чужой культуры. Отработка новых поведенческих паттернов (построение программы развития двигательного поведения) мигрантов в соответствии с доминирующими социальными нормами через соблюдение требований танцевального стиля. Формирование новой позитивной идентичности, адекватной изменившимся социально-культурным условиям жизни;

2. Вовлечение мигрантов в процесс самоактуализации и личностного роста путем развития способностей к аутентичному самовыражению, самораскрытию, проявлению спонтанности, стремлению к творчеству, гибкости в общении, использованию творческих, импровизационных, нестереотипных, субъектно-ориентированных способов межличностного взаимодействия;

3. Расширение сферы осознания и принятие мигрантами собственного тела, индивидуального двигательного репертуара, их особенностей и возможностей,

формирование положительного образа «Я». Приобретение эмоционального опыта взаимодействия с другими людьми и с самим собой, эмпатийности. Преодоление тревожности, нейтрализации комплекса отчужденности, эмоциональное раскрепощение. Освоение невербальных способов коммуникации, основанных на точном и адекватном восприятии и интуиции. Использование максимальной широты возможностей для установления продуктивных межличностных взаимоотношений в новом социальном окружении. Конструктивный подход к переоценке собственных установок, стереотипов, мотивов, поступков, эмоциональных реакций.

Разработанный социально-психологический танцевальный тренинг, через решение поставленных задач, способствует самопознанию, повышению самооценки мигрантов, развитию умения быть приятным в общении, установлению новых социальных связей, социальной мобильности, лучшему пониманию социальных ситуаций и отношений, включая особенности межличностного общения, а также умению справляться со стрессовыми ситуациями, депрессивными симптомами, сопровождающими период социально-психологической адаптации к инокультурной среде. Таким образом, тренинг позволяет реализовать социально-адаптационный и рекреативный потенциал досуговой деятельности.

Для достижения поставленных целей предполагается использование следующих танцевальных приемов и методов (методических приемов), призванных обеспечить синергетический эффект оптимального интеграционного воздействия механизмов:

1) индивидуальный спонтанный танец (аутентичное движение) - отражение уникальной манеры исполнителя, работа с «мышечным панцирем»;

2) «ритмическая синхронизация» (Б. Микумс) – стимуляция вхождения в состояние транса (измененное состояние сознания, при котором прекращается критическое восприятие информации и снижается способность последовательно анализировать и осмысливать), характеризующегося подключением подсознательной ритмической организации движений, способствующей гибкости

для личностных изменений при приспособлении к новой жизненной реальности, а также овладение прогностическими способностями;

3) диадный партнерский танец (стили: сальса, вальс, свинг, танго) - опыт скоординированного взаимодействия с разными, с точки зрения темпераментных и характерологических свойств людьми, возможность изучения характерных для них паттернов близких эмоциональных отношений, запуск разнообразных видов обратной связи, обеспечивающих полноценность общения [92, 188];

4) двойной партнерский танец (стили: руета, вальс, свинг) - отработка умений делиться компетенцией;

5) парно-групповой танец, включая руету – корректировка баланса межличностных отношений, близкого и далекого круга общения, а также опыт множественного взаимодействия с другими и многократного отражения себя в других людях;

6) групповой стандартизированный танец, включая круговой («ритмическая групповая активность» (М. Чейс) и «групповая хореография») - опыт чувства принадлежности, сопричастности, общности, солидарности, в т.ч. через подчинение индивидуального темпоритма групповому, создание определенной атмосферы, стимулирования чувств и отношений, для строительства сильных невербальных связей между участниками [92], снятие напряжения, тревожности, страха и неуверенности [139];

6) контактная импровизация – умение соотносить собственный баланс с балансом партнера по взаимодействию при непосредственном тактильном контакте, экспериментирование с движением и прикосновением;

7) кинестетическая эмпатия (эмпатическое принятие партнера путем отзеркаливания его движений) - опыт «соприкосновения» с личностью другого через экспрессию;

8) целенаправленный выбор музыки - усиление эффекта телесных ощущений и связанных с ними переживаний, удовлетворение потребности в переживании определенных эмоциональных состояний, стимулирования и поддержания свободной импровизации и межличностного взаимодействия [230];

9) целенаправленный выбор темы танцевального взаимодействия – отработка ситуаций и моделей взаимодействия в различных характерных контекстах;

10) открытая вечеринка, подразумевающая присутствие, наряду с привычными партнерами по взаимодействию, новых участников и зрителей – применение навыков взаимодействия к незнакомым ранее людям, готовность функционировать в измененных социальных условиях, эффект выступления (демонстрации умений) перед публикой, способствующий развитию уверенности.

Таким образом, тренинг проводился не только с целью подтверждения эффективности методики С-ПА мигрантов (и достижения конечного результата – адаптации), но и для фиксации действия выделенных механизмов стилевой импровизации. В связи с этим применяемые в тренинге методы и методики подбирались под концептуальную модель адаптационного потенциала стилево-импровизационного взаимодействия как средства адаптации мигрантов. Кроме того, актуальна необходимость разработки специализированного диагностического инструментария измерения поведенческих показателей механизмов адаптации в Д-ТП.

3.2. Процессуальная диагностика поведенческих показателей механизмов стилево-импровизационного взаимодействия в досугово-танцевальных практиках.

В параграфе представлены описание методики процессуальной диагностики поведенческих показателей механизмов стилевой импровизации (методика «С-ПА Д-ТП»), собственно эмпирические исследования влияния танцевального тренинга через активизацию стилево-импровизационного социального взаимодействия на динамику изменений поведенческих характеристик механизмов и формирования более высокого уровня адаптированности мигрантов.

3.2.1. Экспертная оценка поведенческих показателей механизмов стилевой импровизации. Необходимость создания авторской методики экспертной оценки вызвана невозможностью напрямую экстраполировать эмпирические методики из музыкальных, изобразительных и других видов творчества на практику хореографического искусства.

Назначение. Методика «С-ПА Д-ТП» (по типу метода - экспертная оценка) влияния Д-ТП на социально-психологическую адаптацию предназначена для оценки действия специфических для Д-ТП механизмов адаптации: эмоциональная сонастройка, субкультурная идентификация и самоактуализация, через поведенческие показатели, а также демонстрации направления причинно-следственных связей от поведенческих паттернов к личностным способностям.

Для успешной социально-психологической адаптации акцентирование усилий на вербальной стороне контакта является недостаточным, вызывает недоверие ввиду отсутствия телесной синхронизации с доминирующим стилем поведения в инокультурной социальной среде. Овладение такими, безусловно, важными для интеграции критериями адаптированности как язык, речевые особенности произношения, понимание тонкостей менталитета, способностями к эмпатии, творческому взаимодействию и т.п. происходит значительно легче при условии одновременной телесно-двигательной сонастройки и овладении преобладающим стилем поведения в доброжелательной досуговой атмосфере, посредством раскрепощения ментальных зажимов через телесные. Д-ТП является дополнительным архиважным средством адаптации, благодаря обучению особенностям стилевых поведенческих паттернов во взаимосвязи с усвоением важных адаптивных способностей эмпатии, креативности, стремлении к творчеству, гибкости в общении и положительно влияет на изменение содержательных характеристик социальной идентичности мигрантов. Таким образом, выделенные механизмы адаптации направлены на изменение, как личностных характеристик мигранта, так и поведенческих паттернов и операционализируются в соответствующих показателях.

Модель системной социальной адаптации А. А. Реан называет также моделью развития, подразумевая под этим адаптацию, как по внешнему, так и по внутреннему критерию – построение новой, более совершенной системы взаимодействия со средой и самореализацию для индивида в продуктивной творческой деятельности [138]. Под внешним критерием А. А. Реан понимает соответствие реального поведения личности установкам общества, требованиям среды, принятым в социуме правилам и критериям нормативного поведения, который проявляется через уровень деятельности, в том числе и совместной, и уровень общения, под внутренним – потребность, выраженность стремления к самоактуализации, деятельной активности по реализации внутриличностного потенциала, что связывается с психоэмоциональной стабильностью, личностной комфортностью, состоянием удовлетворенности, отсутствием дистресса, ощущения угрозы и т.п. [138]. Таким образом, параметры внутреннего и внешнего критериев измеряются как созданной батареей стандартизированных методик, так и методикой «С-ПА Д-ТП».

При этом, определяя результат процесса социально-психологической адаптации мигрантов, как установление оптимального межличностного взаимодействия на эмоционально-доверительной основе с членами территориальной общины, через взаимодействие в танцевальной (партнерской) диаде и в локальном танцевальном сообществе, видится целиком оправданным использование методики «С-ПА Д-ТП», в качестве тестовой методики адаптации, тем самым обозначается ее дополнительная валидность. Иными словами, в качестве дополнительного продукта, мы получаем практическую методику, которая способна помочь мигрантам адаптироваться посредством Д-ТП.

Таким образом, нами были отобраны методики, характеризующие *различные аспекты социально-психологической адаптации: уровень адаптированности в настоящий момент* (социально-психологический аспект): Диагностика социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонд и Диагностика самоактуализации личности (А. В. Лазукин в адаптации Н. Ф. Калина); *состояние адаптированности (определение социальной*

принадлежности): Цвето-ассоциативная методика А. М. Парачева (ЦАМ); *адаптивный потенциал личности*: Диагностика самоактуализации личности (САМОАЛ), А. В. Лазукин в адаптации Н. Ф. Калина и Методика диагностики уровня эмпатических способностей В. В. Бойко; *действие механизмов адаптации*: отдельные шкалы из вышеперечисленных методик и Авторская методика процессуальной диагностики «С-ПА Д-ТП» (экспертной оценки) поведенческих механизмов стилево-импровизационного социального взаимодействия.

При подготовке методики «С-ПА Д-ТП» были использованы методы и методики экспертных оценок, применяемые в экспериментальной психологии, а также термины понятийного аппарата ТДТ. Используются в частности: Структуры тестов «распознавания поведения» и креативного социального интеллекта Структурной модели интеллекта Дж. Гилфорда и его последователей (методы измерения двух разных аспектов социального интеллекта: - познавательного (способности понимать поведение других людей) и - поведенческого (способности «справляться» (coping) с поведением других людей) [19], Методика «Диагностика уровня развития способности к адекватной интерпретации невербального поведения» В. А. Лабунской [78], Концепция Теста вербальной креативности (Тест отдаленных ассоциаций) (РАТ) С. Медника, взрослый вариант методики адаптированный А. Н. Ворониным, Таблица эмоциональных проявлений по П. Экману (Мимические признаки различных эмоций).

При этом мы отмечаем, что ни социальный интеллект, ни социальная компетентность (часто объединяемые в зарубежных работах) не описывают действие только одного из механизмов, поэтому выделяя одну из его основных функций - социальную перцепцию (обеспечивает адекватность - правильную оценку ситуации, принятие верных решений с учетом ситуации) – соотносим с МЭС и эмпатией, при этом вторую функцию - творческое субъект-субъектное взаимодействие (творческий аспект как способность открывать новое), импровизация (обеспечивает эффективность) - соотносим с МСА.

Социально-психологические механизмы адаптации проявляются в поведенческих Д-ТП-показателях, являющихся критериями адаптированности личности и отражающими изменения главным образом на эмоциональном (удовлетворенность от межличностного взаимодействия) и поведенческом (достижения в области Д-ТП и общении, социальной активности в рамках субкультуры) уровнях личностной сферы. В тоже время процессуальный замер позволит проанализировать характер действия механизмов. Можно отследить изменения, происходящие в личности на эмоциональном и поведенческом уровнях: эмоциональный компонент описывает общее эмоциональное состояние человека и его отношение к изменившейся ситуации, в то время как на поведенческом уровне рассматривается активность индивида, направленная на преобразование ситуации. «При этом активность может выражаться в виде внешнего поведения, а может выступать в форме внутренней активности, направленной на преобразование собственной личности» [98, с. 39].

Операционализация механизмов стилевой импровизации (механизмов адаптации, присущих Д-ТП) в поведенческих показателях.

Механизм эмоциональной сонастройки (МЭС): Конгруэнтность, Кинестетическая эмпатия, Динамическая интуиция;

Механизм субкультурной идентификации (МСИ): Стилевое соответствие, Ритмическая групповая активность, Диадное взаимодействие;

Механизм самоактуализации (МСА): Аутентичное движение, Социальная креативность, Тактильное доверие.

Данные поведенческие показатели проявляются в следующих пунктах:

Конгруэнтность (МЭС)

- ощущение баланса собственного тела, соотнесение с балансом партнера, контроль устойчивости-равновесия (физического и эмоционального), отсутствие необходимости в опоре, в т.ч. визуальной;

- контроль инерции движения и эмоционального шлейфа;

- определение, принятие и управление собственным эмоциональным состоянием;

- визуальное принятие партнера, установка контакта;
- техника шагов и поворотов, координация движений.

Кинестетическая эмпатия (МЭС) (термин Мэрион Чейз)

- чувствительность (физическая и эмоциональная), эмоциональная поддержка;
- выравнивание эмоционального фона в паре и в группе, ощущение групповой атмосферы, ожиданий;
- телесная подстройка, «отзеркаливание», двигательная и поведенческая сонастройка на партнера и присутствующих;
- распознавание экспрессивного поведения, в частности, лицевой экспрессии, поз, жестов, характера движения;
- способность к адекватной идентификации, пониманию различных форм невербального поведения и взаимодействия;
- способность к кодированию невербального выражения эмоций;
- гармоничное движение в унисон в паре.

Динамическая интуиция (МЭС) (термин из соционики)

- «познание поведения» как способность судить о людях, в отношении их чувств, мотивов, мыслей, намерений, установок и других психологических диспозиций, которая может влиять на социальное поведение индивида, в противовес способности стереотипного понимания людей в целом;
- «здесь и сейчас», актуальная открытость неизвестным процессам (бесконечному многообразию вариантов выражения и творчества), в противовес сопротивлению;
- музыкальность, в т.ч. способность трактовать музыку, предугадывать ее ход;
- способность предсказать множество возможных исходов ситуации;
- предугадывание движений партнера по взаимодействию.

Стилевое соответствие (МСИ)

- стилевая самопрезентация, отраженная во внешнем виде (одежда, прическа, элементы туалета) и манерах поведения вне танца;

- телесное подражание стилю (постановка корпуса, соблюдение формы и содержания образа), статические и динамические стереотипы;
- соблюдение границ стиля во время танца;
- копирование движений авторитетных танцоров;
- конвергентное поведение как способность «всё делать к месту», действие в соответствии с правилами и нормами поведения.

Ритмическая групповая активность (МСИ) (термин Мэрион Чейз)

- ритмично-музыкальный компонент танцевального взаимодействия: способность слышать ритм и двигаться в такт музыки, синхронизация ритмов (тела - внутренний ритм, дыхания, музыки), сонастройка на дыхание, ритм пары, размеренность шагов, распознавание характера музыки;
- гармония внутридиадного взаимодействия, расстановка приоритетов: музыка как аллегория социума, партнер как референтный круг общения;
- групповая сплоченность: гармоничное движение в унисон в паре и группе во время исполнения групповой хореографии, взаимодействие с другими парами на танцполе;
- диадно-субкультурное взаимодействие: взаимодействие в рамках танцевального сообщества как стимулирующего фактора (перенос опыта с танцпола в «тусовку»);
- навигация во время танца: ориентация в танцевальном пространстве, характер перемещений по залу.

Диадное взаимодействие (МСИ)

- субъект-субъектное партнерское взаимодействие (неманипулятивное), сотрудничество (взаимность) в соотношении с манипулятивным субъект-объектным взаимодействием (подавлением), через ролевые механизмы ведения-следования;
- прием и передача ответственности за происходящее в паре;
- самовыражение в ущерб паре (за счет пары) в соотношении с ориентировкой на гармоничность пары;
- обоюдная активность ведущего и ведомого (взаимный источник энергии);

- конвергентность взаимного творчества: танец «по вариациям» (схемы, па) в соотношении с импровизационным танцем, включающим собственные па (другая сторона социальной креативности);

- упрощение (избегание возможных ошибок) в соотношении с усложнением танца (богатством и разнообразием используемых па) (другая сторона социальной креативности).

Аутентичное движение (МСА)

- стихийное проявление чувств, настроения, эмоций;

- спонтанность самовыражения («я двигаюсь» / «мною движет»), свобода движения (выразительность и пластичность);

- естественность движений в соответствии с физическими (гравитация) законами и телесными особенностями;

- способность порождать поведенческие акты, передающие внутренние ментальные состояния (разрабатывать новые танцевальные движения и сюжеты);

- выражение образа в эмоциональных состояниях (веселья, грусти, страсти и т.д.);

- способность изменить экспрессию или последовательность в экспрессивном поведении.

Социальная креативность (МСА)

- способность к нешаблонному импровизационному танцевальному взаимодействию, отказ от исключительного использования привычных двигательных и танцевальных паттернов;

- способность создавать распознаваемые категории поведенческих актов, определять особенности танцевальных стилей, умение самостоятельно находить нужные движения и исполнять их в соответствующем стилю характере, импровизировать на заданную музыку;

- способность самостоятельно видоизменять, группировать фигуры и составлять свои вариации;

- способность установить последовательность взаимодействий с другим человеком;

- способность к регуляции взаимоотношений в различных социальных контекстах;

- способность к гибкой организации новых форм паритетного социального взаимодействия, умение сочетать стилевые принципы с аутентичными особенностями движения;

- способность к созданию своего стиля, стиля пары;

- дивергентность поведения: способность нестандартно решать обычные проблемы, ориентации на поиск нескольких вариантов решения;

- мобильность поведения как способность к быстрой смене стратегии или тактики с учетом складывающихся обстоятельств.

Тактильное доверие (МСА)

- свободная смена партнеров по взаимодействию, отсутствие социальной ригидности, тактильное принятие, доброжелательность, чуткость и внимательное отношение к партнерам;

- прием партнерских условий взаимодействия на телесном уровне;

- способность осуществить акт поведения, учитывающий поведение другого человека;

- внимательность, постоянная включенность в процесс;

- доверие в паре (позволение движения без личного волевого участия);

- тактильный контакт на интимно-личностной дистанции: объятия (функциональность и сензитивность), расстояние между партнерами, характер прикосновений, ощущение присутствия («контра»);

- немедленная тактильная обратная связь о качестве взаимодействия (чувствительность): корректировка поведения через восприятие обратной связи от партнера («лакмусовая бумага») в сопоставлении с отсутствием коррекции («подыгрываем» партнеру, угадыванием).

Инструкция проведения. Для изучения коммуникативных навыков и поведенческих паттернов использовался метод наблюдения. Прогресс участников отмечался в карточках наблюдения, а затем данные переносились в журнал наблюдений. Фиксировались реакции на выполнения упражнений в виде

диапазона эмоциональных состояний, внешних проявлений расслабленности (улыбки, тон разговора, взгляды, мимика), характера (телесного отражения) отдельных движений, а также хореографических связок, ориентации в танцевальном пространстве, слаженности, чувства ритма, баланса и т.д. Выставлялась оценка по 6-ти бальной шкале, привычной для судей спортивных бальных танцев, которая соотносилась с предыдущей оценкой и отметками динамики изменений.

Эксперты. Было принято решение не использовать субъективные оценки испытуемых и не применять «индекса селективного процесса», как у С. Медника с целью четкого разделения диагностических методов: стандартизированные методики – субъективное тестирование, поведенческая методика – экспертное.

Экспертами являлись 5 привлеченных к тренингу профессиональных танцевальных судей и преподавателей социальных парных танцев (2 мужчины и 3 женщины), разбирающихся не только в принципах судейства, но и способных отследить прогресс участника, каждый из которых оценивал все поле. Дополнительно были проведены инструктажи и обучение по ознакомлению с целями и методами проведения формирующего эксперимента, особенностям экспертного оценивания интересующих нас поведенческих паттернов, которые включали в себя тестовые замеры, показывающие понимание экспертами поставленных перед ними задач, различение показателей, и отбивку «нуля» для каждого из участников (условно разбитых на две группы в зависимости от предыдущего танцевального опыта или умений (background): «чистый лист», «опытный танцор»). Также в ходе тестового замера проводилась «калибровка» оценок экспертов, их степени сходства (сопоставимости и согласованности в баллах).

Оценивание по каждому показателю складывалось из оценок соответствующих пунктов. Во время проведения экспертной оценки, эксперты четырежды оценивали респондентов, анализируя информацию, полученную, как путем наблюдения, так и путем непосредственного контакта с каждым участником во время обучающего и закрепляющего блоков занятия, в

особенности для анализа механизма обратной связи. Ввиду деления тренинга на различные блоки, основными из которых были обучающий и непосредственно тренинговый (практика), эксперты получали возможность оценивать различные показатели дважды, а с учетом выполнения различных упражнений – трижды-четырежды, что, безусловно, повышало качество оценки. При исполнении танцев оценивались, как более, так и менее удачные взаимодействия с различными партнерами. Отдельный показатель фиксировал партнерские предпочтения - широту охвата (круг взаимодействия).

Экспертное оценивание происходило на 1-ом, 11-ом, 21-ом уроке и во время открытой вечеринки, завершающей тренинг. В результате апробации методики выделены особенности применения для до-тренинговой оценки поведенческих показателей. Особенности состояли в следующем: первый замер, после обсуждения в экспертном сообществе, было принято оценивать следующим образом: «0» – если нет вообще никакого понимания о парном взаимодействии и тело некоординировано и очень зажато; «1» - если есть природное понимание принципов взаимодействия; «2» если есть экстраординарные телесные ощущения и понимание основ взаимодействия; «3» - максимальная первая оценка, означающая наличие существенного позитивного опыта танцевального взаимодействия или природную одаренность. Организация танцевального взаимодействия в формате вечеринки, открытой для других танцоров и зрителей, явилось не только оригинальным тренинговым методическим приемом, но также создало условия для проведения заключительного диагностического оценивания в условиях, позволяющих судить об эффективности примененной модели тренинга/учебного процесса.

Таким образом, разработанная методика достаточно чувствительна к изменениям и позволяет оценивать поведенческие показатели в их динамике.

3.2.2. Динамика изменений поведенческих показателей в ходе тренинга.

В ходе формирующего этапа (Д-ТП тренинг) возможно проследить динамику изменения зависимых переменных первого и второго порядка: уровня социально-психологической адаптации мигрантов, а также адаптивных способностей и содержательных характеристик социальной идентичности.

Соотнесение общих переменных и танцевальных показателей по всем трем механизмам стилевой импровизации. Социально-психологические механизмы адаптации в Д-ТП (механизмы стилевой импровизации) проявляются через адаптивные способности и содержательные характеристики социальной идентичности в переменных стандартизированных методик и в поведенческих Д-ТП-показателях, являющихся критериями адаптированности личности и отражающими изменения на поведенческом уровне. Механизм ЭС проявляется в адаптивных способностях через Рациональный, Эмоциональный и Интуитивный каналы эмпатии. Механизм СА проявляется в переменных: Взгляд на природу человека, Креативность (стремление к творчеству), Спонтанность, Гибкость в общении. Механизм СИ характеризуется качественным изменением содержательных характеристик социальной идентичности. Кроме того каждый из этих механизмов получил измеритель - поведенческий показатель. Создана система поведенческих показателей механизмов адаптации в Д-ТП, условные названия которых преимущественно соответствует понятийному аппарату ТДТ: МЭС: Конгруэнтность, Кинестетическая эмпатия, Динамическая интуиция; МСИ: Стилевое соответствие, Ритмическая групповая активность, Диадное (ролевое) взаимодействие; МСА: Аутентичное движение, Социальная креативность, Тактильное доверие.

В ходе диагностико-тренингового подэтапа осуществлена экспертная оценка механизмов адаптации по авторской методике процессуальной диагностики поведенческих показателей «С-ПА в Д-ТП» в экспериментальной группе. Данная методика позволяет зафиксировать процесс изменений поведенческой составляющей механизмов.

Выборка экспериментальной группы составила 60 добровольных

мигрантов, возрастом от 21 до 68 лет (средний возраст 36,2 года), осуществивших переезд в новую страну менее 3-х лет назад, с паритетным гендерным представительством.

Для сравнения данных и определения статистически значимых различий в проявлении каждого механизма до и после эксперимента мы воспользовались t -критерием Стьюдента для парных выборок. Сравнение результатов замеров поведенческих показателей представлено по каждому из выделенных механизмов (см. рис. 3.2, 3.3, 3.4).

Первый замер позволил определить уровень развития у мигрантов поведенческих паттернов, способствующих С-ПА, а также зависимость их развитости от предыдущего опыта занятий танцами. Анализ полученных результатов показал, что, несмотря на наличие у 17 участников эксперимента (28.3%) определенного опыта занятий бальными, фольклорными и современными танцами, только 4 мигранта (6,7%), по мнению экспертов, обладали поведенческими способностями к адаптации на максимально высоком уровне, согласно методике «С-ПА Д-ТП».

Анализ результатов проводился по первой и последней оценке ввиду отсутствия необходимости отслеживать процесс адаптации в ходе тренинга (по формированию только поведенческих навыков, т.к. с личностными параметрами мы не сравнивали). Кроме того, последняя оценка показала некоторый спад по сравнению с предпоследней, но была более информативной ввиду проведения ее в ходе открытой вечеринки (подтверждение используемых навыков в малознакомой обстановке).

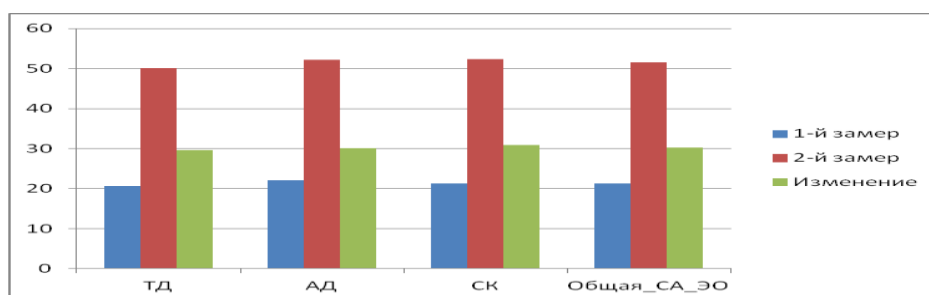

Рис. 3.2. Результаты до и посттренинговых замеров поведенческих показателей механизма самоактуализации

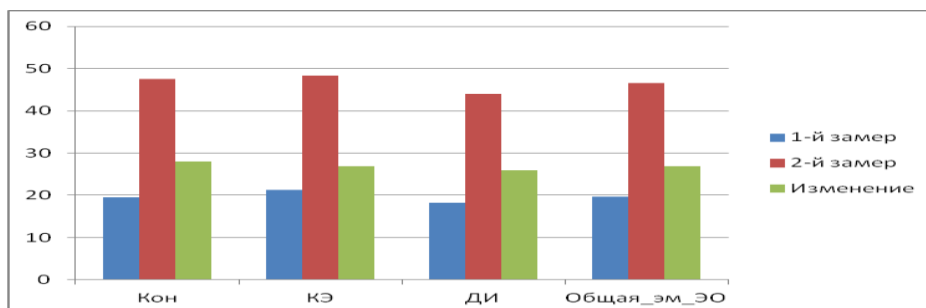

Рис. 3.3 Результаты до и посттренинговых замеров поведенческих показателей механизма эмоциональной сонастройки

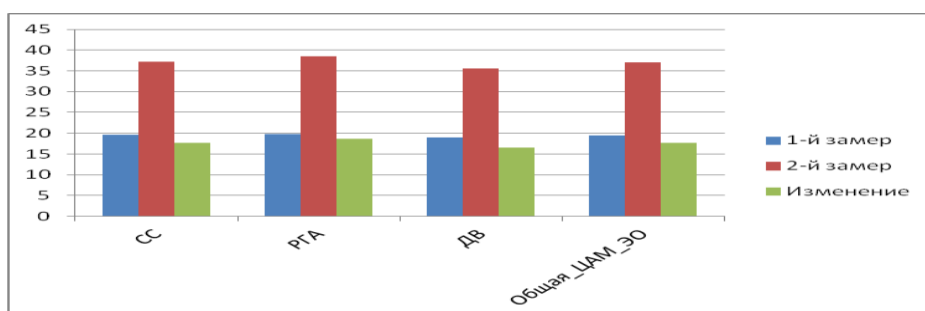

Рис. 3.4 Результаты до и посттренинговых замеров поведенческих показателей механизма субкультурной идентификации

Последний замер, проведенный во время открытой вечеринки доказывает, что положительная динамика, возникшая в результате участия в тренинге продуктивна и не ограничивается применением внутри закрытой тренинговой группы.

Наиболее подходящий критерий сравнения тест Стьюдента для парных выборок показал статистически значимые различия ($p < 0,001$) в экспертных оценках поведенческих показателей по всем трем механизмам.

Таким образом, социально-психологический тренинг активизации стилево-импровизационного социального взаимодействия повлиял на развитие поведенческих паттернов, отражающих действие механизмов адаптации, присущих Д-ТП. Однако только после получения результатов по методике «Диагностика социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонд» стало возможным заявить об успехе формирующего воздействия и верификации концептуальной модели.

Таким образом, данная методика позволяет исследовать процесс

адаптации, который фиксируется через изменение поведенческих показателей механизмов.

3.3. Результаты формирующего эксперимента по развитию адаптивных способностей мигрантов средствами досугово-танцевальных практик.

Выборка экспериментальной и контрольной групп составила 120 добровольных мигрантов (по 60 человек каждая), возрастом от 21 до 68 лет (средний возраст 35,98 лет), осуществивших переезд в новую страну менее 3-х лет назад, с паритетным гендерным представительством.

3.3.1. Динамика интегральных личностных показателей уровня и механизмов социально-психологической адаптации участников тренинга. Внутренняя валидность в нашем эксперименте обеспечивалась благодаря организации межгруппового сравнения. Согласно классификации независимых переменных, предложенной Д. Кэмпбеллом [77], создание и выполнение специальных задач можно отнести к управляемым переменным.

Для сравнения данных и определения статистически значимых различий по уровню адаптации и в проявлении каждого механизма до и после эксперимента мы воспользовались критерием *T*-Уилкоксона для зависимых выборок.

Диагностика динамики изменений в экспериментальной и контрольной группах проводился в два этапа – до и после формирующего эксперимента – социально-психологического тренинга повышения адаптационного потенциала мигрантов через активизацию стилево-импровизационного социального взаимодействия в досугово-танцевальных практиках.

Диагностика по шкалам. Несмотря на выделение отдельных шкал батареи методик, репрезентирующих действие механизмов адаптации, диагностика проводилась по всем шкалам выбранных методик с целью корректного применения диагностического инструментария.

Уровень социально-психологической адаптации измеряем интегральными

показателями: адаптация, самопринятие, принятие других, эмоциональный комфорт, интернальность, стремление к доминированию («Диагностика социально-психологической адаптации» К. Роджерса и Р. Даймонд).

Действие механизмов социально-психологической адаптации, присущих Д-ТП нами диагностируется следующими шкалами.

Действие *механизма эмоциональной сонастройки* диагностировалось шкалами: Рациональный канал эмпатии; Эмоциональный канал эмпатии; Интуитивный канал эмпатии; Установки, способствующие или препятствующие эмпатии; Проникающая способность в эмпатии; Идентификация в эмпатии (Методика диагностики уровня эмпатических способностей В. В. Бойко).

Действие *механизма самоактуализации* диагностировалось следующими шкалами: Ориентация во времени; Ценности; Взгляд на природу человека; Потребность в познании; Креативность (стремление к творчеству); Автономность; Спонтанность; Самопонимание; Аутосимпатия; Контактность; Гибкость в общении (Диагностика самоактуализации личности САМОАЛ (А. В. Лазукин в адаптации Н. Ф. Калиной)).

Действие механизма *субкультурной идентификации* диагностировалось следующими объектами: Я, Я-житель моего города, Я-гражданин своей страны, Граждане моей страны, Партнер по досугу, Сосед по дому, Коллега по работе (Цвето-ассоциативная методика А. М. Парачева (ЦАМ)).

Прохождение респондентами методик диагностики мы считаем частью формирующего эксперимента, поскольку заполнение опросников и прохождение тестов позволило испытуемым отразить свои внутренние состояния. На первом этапе, в первую очередь нами были использованы методики «Диагностика социально-психологической адаптации» К. Роджерса и Р. Даймонд и «Цвето-ассоциативная методика» (ЦАМ) Парачева, затем применялись остальные инструменты диагностики. По окончании формирующего эксперимента было проведено эмпирическое исследование уровня адаптации и действия механизмов в обратном порядке, что позволило мигрантам лучше осознать суть тренингового воздействия. Таким образом, диагностика социальной идентичности и социально-

психологической адаптации происходила в последнюю очередь.

Первый подэтап анализа полученных результатов заключался в определении статистической значимости изменений уровня адаптации вследствие экспериментального воздействия.

Результаты по методике С-ПА Роджерса показали динамику улучшения показателей адаптации в экспериментальной и контрольной группе.

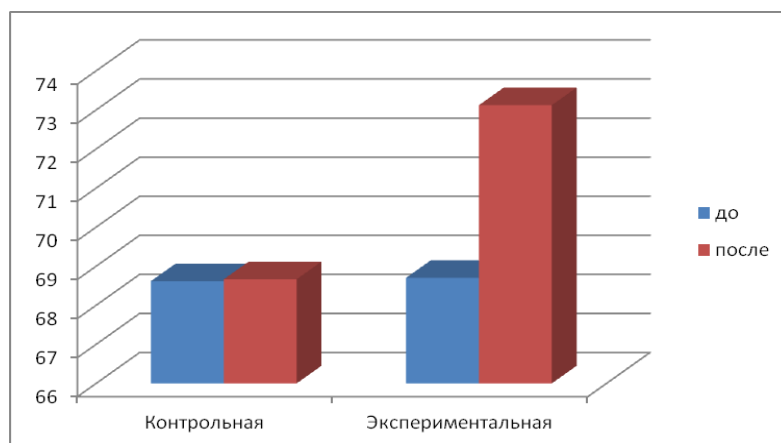

Рис. 3.5 Динамика социально-психологической адаптации участников до и после эксперимента

При этом, критерий *T*-Уилкоксона подтвердил статистическую значимость различий у экспериментальной группы ($p < 0,001$). У контрольной группы статистически значимых различий нет ($p = 0,210$). Таким образом, подтверждена эффективность формирующего эксперимента в форме танцевального тренинга как средства оптимизации социально-психологической адаптации мигрантов.

Таблица 3.1

Показатели социально-психологической адаптации участников эксперимента

Показатель	Экспериментальная группа, n=60			Контрольная группа, n=60		
	\bar{X}_1	\bar{X}_2	P	\bar{X}_1	\bar{X}_2	P
Адаптация	68,70	73,12	0,0001	68,62	68,66	0,210

При анализе результатов нами не учитывались нормы по методике С-ПА, предложенные разработчиками по причине того, что «адаптация личности

определяется не абсолютными значениями (выраженностью) тех или иных стабильных характеристик личности, а изменением структуры взаимосвязей между этими характеристиками, что сказывается на поведении индивида и его устойчивости к факторам среды» [138, с. 210]. «Процесс адаптации индивида детерминируется как средовыми воздействиями, так и субъективными характеристиками личности, причем не выраженностью последних, а структурой взаимосвязей между ними» [119, с. 151].

Второй подэтап анализа полученных результатов заключался в определении тех механизмов, которые удалось актуализировать на статистически значимом уровне вследствие экспериментального воздействия (см. табл. 3.2).

Таблица 3.2

Сравнение показатели механизмов социально-психологической адаптации участников эксперимента

Механизм	Экспериментальная группа, n=60			Контрольная группа, n=60		
	\bar{X}_1	\bar{X}_2	p	\bar{X}_1	\bar{X}_2	p
СА	188,37	254,43	0,001	218,78	219,85	0,857
СИ	205,83	234,38	0,001	212,08	214,79	0,742
ЭС	146,11	187,78	0,001	151,67	159,72	0,065

Зафиксированная динамика улучшения личностных показателей механизмов адаптации в экспериментальной и контрольной группах, проявилась на статистически значимом уровне лишь в экспериментальной группе.

Адаптивные способности и содержательные характеристики социальной идентичности, подтверждающие действие механизмов адаптации в Д-ТП изменились следующим образом (см. Рис. 3.6, 3.7, 3.8):

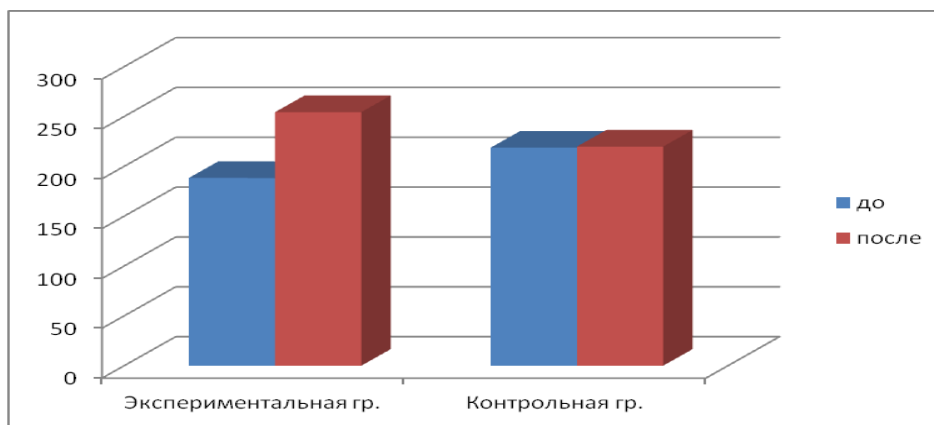

Рис. 3.6 Динамика показателей механизма адаптации «самоактуализация» в контрольной и экспериментальной группах

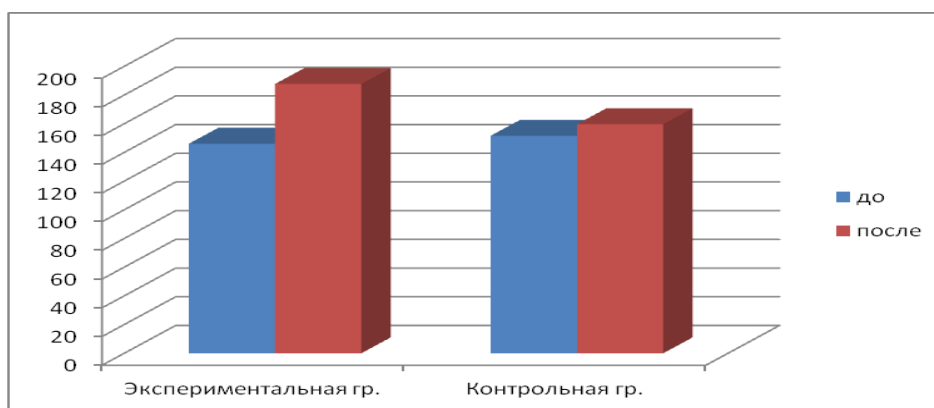

Рис. 3.7 Динамика механизма адаптации «эмоциональная сонастройка» в контрольной и экспериментальной группах

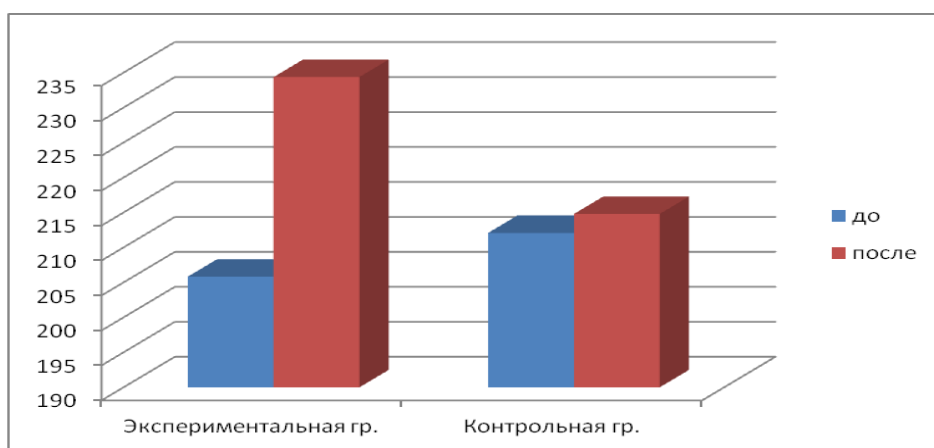

Рис. 3.8 Динамика показателей механизма адаптации «субкультурная идентификация» в контрольной и экспериментальной группах (n=120)

Таким образом, несмотря на рост личностных показателей по всем механизмам, зафиксированный у обеих групп, статистически значимые отличия обнаружены лишь в экспериментальной группе.

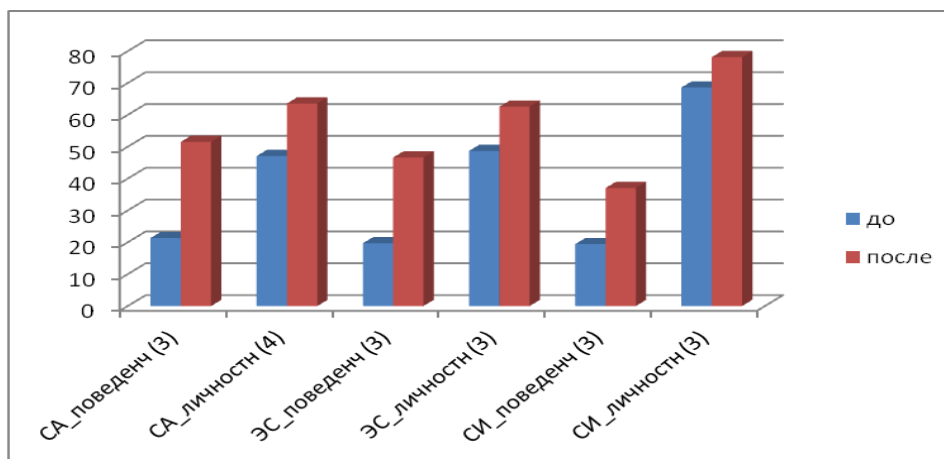
3.3.2. Эффективность различных стратегий повышения адаптационного потенциала мигрантов в тренинге.

Сравнительный анализ показал следующие результаты:

Шкалы методики САМОАЛ, отражающие действие личностных показателей механизма самоактуализации, продемонстрировали рост на 16,52% (до – 47,09%, после – 63,61%). Шкалы методики экспертной оценки, отражающие действие поведенческих показателей механизма самоактуализации, продемонстрировали рост на 30,21% (до – 21,33%, после – 51,54%).

Шкалы теста эмпатических способностей, отражающие действие личностных показателей механизма эмоциональной сонастройки, продемонстрировали рост на 13,89% (до – 48,7%, после – 62,59%). Шкалы методики экспертной оценки, отражающие действие поведенческих показателей механизма эмоциональной сонастройки, продемонстрировали рост на 26,93% (до – 19,7%, после – 46,63%).

Шкалы методики ЦАМ, отражающие действие личностных показателей механизма субкультурной идентификации, продемонстрировали рост на 9,52% (до – 68,61%, после – 78,13%). Шкалы методики экспертной оценки, отражающие действие поведенческих показателей механизма субкультурной идентификации, продемонстрировали рост на 17,62% (до – 19,44%, после – 37,06%).

СА_поведенч. – шкалы экспертной оценки механизма самоактуализации (аутентичность движения, социальная креативность, тактильное доверие); СА_личностн. – шкалы САМОАЛ (взгляд на природу человека, креативность, спонтанность, гибкость в общении); ЭС_поведенч. - шкалы экспертной оценки механизма эмоциональная сонастройка (конгруэнтность, кинестетическая эмпатия, динамическая интуиция); ЭС_личностн. – шкалы Теста на эмпатию Бойко (рациональный канал эмпатии, эмоциональный канал эмпатии, интуитивный канал эмпатии); СИ_поведенч. – шкалы экспертной оценки механизма субкультурной идентификации (стилевое соответствие, ритмическая групповая активность, диадное взаимодействие); СИ_личностн. – шкалы ЦАМ (Я, Я житель города, Я гражданин страны)

Рис. 3.9. Динамика поведенческих и личностных показателей механизмов С-ПА у участников экспериментальной группы Д-ТП-тренинга ($n=60$, $p \leq 0,001$, критерий Стьюдента – для поведенческих показателей; $n=60$, $p \leq 0,001$, критерий Уилкоксона – для личностных показателей).

Внутригрупповая дифференциация. Необходимо отметить, что экспериментальная группа не показала равносильный рост по всем исследуемым показателям.

Анализ уровня С-ПА по методике Диагностика социально-психологической адаптации позволил выделить четыре группы респондентов с различной динамикой прогресса по уровню социально-психологической адаптации и степенью влияния механизмов стилевой импровизации.

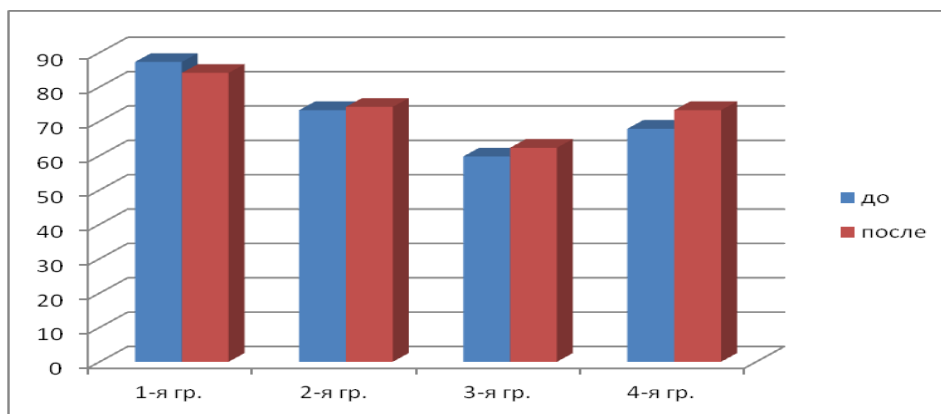

Рис. 3.10. Динамика изменения уровня адаптации в подгруппах экспериментальной группы.

Диагностика групп по отдельным механизмам выявила неоднородную развитость личностных и поведенческих показателей, что свидетельствует об избирательном применении механизмов адаптации.

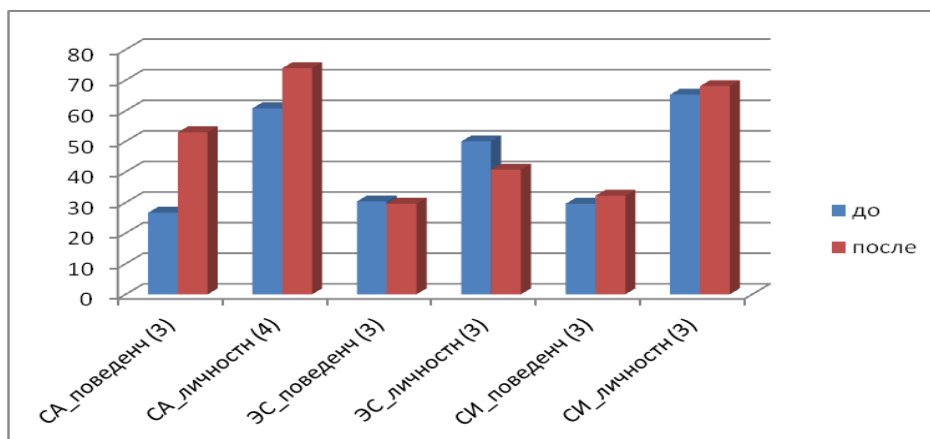

Рис. 3.11. Динамика поведенческих и личностных показателей механизмов С-ПА у участников экспериментальной группы Д-ТП-тренинга с преобладающим действием механизма СА (n=3)

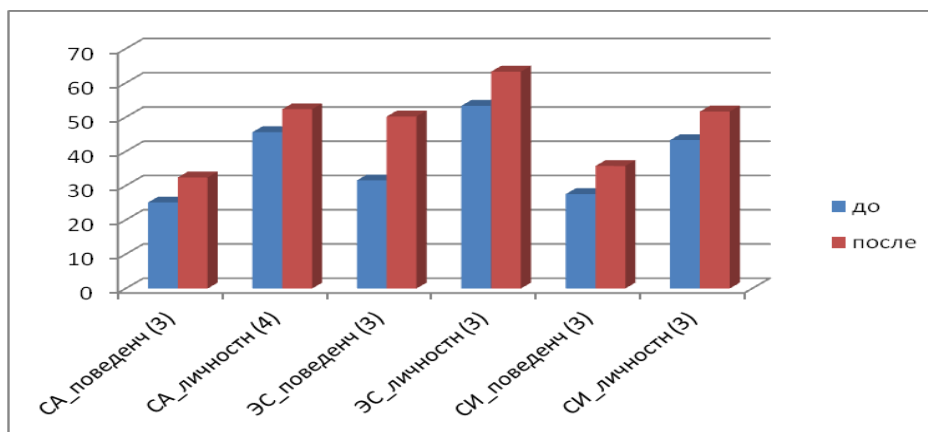

Рис. 3.12. Динамика поведенческих и личностных показателей механизмов С-ПА у участников экспериментальной группы Д-ТП-тренинга с преобладающим действием механизма ЭС (n=5)

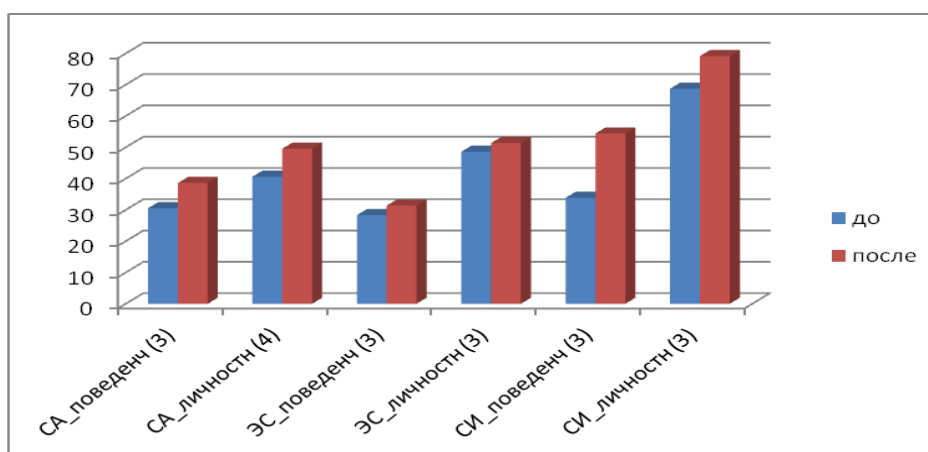

Рис. 3.13. Динамика поведенческих и личностных показателей механизмов С-ПА у участников экспериментальной группы Д-ТП-тренинга с преобладающим действием механизма СИ (n=4)

Сопоставляя результаты подгрупп с преобладающим развитием одного из механизмов, отметим тенденцию актуализации именно тех способностей, которые изначально находились на высоком уровне развития (усиление сильных качеств). Так в подгруппе акцентуации механизма самоактуализации изначальный уровень развития способностей СА был 60,83%, в то время, как в группе акцентуации ЭС уровень развития способностей механизма СА составлял 45,65%, а в группе акцентуации механизма СИ – 40,63%. Та же самая тенденция прослеживается в двух других подгруппах, где была акцентуация лишь одного механизма адаптации, изначально относительно хорошо развитого.

Преимущественное использование одного из механизмов соответствует выбору определенной стратегии адаптации (в соответствии с выводами второго раздела диссертации), объясняется личностным выбором из социального и культурного контекста форм жизнедеятельности, соответствующих индивидуальным особенностям. Поэтому во внутреннюю структуру каждой конкретной личности входят не все социокультурные и общественные отношения, а лишь вполне определенные, внутренне присущие ей, а остальные существуют для нее в качестве внешних социальных условий. Личность вбирает лишь те отношения и связи, которые соответствуют ее природе, тождественны ей [180]. Адаптационные механизмы строятся в русле особенностей индивидуального развития. Адаптация всегда индивидуальна и относительна [140]. В основе «Большой пятёрки» личность характеризует меру индивидуальных различий человека в степени и форме адаптации к социальной среде [210].

Таким образом, объяснимое стремление мигрантов преимущественно использовать и усилить свои, и без того хорошо развитые способности, выстроить собственную стратегию адаптации исключительно на их багаже, не приводит к лучшему результату по уровню адаптации. (см. рисунок Динамика изменения уровня адаптации в подгруппах экспериментальной группы).

Только гармоничное развитие механизмов позволяет достичь синергетического эффекта и способствует достижению максимального уровня адаптации.

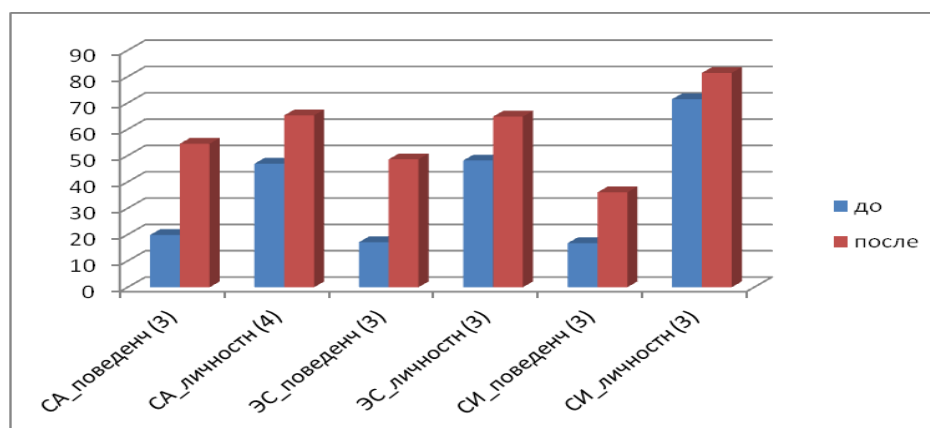

Рис. 3.14. Динамика поведенческих и личностных показателей механизмов С-ПА у успешных участников экспериментальной группы Д-ТП-тренинга, n=48

Шкала Эскапизм (уход от проблем) методики Диагностики социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонд позволяет подтвердить гипотезу о том, что занятия Д-ТП способствуют оптимальной адаптации, а не выполняют исключительно компенсаторную функцию бегства от проблем.

Таким образом, тренинг стилево-импровизационного социального взаимодействия способствовал развитию адаптивных способностей, поведенческих паттернов и трансформации социальной идентичности, адекватно социокультурной среде мегаполиса, повысив уровень эмоционального комфорта в процессе социального взаимодействия.

Позитивная динамика механизмов стилевой импровизации в тренинге обусловила развитие адаптивных способностей, содержательных характеристик социальной идентичности, поведенческих паттернов, что привело к позитивной динамике уровня социально-психологической адаптации мигрантов и фактически подтвердило наличие механизмов, т.к. было выявлено направление причинно-следственной связи от поведенческих к личностным показателям механизмов стилевой импровизации.

Выводы к третьему разделу:

1. Методы и методики тренингового воздействия привели к изменению поведенческих показателей механизмов стилевой импровизации. Фиксация действия механизмов адаптации в Д-ТП через репрезентируемые их поведенческие показатели позволяет говорить о возможности использования методики (экспертной оценки) процессуальной диагностики Д-ТП для (отслеживания эффективности) целенаправленной работы по оптимизации С-ПА мигрантов.

2. Сравнение результатов до и после тренинга по адаптивным способностям и содержательным характеристикам социальной идентичности показало улучшение у 86.7% участников, что подтверждает возможность

использования ДТП для развития личностных характеристик по каждому механизму. Синхронное улучшение личностных показателей наряду с поведенческими, подтверждает корректность выбранных методик для диагностики механизмов адаптации.

Формирующий эксперимент подтвердил возможность активизации механизмов стилевой импровизации в тренинговой программе и ее использование в качестве средства адаптации мигрантов в условиях непосредственного контакта с местным населением через формирование и развитие адаптивных способностей. Позитивная динамика механизмов стилевой импровизации, выраженная в развитии поведенческих паттернов и адаптивных способностей, продемонстрировала воздействие Д-ТП на С-ПА в зафиксированном повышении уровня С-ПА мигрантов.

3. Наибольшее повышение уровня социально-психологической адаптации достигнуто теми участниками, которые гармонично развивали адаптивные способности, задействуя все три механизма стилевой импровизации (кумулятивный эффект).

4. Разработанный социально-психологический тренинг может выступать в качестве эффективного средства оптимизации процесса социально-психологической адаптации добровольных мигрантов за счет целенаправленного формирования и развития поведенческих паттернов, адаптивных способностей и содержательных характеристик социальной идентичности.

Таким образом, полученные в формирующем исследовании положительные результаты социально-психологической адаптации позволяют рекомендовать разработанную программу для внедрения в учреждения, занимающиеся проблемами адаптации мигрантов. В частности, программа организации Д-ТП, направленная на обеспечение оптимизации С-ПА мигрантов через формирование адаптивных способностей, может быть полезна для государственных органов абсорбции.

ВЫВОДЫ

В диссертации представлено теоретическое обобщение проблемы социально-психологической адаптации добровольных мигрантов к инокультурной среде мегаполиса благодаря выделению свойственных досугово-танцевальным практикам механизмов адаптации, которые способствуют развитию адаптивных способностей и оптимизации процессов социально-психологической адаптации добровольных мигрантов. Полученные результаты дают возможность сделать следующие выводы:

1. В рамках субъектного подхода феномен социально-психологической адаптации мигрантов - это процесс и результат взаимодействия личности с перманентно изменяющимся социальным окружением по согласованию индивидуальных и социальных норм, которые способствуют формированию субъект-субъектного типа отношений, учитывающего стремление к саморазвитию и реализации собственного потенциала. Социально-психологическая адаптация мигрантов имеет три ключевых вектора: 1) *субкультурная идентификация* – относится к решению основной проблемы адаптации как самоопределения индивида в новой социальной среде с сохранением собственной идентичности и принятием идентичности доминантной группы; 2) *самореализация* - отражает внутреннюю готовность при уступках в ходе приспособления к социокультурным нормам, удовлетворять потребность личности в саморазвитии, аутентичном самовыражении, стремлении к собственной субъектности; 3) *субъект-субъектная сонастройка* (прежде всего эмоциональная) определяет двусторонний характер взаимодействия сторон в процессе социально-психологической адаптации, через эмпатическое сопереживание текущему эмоциональному состоянию другого человека и умение в связи с этим изменить собственное поведение; характеризуется ориентацией на партнеров по общению не как на представителей определенных социальных групп, а как на уникальных субъектов взаимодействия.

2. Досугово-танцевальные практики, основанные на непосредственном межличностном взаимодействии, становятся катализатором взаимной социально-

психологической адаптации мигрантов и принимающего населения путем стимулирования интеграционных ожиданий, построенных на принципах добровольного паритетного субъект-субъектного взаимодействия. Досугово-танцевальные практики социальных парных танцев (аргентинское танго, сальса, свинг и др.) являются универсальным средством межкультурного межличностного взаимодействия как невербальный язык общения. Особенности общения в досуговых-танцевальных практиках способствуют творческому паритетному подходу в отношениях, вызывают положительные эмоции, открывают человека к контакту, придают коммуникации легкость и непредубежденность, что положительно влияет на стиль жизни в целом и стимулирует взаимную социально-психологическую адаптацию мигрантов и принимающего населения.

3. Механизмы стилевой импровизации, присущие досугово-танцевальным практикам, проявляются в активизации творческой спонтанности личности в определенной ограниченной стилем танца форме взаимодействия, что является адекватной эмпирической моделью механизмов социально-психологической адаптации мигрантов к новой стране. Влияние на поведенческие составляющие танцевальных практик развивает адаптивные способности личности и повышает уровень социально-психологической адаптации мигрантов благодаря трем соответствующим ключевым векторам адаптации механизмам: 1) *субкультурной идентификации*, который конкретизируется через трансформацию социальной идентичности, связанную с вхождением в референтную танцевальную общность, реализуется через принятие норм и правил поведения, развитие чувства принадлежности к мегаполисной субкультуре через субкультуру досугово-танцевальную; 2) *самоактуализации*, который конкретизируется через поиск аутентичного самовыражения и импровизационное творческое взаимодействие в партнерской диаде и танцевальном сообществе, проявляется в социальной креативности как способности к гибкой организации новых форм паритетного социального взаимодействия, к нестандартным решениям обычных проблем, мобильности поведения, стремлении подчеркнуть уникальность личности,

развить ее потенциал и вместе с тем толерантно принимать инаковость. 3) *эмоциональной сонастройки*, конкретизируется в актуализации эмпатии, проявляется в эмоционально-телесной общности, адекватном отражении партнеров, комфортной межличностной взаимности на интимной социальной дистанции, благодаря чувственно-доверительному многоканальному восприятию, как на рациональном, так и на иррациональном интуитивном уровнях понимания невербальных сигналов.

4. В формирующем эксперименте подтверждено, что качества личности, развивающиеся в досугово-танцевальных практиках, способствуют повышению уровня социально-психологической адаптации мигрантов. Доказано действенность механизмов стилевой импровизации (кумулятивного сочетания субкультурной идентификации, самоактуализации и эмоциональной сонастройки), что проявилось в оптимальном развитии адаптационных способностей мигрантов через адекватное восприятие и воспроизведение поведенческих паттернов взаимодействия. Танцевальный тренинг может быть использован как эффективное средство оптимизации процессов социально-психологической адаптации добровольных мигрантов.

Перспективы дальнейших исследований видятся в изучении взаимной адаптации мигрантов и принимающего населения, в разработке программ и практических способов психологической помощи различным категориям граждан по оптимизации процесса их адаптации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Абульханова-Славская К. А. Развитие личности в процессе жизнедеятельности / К. А. Абульханова-Славская // Психология формирования и развития личности. – М. : Наука, 1981. – С. 19–45.
2. Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни / К. А. Абульханова-Славская. – М.: Мысль, 1991 – 299 с.
3. Агеев В. С. Социальная идентичность личности / В. С. Агеев // Социальная психология: хрестоматия / под общ. ред. Е. П. Белинская, О. А. Тихомандрицкая М., 1999. – С. 349–356.
4. Айламазьян А. М. Связь моторики человека с его личностными характеристиками / А. М. Айламазьян, Т. С. Князева // Вопросы психологии, 2008. – № 2. – С. 62–73.
5. Айламазьян А. М. Феномен телесности личности в танцевальных практиках / А. М. Айламазьян, Н. Ю. Шувалова // Вопросы психологии, 2010. – № 5. – С. 71–82.
6. Акопов Г. В. Ментальность как групповое сознание / Г. В. Акопов, Л. В. Давыдкина, Т. В. Семенова // Учебное пособие по курсу «Психология ментальности»: для магистратуры по психологическим направлениям. Самара: ПГСГА, 2015. – 76 с.
7. Александрова Н. А. Балет. Танец. Хореография. Краткий словарь танцевальных терминов и понятий / Н. А. Александрова. – Спб.: Лань, Планета музыки, 2008. – 416 с. – (Мир культуры, истории и философии).
8. Ананьев Б. Г. Личность, субъект деятельности, индивидуальность / Б. Г. Ананьев. – М.: Директ-Медиа, 2008 – 134 с.
9. Андреева Г. М. Социальное познание. Психология социального познания : Учебное пособие / Г. М. Андреева. – М., 2000. – 288 с.
10. Анцыферова Л. И. Личность в трудных жизненных условиях: переосмысливание, преобразование ситуаций и психологическая защита / Л. И. Анцыферова // Психологический журнал, 1994. – Т.15. – №1. – С. 3–18.

11. Аргайл М. Психология счастья / М. Аргайл. – 2-е изд. – СПб.: Питер, 2003. – 271 с.
12. Астэр И. В. Кризис социальных связей и проблема одиночества молодежи в условиях мегаполиса / И. В. Астэр // Технологии психолого-социальной работы в условиях мегаполиса: Мат-лы международной научно-практической конференции 5-6 ноября 2009 г. СПб., 2009.
13. Афанасьев С. В. Исследование влияния медитации на эмоциональный интеллект как ключевой фактор социально-психологической адаптации мигрантов / С. В. Афанасьев // Психологические науки: теория и практика: материалы II междунар. науч. конф. (г. Москва, март 2014 г.). – М.: Буки-Веди, 2014. – С. 19–22.
14. Бадмаев В. Н. Феномен национальной идентичности: социально-философский анализ: дис. канд. филос. наук / Бадмаев Валерий Николаевич. – Волгоград, 2005. – 292 с.
15. Баранова А. В., Хащенко В. А. Социально-психологические факторы оценки качества жизни // Ежегодник Российского психологического общества: Материалы 3-го Всероссийского съезда психологов. 25-28 июня 2003 года: Т.1. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2003. – С. 293–297.
16. Барышева Ю. С. Социокультурная адаптация мигрантов в условиях современного мегаполиса: на примере Москвы : автореф. дис. на соискание науч. ступеня канд. культурологии : спец. 24.00.01 «Теория и история культуры» / Барышева Юлия Сергеевна – Москва, 2007. – 22 с.
17. Барышников Н. В. Стратегия равностатусной межкультурной коммуникации / Николай Васильевич Барышников // Вестник МГИМО-УНИВЕРСИТЕТ – 2013. – №6 (33) – С.87–90.
18. Бек У. Космополитическое мировоззрение. – М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2008. – 336 с.
19. Белова С. С. Социальный интеллект: сравнительный анализ методик измерения / С. С. Белова // Социальный интеллект: теория, измерение, исследования. Под ред. Д. В. Люсина, Д. В. Ушакова. – М.: Изд-во «Институт

психологии РАН», 2004. – С. 109–119.

20. Бергер П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. / П. Бергер, Т. Лукман. – М.: «Медиум», 1995. – 323 с.

21. Березин Ф. Б. Психическая и психофизиологическая адаптация человека / Ф. Б. Березин. – Л., «Наука», 1988. – 270 с.

22. Берри Дж. Кросс-культурная психология: исследования и применение / Дж. Берри, А. Х. Пуртинга, М. Х. Сигалл, П. Р. Дасен. – Харьков: Гуманитарный центр, 2007. – 558 с.

23. Блинова О. Є. Трудова міграція населення України у соціально-психологічному вимірі : монографія / О. Є. Блинова. – Херсон : РПО, 2011. – 486 с.

24. Бовина И. Б. Стратегии исследования социальных представлений // Социологический журнал, 2011. – № 3 – С. 5–23.

25. Богардус Э. С. Социальная дистанция в городе / Э. С. Богардус. // Социальное пространство: Междисциплинарные исследования: Реферативный сборник. – М.: ИНИОН – 2003. – С. 179–186.

26. Богданова В. В. Траектории социализации как социологический феномен / В. В. Богданова // Знание. Понимание. Умение. – 2009. – № 1. – С. 70–74.

27. Богомолова Н. Н. Контент-анализ: спецпрактикум по социальной психологии : учебное пособие / Н. Н. Богомолова, Т. Г. Стефаненко. – М.: Изд-во МГУ им. М. В. Ломоносова, 1992. – 62 с.

28. Богоявленская Д. Б. Психология творческих способностей / Д. Б. Богоявленская. – «Академия», 2002. – 320 с.

29. Борхес Х. Танго уличных задир / Х. Л. Борхес // Эваристо Каррьего / Х. Л. Борхес. – Буэнос Айрес: Manuel Gleizer, 1930. – С. 118.

30. Бреднева Е. А. Идентичность как фактор формирования досугового проекта : дис. канд. соц. наук : 22.00.04 / Бреднева Екатерина Александровна – Саратов, 2004. – 135 с.

31. Брислин Р. Кросс-культурная психология (cross-cultural psychology) / Р. Брислин // Психологическая энциклопедия. Под ред. Р. Корсини, А. Ауэрбаха. / Р. Брислин. – СПб.: Питер, 2006. – (2-е изд.). – С. 1096.

32. Брушлинский А. В. Психология субъекта. / А. В. Брушлинский – СПб: Алетейя, 2003. – 272 с.
33. Бурдьё П. Практический смысл / Пьер Бурдьё // Пер. с фр.: А. Т. Бикбов, К. Д. Вознесенская, С. Н. Зенкин, Н. А. Шматко; Отв. ред. пер. и Послел. Н. А. Шматко. – СПб.: Алетейя, М.: «Институт экспериментальной социологии», 2001 г. – 562 с.
34. Васютинський В. О. Інтеракційна психологія влади / В. О. Васютинський. – К., 2005. – 492 с.
35. Вачков И. В. Основы технологии группового тренинга / Вачков И. В. // Учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Ось-89, 2001. – 224 с.
36. Веселкова К. Е. Оптимизация социально-психологической адаптации подростков с физическими травмами в условиях стационара : автореф. дис. на соискание уч. степени канд. псих. наук : спец. 19.00.05. «социальная психология; социальная работа» / Веселкова Кира Евгеньевна – М., 2012. – 245 с.
37. Вихрева Н. А. Запись танца. Элементарные основы записи движений по системе Рудольфа Лабана. Labanotation / Н. А. Вихрева // под ред. Энн Хатчинсон Гэст; Московская гос. акад. хореографии. – Москва : Голос-Пресс, 2006. – 191 с.
38. Власова Е. А. Мегаполис как семантико-символическая система : дис. канд. филос. наук : 24.00.01 / Власова Елена Анатольевна – Москва, 2013. – 199 с.
39. Волкова В. В. Основные признаки и функции субкультуры / Виктория Валерьевна Волкова. // Редакция Журнала научных публикаций аспирантов и докторантов. – 2012. – №10. – С. 80–81.
40. Волынская Л. Б. Социокультурная и личностная адаптация человека на различных стадиях жизненного цикла: учеб. пособие / Л. Б. Волынская. – М.: Флинта : НОУ ВПО «МПСИ», 2012. – 168 с.
41. Выготский Л. С. Психология искусства / Л. С. Выготский. – Ростов н/Д: изд-во «Феникс», 1998. – 480 с.
42. Гиршон А. Танец, психотерапия и танцевально-двигательная терапия: различия и общность [Электронный ресурс] / Александр Гиршон // ТВОРЧЕСКИЕ СРЕДСТВА В ТЕРАПИИ, РЕАБИЛИТАЦИИ И АБИЛИТАЦИИ. – 2008. – Режим

доступа к ресурсу: http://www.tranzit-kaliningrad.ru/gallery/_tranzit/publikacii/art-therapy.pdf. [Дата обращения: 28.03.2017 г.]

43. Горноста́й П. П. Групова ідентичність як предмет психології малих груп / П.П. Горноста́й // Наукові студії з соціальної та політичної психології. Вип. 24(27). – К., 2010. – С. 105–113.

44. Григорьева Г. В. Роль эмпатии в процессе социально-психологической адаптации студентов к условиям обучения в вузе / Г. В. Григорьева, А. В. Семина. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Акмеология образования. Психология развития. – 2013. – С. 6-17.

45. Гриценко В. В. Теоретические основы исследования социально-психологической адаптации личности/группы в новой социо- и этнокультурной среде / В. В. Гриценко // Проблемы социальной психологии личности : межвуз. сб. науч. Тр. Вып. 2. Саратов : Изд-во СГУ, 2005. – С. 9–28.

46. Губеладзе І. Г. Психологічні механізми трансформації соціальної ідентичності молоді сільського походження в міській спільноті : дис. канд. психол. наук : 19.00.05 / Губеладзе Ірина Гурамівна ; Ін-т соц. та політ. психології НАПН України. – К. : [Б. в.], 2012. – 235 с.

47. Довгалева И. В. Социальные практики адаптации: идентификационный дискурс : диссертация кандидата философских наук : 09.00.11 / Довгалева Ирина Валерьевна. – Тверь, 2010. – 162 с.

48. Дуранина Н. В. Структурированный танец как средство гармонизации психических состояний и отношений [Электронный ресурс] / Нина Викторовна Дуранина // Бюллетень Ассоциации танце-двигательной терапии, №13. – 2003. – Режим доступа к ресурсу: <http://www.jungland.ru/Library/Ex/Struk1.htm>. [Дата обращения: 28.03.2017 г.]

49. Жаворонкова И. А. Танцевально-двигательная терапия / И. А. Жаворонкова, А. С. Некрасов // Успехи современного естествознания. – 2005. – № 5. – С. 20–23

50. Жарков А. Д. Теория и технология культурно-досуговой деятельности / А. Д. Жарков // Учебник для студентов вузов культуры и искусств. – М.: Издательский Дом МГУКИ, 2007. – 480 с.

51. Жиленко М. Н. Танец как форма коммуникации в социокультурном пространстве : автореф. дис. канд. культурологии : 24.00.01 / Жиленко Мария Николаевна. – М., 2000. – 15 с.
52. Життєві домагання особистості : Монографія / [за ред Т. М. Титаренко]. – Київ : Педагогічна думка, 2007. – 455 с.
53. Жуков Д. А. Стой, кто ведет? Биология поведения человека и других зверей : в 2 т. / Д. А. Жуков. – М. : Альпина Нон-фикшн, 2013. – 802 с.
54. Завьялова Е. К. Психологические механизмы социальной адаптации человека / Е. К. Завьялова // Вестник Балтийской педагогической академии. – Спб, 2001. – Вып. 40. – С. 55–60.
55. Заржицкая О. А. Социально-психологический анализ телесности: возможности и перспективы // «Психология телесности: теоретические и практические исследования» (25 декабря 2009 года): Сборник статей II международной научно-практической конференции / Под общей ред. Буренковой Е. В. – Пенза: ПГПУ им. В. Г. Белинского, 2009. – С. 9–17.
56. Захарова П. И. Глобализация и социальная стратификация как факторы возникновения и развития молодежных субкультур / П. И. Захарова. // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. – 2013. – №3. – С. 43–45.
57. Иванова Н. Л. Психологическая структура социальной идентичности : дис. докт. псих. наук : 19.00.05. / Иванова Наталья Львовна – Ярославль: ЯГУ им. П. Г. Демидова, 2003. – 339 с.
58. Изотов Э. Психология танца. Процессуальный подход [Электронный ресурс] / Эдуард Изотов. – Режим доступа : URL : <http://www.terton.ru/biblioteka/process-dance.html>. [Дата обращения: 28.03.2017 г.]
59. Казакова Г. М. Регион как субкультурный локус (на примере Южного Урала) : диссертация доктора культурологии : 24.00.01 / Казакова Галина Михайловна.- Москва, 2009.- 313 с.
60. Кириллова А. И. Взаимодействие культур: интеграция, ассимиляция и воспитательная роль общества / А. И. Кириллова // ВВ: Проблемы общества и

политики, 2013. – № 1. С. 53–152.

61. Кириллова Н. Л. Философские аспекты социальной адаптации Текст. / Н. Л. Кириллова // Мир науки, культуры, образования. – 2010. №1 (20). – С. 122–125.

62. Киселева М. В. Роль социальных танцев в семейной терапии / М. В. Киселева [Электронный ресурс] / Отделение танцевально-двигательной терапии - г. Москва. 2009. URL: <http://tdt-edu.ru/rol-socialnyx-tancev-v-semejnoj-terapii-kisileva-m-v/> [Дата обращения: 28.03.2017 г.]

63. Кисенова Р. Х. К проблеме исследования факторов адаптации личности / Р. Х. Кисенова // Актуальные проблемы психологии личности: сб. ст. по матер. I междунар. науч.-практ. конф. (20 августа 2009 г.) – Новосибирск: СибАК, 2009. – С. 29–44.

64. Климова С. Г. Опыт использования методики неоконченных предложений в социологическом исследовании / С. Г. Климова // Социология 4М: методология, методы, математические модели. – 1995. – № 5-6. – С. 49–64.

65. Ковтун Л. В. Социальная адаптация личности в условиях межкультурного общения : дис. канд. культурологии : 24.00.04 / Ковтун Лилия Викторовна – Москва, 1999. – 132 с.

66. Козлов В. В. Интегративная танцевально-двигательная терапия / В. В. Козлов, А. Е. Гиршон, Н. И. Веремеенко. – М., 2005. – 255 с.

67. Козлов В. В. Психология творчества. Свет, сумерки и темная ночь души / В. В. Козлов. - М.: Гала, 2008. – 48 с.

68. Колбунов Ф. А. Ценностные ориентации молодежи российского мегаполиса : автореф. дис. канд. культурологии / Колбунов Ф. А. ; С.-Петерб. гос. ун-т культуры и искусств. – СПб., 2011. – 21 с.

69. Константинов В. В. Зависимость успешности социально-психологической адаптации вынужденных мигрантов к новым условиям жизни от типа проживания : Дис. канд. психол. наук : 19.00.05 / Константинов Всеволод Валентинович - Самара, 2004. – 314 с.

70. Константинов В. В. К вопросу о понятии «адаптация» / В. В. Константинов

// Проблемы социальной психологии личности. – Саратов: Изд-во Саратовского ГУ, 2005. – URL: <http://psyjournals.ru/articles/d8489.shtml>. [Дата обращения: 28.03.2017 г.]

71. Копытин С. М. К вопросу о субкультурной идентичности / Сергей Михайлович Копытин. // Теория и практика общественного развития. – 2004. – №2. – С. 320–323.
72. Корель Л. В. Социология адаптаций: вопросы теории, методологии и методики / Л. В. Корель // Новосибирск, 2005. – 424 с.
73. Корнилова Т. В. Экспериментальная психология: Теория и методы: Учебник для вузов / Т. В. Корнилова. — М.: Аспект Пресс, 2002.– 381 с.
74. Красавина Е. В. Социальная адаптация российских студентов: роль молодежной субкультуры : диссертация кандидата социологических наук : 22.00.04. / Красавина Екатерина Валерьевна. – Новочеркасск, 2005. – 157 с.
75. Кузнецова Н.А. Волновая концепция воспитания / Н. А. Кузнецова // Екатеринбург : Ажур, 2012. – 191 с.
76. Кухар Т. В. Комунікативні стратегії соціально-психологічної адаптації безробітних : дис. канд. психол. наук : 19.00.05 / Кухар Тетяна Володимирівна ; Ін-т соц. та політ. психології НАПН України. – К., 2011. – 237 с.
77. Кэмпбелл Д. Модели экспериментов в социальной психологии и прикладных исследованиях / Д. Кэмпбелл. – СПб : Социально-психологический центр, 1996. – 391 с.
78. Лабунская В. А. Теоретико-эмпирические основания создания методики «Диагностика уровня развития способности к адекватной интерпретации невербального поведения» / Лабунская В. А. // Рос.психол.журн. – 2008. – Т.5, №4. – С.35–47.
79. Ларионова С. А. Профессионально-психологический отбор кандидатов на службу в органы внутренних дел на основе диагностики социально-психологической адаптированности личности : дис. канд. психол. наук : 19.00.05 / С. А. Ларионова. – М., 2001. – 274 с.
80. Ларионова С. А. Социально-психологическая адаптация личности:

теоретическая модель и диагностика: монография / С. А. Ларионова, – Белгород, 2002. – 200 с.

81. Ларских М. В. Психологические механизмы формирования конструктивного перфекционизма студента / М. В. Ларских, Ю. Е. Васильева // *Universum: Психология и образование : электрон. научн. журн.*, 2014. – № 5-6(6). URL: <http://7universum.com/ru/psy/archive/item/1380>. [Дата обращения: 28.03.2017 г.]

82. Лебедева Н. М. Проверка гипотез мультикультурализма интеграции и контакта в России / Н. М. Лебедева, А. Н. Татарко // *Материалы IV Международной научной конференции (г. Смоленск, 30-31 мая 2014 г.)*. В 2 т. / отв. ред. В. В. Гриценко. – Смоленск: Смоленский государственный университет, 2014. – Т. 1. – С. 23–26.

83. Лебедева Н. М. Теоретические подходы к исследованию взаимных установок и стратегий межкультурного взаимодействия мигрантов и населения России / Н. М. Лебедева // *Стратегии межкультурного взаимодействия мигрантов и населения России : сборник научных статей / под ред. Н. М. Лебедевой и А. Н. Татарко*. – М. : РУДН, 2009. – С. 10–63.

84. Леонтьев Д. А. Лабиринт идентичностей не человек для идентичности, а идентичность для человека / Д. А. Леонтьев // *Философские науки*, 2009. – № 10 – С. 5–10.

85. Леонтьев Д. А. О некоторых аспектах проблемы «культура и личность» / Д. А. Леонтьев // *Культурно-историческая психология*, 2013. – № 1. – С. 22–30.

86. Лепшокова З. Х. Сопоставление аккультурационных стратегий мигрантов и ожиданий принимающего общества: психологические последствия / З. Х. Лепшокова // *Теоретические проблемы этнической и кросс-культурной психологии: Материалы Четвертой международной научной конференции 30-31 мая 2014 г.* В 2 т. - Смоленск: Смоленский гуманитарный университет, 2014. – Т.2. – С. 109–112.

87. Лозовая О. Н. Ментальность города и села как объект психосемантического исследования : к постановке проблемы / О. Н. Лозовая // *Журнал практикующего*

психолога. Выпуск 15. – 2009. – С. 130–140.

88. Ляшок А. С. Карнавал как форма праздничной культуры: философско-культурологический анализ : дис. канд. филос. наук / Ляшок А. С. – Краснодар, 2004. – 177 с.

89. Макаров Ю. В. Формирование групповой сплоченности средствами социально-психологического тренинга / Ю. В. Макаров // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, 2010. – № 128. – С. 72 – 83.

90. Максименко С. Д. Психологічні механізми розвитку і саморозвитку особистості / С. Д. Максименко // Психолого-педагогічні засади розвитку особистості в освітньому просторі : [матеріали методологічного семінару АПН України 19 березня 2008 р.]. – К., 2008. – С. 28–37.

91. Максимов М. А. Особенности процесса социально-психологической адаптации мигрантов к новым условиям жизни / М. А. Максимов // Этнокультурная идентичность как стратегический ресурс самосознания общества в условиях глобализации: материалы международной научно-практической конференции 28–29 сентября 2013 года. – Прага: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2013 – С. 112–118.

92. Малкина-Пых И. Г. Телесная терапия. Справочник практического психолога / И. Г. Малкина-Пых – Москва, 2005. – 435 с.

93. Мамфорд Л. Город в истории [Электронный ресурс] / Льюис Мамфорд // МГО Інститут україніки. – 1961. – Режим доступа к ресурсу: http://www.ukrainica.org.ua/ukr/projects/misto_i_chas/993-993 [Дата обращения: 28.03.2017 г.]

94. Маркарян Э. С. Избранное. Наука о культуре и императивы эпохи / Э. С. Маркарян // Отв. ред. и сост. А. В. Бондарев. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2014. – 650 с.

95. Маслоу А. На подступах к психологии бытия / Абрахам Маслоу. – М.: «Рефл-бук» – К.: «Ваклер», 1997. – 304 с.

96. Матурана У. Р. Дерево познания: биологические корни человеческого

понимания / У. Р. Матурана, Ф. Х. Варела // Пер. с англ. Ю. А. Данилова. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 244 с.

97. Мацумото Д. Человек, культура, психология. Удивительные загадки, исследования и открытия / Дэвид Мацумото. – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2008. – 668 с.

98. Мельникова Н. Н. Процесс социально-психологической адаптации. Подходы к изучению / Н. Н. Мельникова // Теоретическая, экспериментальная и прикладная психология: сборник научных трудов под ред. Н. А. Батурина. – Челябинск: ЮУрГУ, 1998 – Т.1. – С. 31–49.

99. Мід Дж. Дух, самість і суспільство з точки зору соціального біхевіориста / Дж. Мід : [пер. з англ. Т. Корпало]. – К., 2000. – 416 с.

100. Мизко О. А. Молодежная субкультура российской провинции: На примере г. Хабаровска : дис. канд. культурологии : 24.00.01 / Мизко Оксана Александровна – Комсомольск-на-Амуре, 2006. – 179 с.

101. Микляева А. В., Румянцева П. В. Городская идентичность жителя современного мегаполиса - ресурс личностного благополучия или зона повышенного риска / А. В. Микляева, П. В. Румянцева – М.: Речь, 2011. – 160 с.

102. Микляева А. В., Румянцева П. В. Социальная идентичность личности: содержание, структура, механизмы формирования: Монография / А. В. Микляева, П. В. Румянцева - СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2008. – С. 8–47.

103. Милграм С. Эксперимент в социальной психологии / С. Милграм. – СПб : Питер, 2000. – 336 с.

104. Мироненко А. В. Сущность и специфика этнокультурной социализации подростков в процессе освоения регионального фольклорного танца / Александр Владимирович Мироненко. // 1 (129). – 2014. – С. 81–86.

105. Михеева А. В. Адаптационная модель субкультуры: социально-философский аспект : дис. канд. филос. наук : 09.00.11 / Михеева Анна Владимировна – Новосибирск, 2008. – 144 с.

106. Мова Л. В. Психологічні особливості забезпечення особистісної самореалізації майбутніх психологів у процесі фахової підготовки [Текст] :

- Автореферат дисертації на здобуття вченого ступеня канд. психол. наук : 19.00.07. / Л. В. Мова ; Нац. пед. ун-т ім. М.П.Драгоманова. – Київ, 2003. – 20 с.
107. Морошкина Н. В. Типология эмпирических исследований в психологии / Н. В. Морошкина, В. А. Гершкович // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 16. Психология. Педагогика, 2016. – № 1. – С. 80–99.
108. Москаленко В. В. Особливості дослідження соціалізації особистості в інтерсуб'єктній парадигмі / В. В. Москаленко // Соціальна психологія. – 2009. – № 5 (37). – С. 35–48.
109. Мосс М. Техники тела / М. Мосс // Человек, 1993. – № 2. – С. 64–79.
110. Мудрик А. В. Социализация человека / А. В. Мудрик // 3-е, перераб. и расшир. – М.- Воронеж: РАО-МПЦИ, 2011. – 624 с.
111. Муращенкова Н. В. Структура социальных представлений молодежи об экстремизме и патриотизме [Электронный ресурс] / Н. В. Муращенкова // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). – 2012. – №12(20). URL: <http://sisp.nkras.ru/e-ru/issues/2012/12/murashchenkova.pdf> [Дата обращения: 28.03.2017 г.].
112. Найдьонова Л. А. Поділений досвід як онтологічна основа рефлексивного капіталу територіальної спільноти / Л. А. Найдьонова // Наукові студії із соціальної та політичної психології. – 2010. – Вип. 24 (27). – С. 62–76.
113. Найдьонова Л. А. Рефлексивна психологія територіальних спільнот / Л. А. Найдьонова. – К. Міленіум, 2012. – 275 с.
114. Налчаджян А. А. Социально-психическая адаптация личности (формы, механизмы и стратегии) / А. А. Налчаджян // [отв. Ред. Э. А. Александрян]; АН АрмССР. Ин-т философии и права. – Ер. : Изд-во АН АрмССР, 1988. – 263 с.
115. Новикова И. А., Толстова Д. А. Психологические особенности молодых людей, увлекающихся социальными латиноамериканскими танцами // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Психология и педагогика». – 2013. – № 1. – С. 28–36.
116. Овсяник О. А. Социально-психологические особенности адаптации личности / О. А. Овсяник // Современные исследования социальных проблем

[Электронный ресурс]. – Красноярск, 2012. – № 1 (09). Шифр Информрегистра: 0421200132/0053. – Режим доступа: URL: <http://sisp.nkras.ru/issues/2012/1/ovsyaniuk.pdf>. [Дата обращения: 28.03.2017 г.].

117. Орбан-Лембрик Л. Е. Вплив міграційних процесів на поведінкові прояви особистості / Л. Е. Орбан-Лембрик // Збірник наукових праць : філософія, соціологія, психологія. – Івано-Франківськ : ВДВ ЦІТ, 2008. – Вип. 13. – 4.1. – С. 3–15.

118. Осницкий А. К. Проблемы исследования субъектной активности / А. К. Осницкий // Вопросы психологии, 1996. – № 1. – С. 5–19.

119. Осницкий А. К. Определение характеристик социальной адаптации / А. К. Осницкий // Психология и школа. – 2004. – N 1. – С. 43–56.

120. Панина Н. В. Факторы национальной идентичности, толерантности, ксенофобии и антисемитизма в современной Украине / Н. В. Панина // Социология: теория, методы, маркетинг. 2005. – № 4. – С.26–45.

121. Панкова Т. А. Эмоциональный интеллект как фактор социально-психологической адаптации молодых специалистов Москва : Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук. Специальность: 19.00.05 - Социальная психология / Т. А. Панкова. – М.: МГУ, 2011. – 31 с.

122. Панфилова Е. В. Ценности культуры досуга студенческой молодёжи: результаты исследования / Е. В. Панфилова // Молодой ученый. – 2012. – №8. – С. 278–283.

123. Панченко Т. Ієрархія територіальних ідентичностей як основа політичної культури субсидіарної демократії / Т. Панченко // Політичний менеджмент. – 2010. – № 6. – С. 90–99.

124. Парачев А. М. Символический анализатор мира. / А. М. Парачев. – СПб., 1997 (рукопись). – 34 с.

125. Парк Роберт Город как социальная лаборатория / Роберт Парк // Социологическое обозрение. – 2002 – Т. 2. – № 3 – С. 3–12.

126. Парсонс Т. Система современных обществ / Т. Парсонс ; [пер. с англ.

Л. А. Седова и А. Д. Ковалева] / Под ред. М. С. Ковалевой. – М. : Аспект Пресс, 1998. – 270 с.

127. Паршина Т. О. Структурная модель социально-психологической адаптации человека / Т. О. Паршина // Социологические исследования. – 2008. – № 8 (август). – С. 100–106.

128. Парыгин Б. Д. Социальная психология. Проблемы методологии, истории и теории / Б. Д. Парыгин. – СПб., 2003. – 592 с.

129. Патырбаева К. В. Идентичность: социально-психологические и социально-философские аспекты: коллективная монография / К. В. Патырбаева, В. В. Козлов, Е. Ю. Мазур, Г. М. Конобеев, Д. В. Мазур, К. Марицас, М. И. Патырбаева; науч. ред. К. В. Патырбаева; Перм. гос. нац. иссл. ун-т. – Пермь, 2012. – 250 с.

130. Передерий В. А. Конструирование идентичности студенческой молодежи в поле различных социальных практик : диссертация кандидата социологических наук : 22.00.04 / Передерий Вероника Анатольевна. – Краснодар, 2009. – 191 с.

131. Петраченко Н. В. Культурная парадигма как методологическое средство исследования хореографического искусства : дис. канд. культурологи : 24.00.01 / Петраченко Наталия Валерьевна. – Кемерово, 2005. – 247 с.

132. Петровский А. В. Проблема развития личности с позиции социальной психологии / А. В. Петровский // Вопросы психологии. – 1984. – № 4. – С. 15-29

133. Петровский В. А. Психология неадаптивной активности / В. А. Петровский // Российский открытый университет. – М.: ТОО Горбунок, 1992. – 224 с.

134. Попова Т. В. Ассоциативный эксперимент в психологии / Т. В. Попова. – М.: ФЛИНТА, 2011. – 42 с

135. Почебут Л. Г. Кросс-культурная и этническая психология / Л. Г. Почебут. – СПб.: 2012. – 236 с.

136. Раздрокина Л. Л. Танцуйте на здоровье. Танцевально-игровые тренинги / Л. Раздрокина. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2007. – 157 с.

137. Райх В. Анализ характера / В. Райх // пер. с англ. Е. Поле. – М. : Апрель Пресс : ЭКСМО-Пресс, 2000. – 528 с. – (Психологическая коллекция)

138. Реан А. А. Психология адаптации личности. Анализ, теория, практика / А. А. Реан, А. Р. Кудашев, А. А. Баранов. – СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК, 2006. – 479 с.
139. Роговик Л. С. Психомоторика: практикум. Навчальний посібник / Л. С. Роговик. – К.: Главник, 2006. – 144 с. – (Психологічний інструментарій)
140. Розум С. И. Психология социализации и социальной адаптации человека / С. И. Розум. – СПб.: Речь, 2006. – 366 с.
141. Ромм В. В. Танец и секреты древнейшей цивилизации / В. В. Ромм; Новосиб. гос. консерватория им М. И. Глинки. – Новосибирск, 2002. – 456 с.
142. Ромм М. В. Адаптация личности в социуме: Теоретико- методологический аспект / М. В. Ромм. – Новосибирск: Наука. Сибирская издательская фирма РАН, 2002. – 275 с.
143. Рудестам К. Групповая психотерапия. Психокоррекционные группы: теория и практика: Пер. с англ./ Общ. ред. и вступ. ст. Л. А. Петровской./ К. Рудестам. – М.: Прогресс, 1990.– 368 с.
144. Румянцева Т. В. Психологическое консультирование: диагностика отношений в паре. Учебное пособие / Т. В. Румянцева. – СПб.: Речь, 2006. – 176 с.
145. Садохин А. П. Межкультурная компетентность: сущность и механизмы формирования : диссертация доктора культурологических наук : 24.00.01 / Садохин Александр Петрович. – Москва, 2009. – 342 с.
146. Семенова Т. В. Теоретические и прикладные аспекты социально-психологического исследования городской ментальности : Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора психологических наук. Специальность: 19.00.05 – социальная психология. / Т. В. Семенова. – Казань., - 2007. – 40 с.
147. Сергеев В. Социальная дистанция и национальные установки / В. Сергеев // Телескоп. – 2008. – №2. – С. 57–61.
148. Середина М. И. Этнические аспекты социального взаимодействия в мегаполисе (на примере Москвы) / М. И. Середина // Эффективное антикризисное управление : научно-практический журнал. – СПб. : Экономика: наука и практика, 2012г. – № 3. – С.104–111.

149. Симаева Ю. М. Педагогическое обеспечение преподавания хореографии в общеобразовательных учебных заведениях России (60-е годы XIX века –1918 г.): диссертация кандидата педагогических наук: 13.00.01 / Симаева Юлия Михайловна. – Москва, 2014. – 187 с.
150. Слюсаревский Н. Н. Субкультура как объект исследования / Н. Н. Слюсаревский // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2002. – № 3. – С.117–127.
151. Слюсаревський М. М. «Ми» і «Я» в сучасному світі. Вибрані твори / М. М. Слюсаревський. – К. : Міленіум, 2009. – 340 с.
152. Слюсаревський М. М. Соціальна ситуація в Україні: спроба оцінки з погляду формування та прояву суб'єктного потенціалу особистості / М. М. Слюсаревський // Наукові студії із соціальної та політичної психології : [зб. статей АПН України, Інститут соціальної та політичної психології / редкол. : С. Д. Максименко, М. М. Слюсаревський та ін.]. – К. : Міленіум, 2007. – Вип. 16 (19). – С. 109–127.
153. Смолина Т. Л. Адаптация к инокультурной среде: анализ родственных понятий / Т. Л. Смолина // Психология человека: интегративный подход. Сборник статей. – Санкт-Петербург: Изд-во АНО «ИПП», 2007. – С. 162–167.
154. Смотрицкий А. В. Трансформация социальной идентичности добровольных мигрантов в условиях мегаполиса / А. В. Смотрицкий // Проблемы політичної психології: зб. наук. праць / Асоціація політичних психологів України, Інститут соціальної та політичної психології НАПН України ; [редакційна колегія: Л. А. Найдьонова, Л. Г. Чорна, І. Г. Батраченко та ін.]. – К. : Міленіум, 2015. – Вип. 2 (16). – С. 189–198..
155. Созинова М. В. Факторы становления содержательного досуга в социокультурном пространстве современного города / М. В. Созинова // Современные проблемы науки и образования, 2013. – № 3. – С. 247–254.
156. Сотников И. М. Дифференциация студенческой субкультуры в современном российском обществе : диссертация кандидата социологических наук : 22.00.06 / Сотников Иван Михайлович. – Ставрополь, 2009. – 182 с.

157. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология / Т. Г. Стефаненко // 4-е изд. испр. и доп. - М.: Аспект Пресс, 2009. - 368 с.
158. Султанова Н. Д. Временной и содержательный аспекты в развитии личности вынужденных мигрантов / Н. Д. Султанова // Теоретические проблемы этнической и кросскультурной психологии : материалы Четвертой Международной научной конференции. В 2 т. / Отв. ред. В. В. Гриценко. – Смоленск : Смоленский государственный университет, 2014. Т.2. – 268 с. – С. 136-140.
159. Сурвила Р. А. Совладающее поведение: теоретические аспекты проблемы [Электронный ресурс] / Р. А. Сурвила // Лесосибирский педагогический институт – филиал Сибирского федерального университета – Режим доступа к ресурсу: http://www.rusnauka.com/36_PVMN_2012/Psihologia/9_123709.doc.htm. [Дата обращения: 28.03.2017 г.].
160. Суханов А. А. Анализ понимания адаптации человека в отечественных психологических исследованиях / А. А. Суханов // Гуманитарный вектор, 2011. – № 2 (26). –С. 201–205.
161. Татенко В. А. Психология в субъектном измерении: Монография. / В. А. Татенко. – К. : Издавничий центр «Просвита», 1996. – 404 с.
162. Теплов Б. М. Психология музыкальных способностей / Б. М. Теплов // М. – Л.: АПН РСФСР, 1947. – 355 с.
163. Титаренко Т. М. Психологічні практики конструювання життя в умовах постмодерної соціальності : [моногр.] / Т. М. Титаренко, О. М. Кочубейник, К. О. Черемних ; Національна академія педагогічних наук України, Інститут соціальної та політичної психології. – К. : Міленіум, 2014. – 206 с.
164. Тихомиров С. А. Место молодежных субкультур в системе современной городской культуры [Электронный ресурс] / С. А. Тихомиров // Сборник Научно-образовательного культурологического общества. – СПб., 2009. – С. 142 – 150. Режим доступа: [http:// www.culturalnet.ru/main/getfile/799](http://www.culturalnet.ru/main/getfile/799) [дата обращения: 28.03.2017 г.]
165. Ткачук М. А. Социальный танец в системе межкультурной коммуникации

(общение между представителями различных человеческих культур) / М. А. Ткачук // Ойкумена. – 2012. – № 2. – С. 29–35.

166. Толстова Д. А. Социальные латиноамериканские танцы как средство гармонизации коммуникативной сферы личности [Текст] : автореферат дис. канд. психол. наук : 19.00.01 : защищена 27.06.2014 / Д. А. Толстова. - Рос. ун-т дружбы народов. – Москва, 2014. – 23 с.

167. Тучков И. И. Формально-стилистический метод [Электронный ресурс] / Иван Иванов Тучков // Фонд знаний «Ломоносов». – 2011. – Режим доступа к ресурсу: <http://www.lomonosov-fund.ru/enc/ru/encyclopedia:0134873>. [Дата обращения: 28.03.2017 г.]

168. Урманцев Ю. А. Природа адаптации (системная экспликация) / Ю. А. Урманцев // Вопросы философии. – 1998. – № 12. – С. 21–35.

169. Ушаков Д. В. Социальный и эмоциональный интеллект. Надежды, сомнения, перспективы / Д. В. Ушаков // Социальный и эмоциональный интеллект: от процессов к измерениям / Под ред. Д. В. Люсина, Д. В. Ушакова. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. С. 11–30.

170. Фельдштейн Д. И. Психология развития личности в онтогенезе / Д. И. Фельдштейн. – М.: Педагогика, 1989. – 208 с.

171. Фернхэм А. СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИЧНОСТИ ПСИХОЛОГИЯ ДЛИТЕЛЬНОГО ПРЕБЫВАНИЯ ЗА РУБЕЖОМ: СТУДЕНТЫ [Электронный ресурс] / А. Фернхэм, С. Бочнер // Культурный шок: психологические реакции на незнакомое окружение. – 1986. – Режим доступа к ресурсу: <http://rl-online.ru/articles/2-01/85.html>. [Дата обращения: 28.03.2017 г.]

172. Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса / Л. Фестингер. – СПб., 1999. – 317 с.

173. Фетискин Н. П. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп / Н. П. Фетискин, В. В. Козлов, Г. М. Мануйлов. – М.: Изд-во Института Психотерапии, 2002. – 490 с.

174. Флиер А. Я. Культурология для культурологов / А. Я. Флиер. – М.: Академический Проект, 2000 – 496 с.

175. Франкл В. Сказать жизни «Да!»: Психолог в концлагере / В. Франкл ; Пер. с нем. – 2-е изд. – М.: Альпина нон-фикшн, 2011. – 239 с.
176. Хашиєва Л. В. Множинна ідентичність: реалії глобалізованого суспільства / Л. В. Хашиєва // Актуальні проблеми державного управління. – 2014. – № 1. – С. 276–283.
177. Хрусталева Н. Адаптация выходцев из бывшего СССР. Взгляд психолога [Электронный ресурс] / Нелли Хрусталева // Журнал «Диаспоры», №2-3. – 1999. – Режим доступа к ресурсу: http://www.archipelag.ru/ru_mir/rm-diaspor/russ/adaptation/. [Дата обращения: 28.03.2017 г.].
178. Шалхарбекова Н. А. Формирование и развитие этнических предубеждений в процессе социальной адаптации в новой этнокультурной среде : дис. докт. филос. наук : 6D050300 / Шалхарбекова Назерке Абдирахмановна – Алматы, 2013. – 159 с.
179. Шамионов Р. М. Взаимосвязь стратегий поведения и субъективного благополучия представителей контактирующих этносов / Раиль Мунирович Шамионов. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика. – 2012. – № 1. – Т. 12. – С. 79–83.
180. Шамсутдинова Д. В. Досуговая деятельность как фактор социально-культурной интеграции личности : Дис. д-ра пед. наук : 13.00.05 / Шамсутдинова Дильбар Валиевна. – Казань, 2002. – 497 с.
181. Шевченко М. І. Особливості комунікативної компетентності майбутніх психологів з різними типами співвідношення адаптивності та креативності : автореф. дис. канд. психол. наук : 19.00.05 / Шевченко Марія Іванівна ; Ін-т соц. та політ. психології НАПН України. – К., 2013. – 17 с.
182. Шевяков Т. Неприличный танец. Танго «развратное» и «безобразное» [Электронный ресурс] / Тимофей Шевяков. – 2014. – Режим доступа к ресурсу: <https://lenta.ru/articles/2014/09/23/tango/>. [Дата обращения: 28.03.2017 г.].
183. Шибутани Т. Социальная психология / Т. Шибутани. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2002. – 544 с.
184. Ширшова И. Основные понятия концепции Пьера Бурдьё [Электронный

- ресурс] / Ирина Ширшова // Альманах «Восток». – 2004. – Режим доступа к ресурсу: http://www.situation.ru/app/j_art_632.htm. [Дата обращения: 28.03.2017 г.]
185. Шишлянникова Л. М. Применение корреляционного анализа в психологии / Л. М. Шишлянникова // Психологическая наука и образование, 2009. – №1. – С. 98–107.
186. Шкуратова И. П. Самопредъявление личности в общении: монография / И. П. Шкуратова. – Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2009. – 192 с.
187. Шкуратова И. П. Стилевой подход к исследованию личности: проблемы и перспективы / И. П. Шкуратова // Индивидуальные и стилевые особенности личности. - Ростов-на-Дону, ЮРГИ, 2002. – С. 29–45.
188. Шкурко Т. А. Динамика отношений личности в процессе танцевально-экспрессивного тренинга : диссертация кандидата психологических наук : 19.00.05 / Шкурко Татьяна Алексеевна. – Ростов-на-Дону, 1997. – 225 с.
189. Шкурко Т. А. Программа танцевально-экспрессивного тренинга и комментарии к ней / Т. А. Шкурко // Методические указания к спецкурсу Основы танцевально-экспрессивного тренинга. Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 2004. - 197 с.
190. Шкурко Т. А. Психологические функции танца / Т. А. Шкурко. – Ростов-на-Дону: РГУ, 2003. – 23 с.
191. Шугальский С. С. Социальные практики: интерпретация понятия / С. С. Шугальский // Знание.Понимание.Умение. – 2012. - №2. – С. 276–279.
192. Ягодинский В. Н. Ритм, ритм, ритм! Этюды хронобиологии / В. Н. Ягодинский – М.: Знание, 1985. – 192 с.
193. Ядов В. А. Диспозиционная концепция личности / В. А. Ядов // Социальная психология. – Л., 1979. – 396 с.
194. Ядов В. А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности / В. А. Ядов // Психология самосознания : [хрестоматия] / ред.-сост. Д. Я. Райгородский. – Самара : Издательский Дом «БАХРАХ-М», 2007. – Разд. V. – С. 589–601.
195. Якунин В. И. Вариативность и цикличность глобального социального развития человечества / В. И. Якунин, В. Э. Багдасарян, В. И. Куликов,

С. С. Сулакшин. – М.: Научный эксперт, 2009. – 464 с.

196. Якунина Е. Н. Влияние занятий структурированными танцами на социализацию личности / Е. Н. Якунина // Физическая культура, здравоохранение и образование : Материалы Всерос. науч.-практ. конференции памяти В. С. Пирусского, – Томск : Том. гос. ун-т, 2008. – С. 33–35.

197. Яницкий М. С. Ценностные ориентации личности как динамическая система / М. С. Яницкий. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2000. – 204 с.

198. Berry J. W. Immigrant youth in cultural transition: Acculturation, identity and adaptation across national contexts / John W. Berry, Jean S. Phinney, David L. Sam, & Paul Vedder // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. - London: Lawrence Erlbaum, 2006. – p. 336.

199. Berry J. W. Immigration, Acculturation, and Adaptation / J. W. Berry // *Applied Psychology: An International Review*, 1997. – № 46(1) – P. 5–68.

200. Berve A. Tango Therapy: The Healing Embrace [Электронный ресурс] / Anette Berve. – 2008. – Режим доступа до ресурсу: <http://www.argentinaindependent.com/life-style/tango-therapy-the-healing-embrace/>. [Дата обращения: 28.03.2017 г.].

201. Bogardus Emory S. A Social Distance / Emory S. Bogardus // *Scale Sociology and Social Research*, 1933. – № 17 – P. 265–271.

202. Bogardus Emory S. Measuring Social Distances / Emory S. Bogardus // *Journal of Applied Sociology*, 1925 – № 9. – P. 299–308.

203. Boski P. Theoris, methods and applications of acculturation psychology (triangulation of conceptual and empirical perspectives) / Pawel Boski // Эмпирические проблемы этнической и кросскультурной психологии: Материалы Четвeтой Международной научной конференции 30-31 мая 2014 г. В 2 т. / Отв. ред. В. В. Гриценко. – Смоленск: Смоленский гуманитарный университет, 2014. – Т.1. – 254 с.

204. Chaiklin S., Schmais C. The Chace Approach to Dance Therapy. / S. Chaiklin, C. Schmais // Ed. by Penny Lewis. Kendall; *Theoretical Approaches in Dance-Movement Therapy*, - Iowa, USA: Hant Publishing House, 1984. – Vol. 1. – P. 17–36.

205. Cooper L., Thomas H. Growing Old Gracefully: Social Dance in the Third Age / L. Cooper, H. Thomas // Ageing and Society, 2002. – №22. – P. 689–708.
206. Dood Carely H. Dynamics of Intercultural Communication / Carely H. Dood // JAL Press, 1996. – p. 289.
207. Ehrenfreund M. This might be the darkest theory yet about why Donald Trump keeps winning [Электронный ресурс] / Max Ehrenfreund // The Washington Post. – 2016. – Режим доступа к ресурсу: https://www.washingtonpost.com/news/wonk/wp/2016/05/27/this-might-be-the-darkest-theory-yet-about-why-donald-trump-keeps-winning/?tid=hybrid_experimentrandomcheckpoint_3_na&utm_term=.b71a3692ede1. [Дата обращения: 28.03.2017 г.].
208. Foster E. R. Community-based Argentine tango dance program is associated with increased activity participation among individuals with Parkinson's disease / E. R. Foster, L. Golden, R. P. Duncan, G. M. Earhart // Arch Phys Med Rehabil, 2013. – №94(2). – P. 240–249.
209. Gardner H. Multiple intelligences: Reflections after thirty years. / H. Gardner // National Association of Gifted Children Parent and Community Network Newsletter: Washington, DC., 2011. – P. 3–4.
210. Goldberg L. R. The structure of phenotypic personality traits / L. R. Goldberg // American Psychologist, 1993. – №48. – P. 26–34.
211. Hackney Madeleine E. A Study on the Effects of Argentine Tango as a Form of Partnered Dance for those with Parkinson Disease and the Healthy Elderly / Madeleine E. Hackney, Svetlana Kantorovich, Gammon M. Earhart // American Journal of Dance Therapy, 2007. – №29. – P. 109–127.
212. Hackney Madeleine E. Effects of dance on gait and balance in Parkinson's disease: a comparison of partnered and nonpartnered dance movement / Madeleine E. Hackney, Gammon M. Earhart // Neurorehabil Neural Repair, 2010. – №24(4). – P. 84–92.
213. Hackney Madeleine E. Recommendations for Implementing Tango Classes for Persons with Parkinson Disease / Madeleine E. Hackney, Gammon M. Earhart //

American Journal of Dance Therapy, 2010, – №32. – P. 41–52.

214. Hartmann H. Ego psychology and the Problem of adaptation / H. Hartmann. – N-Y., 1958. – 121 p.

215. Henaо L. Patients embrace Argentine tango as new therapy [Электронный ресурс] / Luis Andres Henaо // LIFESTYLE. – 2009. – Режим доступа до ресурсу: <http://www.reuters.com/article/us-argentina-tango-idUSTRE57U40920090831>.

216. Johnson C. International Tango Therapy Conference in Argentina [Электронный ресурс] / Christina Johnson. – 2008. – Режим доступа до ресурсу: <https://kikibri.wordpress.com/2008/08/01/international-tango-therapy-conference-in-argentina/>. [Дата обращения: 28.03.2017 г.].

217. Jones J. Prejudice and racism / James M. Jones. – 2nd edn. – NY : McGraw-Hill, 1997. – 592 p.

218. Kahneman D. Thinking, Fast and Slow / Daniel Kahneman // Journal of Economic Literature, 2012. – №50(4). – P. 1–12.

219. Kim Y. Y. Cross-Cultural adaptation: Current approaches / Y. Y. Kim, W. B. Gudykunst. – Newbury Park, CA: Sage, 1988. – P. 42–61.

220. La Piere R. Attitude versus action / R. La Piere // (Eds.) Fishbein M., John N. Attitude Theory and Measurement. N.Y., 1967. – P. 230–237.

221. Loman S. Magical Moments in Movement: Antioch University New England Dance/Movement Therapy and Counseling Students Quest in the Real World / Susan Loman, Nicole Cellini, Melanie Johnson, Elizabeth Hallett // American Journal of Dance Therapy, 2009. – №31. – P. 159–169.

222. Mead G. H. The social self [Электронный ресурс] / G. H. Mead // Journal of Philosophy, Psychology and Scientific Methods. – 1913. – №10. – P. 374–380. - Режим доступа до ресурсу : www.marxists.org/reference/subject/.../us/mead3.htm. [Дата обращения: 28.03.2017 г.].

223. Northrup Christiane, Physicians Embrace Argentine Tango, 2009, available: C. Northrup Physicians Embrace Argentine Tango [Электронный ресурс] / Christiane Northrup // 2009 – Режим доступа до ресурсу: <http://www.drnorthrup.com/blog/2009/09/physicians-embrace-argentine-tango>. [Дата

обращения: 28.03.2017 г.].

224. Oberg K. Cultural Shock: adjustment to new cultural environments / K. Oberg // *Practical Anthropology*, 1960. – №7. – P. 82–177.
225. Philips L., Human adaptation and his failures / L. Philips // Academic Press, N-Y&London, 1968. – 361 p.
226. Pinniger R. Tango Dance Can Reduce Distress and Insomnia in People with Self-Referred Affective Symptoms / Rosa Pinniger, Einar B. Thorsteinsson, Rhonda F. Brown, Patricia McKinley // *American Journal of Dance Therapy*, 2013. – №35. – P. 60–77.
227. Redfield R. Memorandum on the study of acculturation / R. Redfield, R. Linton, M. J. Herskovits // *American Anthropologist*, 1936. – №38. – P. 149–152.
228. Saunders G. Bilingual children: from birth to teens. Front Cover / George Saunders // *Multilingual Matters Ltd.*, 1988. – 274 p.
229. Sherif M. In common predicament: Social psychology of intergroup conflict and cooperation / Muzafer Sherif. – Boston, MA: Houghton Mifflin, 1966. – 192 p.
230. Stanton K. Imagery and metaphor in group dance movement therapy: a psychiatric outpatient setting / K. Stanton // *Dance Movement Therapy: Theory and Practice*. – London – N. Y., 1992. – P. 123–140.
231. Tajfel H., Turner J. An integrative theory of intergroup conflict / H. Tajfel, J. Turner // *The social psychology of intergroup relations*. – Montrey, Calif, 1979. – P. 33–47.
232. Tateo L. The Dialogical Dance: Self, Identity Construction, Positioning and Embodiment in Tango Dancers / Luca Tateo // *Integrative Psychological and Behavioral Science*, 2014. – №48. – P. 299–321.
233. Thomas H. The Body, Dance and Cultural Theory / Helen Thomas. – New York: St. Martin's Press (Palgrave Macmillan), 2003. – p. 263.
234. Vallacher R. R., Nowak A. The dynamics of self-regulation / R. R. Vallacher, A. Nowak In R. S. Wyer, Jr. (Ed.), *Advances in social cognition*, 1999. – №12. – P. 241–259.
235. Ward C. Acculturation. / C. Ward // In Liandis D. and Bhagat R. (Eds.)

- Handbook of Intercultural Training. - Thousands Oaks, CA: Sage, 1996. – P. 124–147.
236. Ward C., Rana-Deuba A. Acculturation and Adaptation Revisited / C. Ward, A. Rana-Deuba // Journal of Cross-cultural Psychology, 1999. - №30 (4) – P. 422–442.
237. What is Intangible Cultural Heritage? [Электронный ресурс] – Режим доступа к ресурсу: <http://www.unesco.org/culture/ich/en/what-is-intangible-heritage-00003>. [Дата обращения: 28.03.2017 г.].
238. Yoon E. (Ed.) A meta-analysis of acculturation/enculturation and mental health / E. (Ed.) Yoon // Journal Of Counseling Psychology, 2013. – №60(1) – P. 15–30.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение А.

Программа эмпирического исследования

Таблица А.1.

Схема эмпирического исследования: предварительный этап

Предварительное (разведывательное) (поисковое, зондажное) исследование	<p>1 этап. Выявление социальных представлений добровольных мигрантов о проблемах и желаемых результатах процесса адаптации.</p> <p><i>Ассоциативный эксперимент со словесным стимулом: «адаптироваться»</i></p>	<p>Метод сбора: направленный ассоциативный эксперимент,</p> <p>Методы интерпретации: прототипический, контент-анализ, метод экспертной оценки.</p> <p>N =190 (внешн. мигр 5-ти стран): N= 152 (добровольные), N= 38 (гастарбайтеры)</p>
	<p>2 этап. Исследование избирательного характера социальных связей</p> <p><i>Шкала социальной дистанции Богардуса</i></p>	<p>Метод сбора: опрос</p> <p>Методы интерпретации: шкалирование</p> <p>N =40 (корен. жители) N=40 (внешн. добров. мигранты)</p>
	<p>3 этап. Определение досуговых предпочтений мигрантов и местных жителей, выявление роли Д-ТП.</p>	<p>Метод сбора: опрос</p> <p>Методы интерпретации: контент-анализ (местн. жители и внутр. добров. мигран. Украины) N =50 (студенты не танц.); N=50 (студенты-хореографы); N=52 (Д-ТП-участники-кружковцы)</p>

Таблица А.2.

Схема эмпирического исследования: основной этап (доказательный)

Основное (доказательное) исследование	<p>Констатирующий этап. подтверждение механизмов социально-психологической адаптации мигрантов средствами Д-ТП</p>		
	<p>1 подэтап: Использование качественных методов исследования по определению качеств, вырабатываемых в Д-ТП и способствующих С-ПА для создания методики</p>		
	подготовка гайда	Включенное наблюдение	опрос/контент-анализ
		Глубинные интервью	N=22 (внутр. мигр. внешн. мигр, местные)
		Контент-анализ интернет ресурсов	Метод: контент-анализ N=80 (сайтов, групп в соцсетях)
	Фокус-групповое интервью		Метод: фокус. групп. интервью N=37 (внутр. мигр. внешн. мигр)
<p>2 подэтап: Использование количественных методов исследования по определению взаимосвязи качеств, вырабатываемых в Д-ТП и способствующих С-ПА: Определение умений и установок, способствующих оптимизации с-па посредством Д-ТП Создание Методики двойного субъективного шкалирования</p>			

Проведение анкетирования по Методике «16-С-ПА» и интерпретация результатов. N=600 (внешн. мигр, экспаты)	Метод сбора: Опрос. Ранжирование Методы интерпретации: Факторный и корреляционный анализ. N = 600 (внешн. мигр. экспатрианты)
Формирующий этап. подтверждение <u>действия</u> механизмов социально-психологической адаптации мигрантов, средствами Д-ТП	
3 подэтап: Методический	
Подбор комплекса методик. Пилотные исследования. Создание батареи	
Создание и апробация авторской методики процессуальной диагностики (экспертной оценки) «С-ПА в Д-ТП»	
4 подэтап: Дотренинговая диагностика	Метод сбора: Опрос. Методы интерпретации: Тестирование N=120 (внешн. мигр.): N=60 (эксперим. группа), N=60 (контрол. группа)
Диагностика социально-психологической адаптации	Методика Диагностики социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонд
Влияние механизма эмоциональной сонастройки	Методика диагностики уровня эмпатических способностей В.В. Бойко
Влияние механизма самоактуализации	Методика диагностики самоактуализации личности (САМОАЛ) (А.В. Лазукин, адаптация Н.Ф. Калина)
Влияние механизма субкультурной идентификации (трансформация социальной идентичности)	Цвето-ассоциативная методика А.М. Парачева (ЦАМ)
5 подэтап Формирующий эксперимент	Метод: Социально-психологический тренинг
Мониторинг поведенческих показателей Методика процессуальной диагностики показателей Д-ТП (Авторская методика экспертной оценки поведенческих механизмов стилево-импровизационного социального взаимодействия)	Метод: Экспертная оценка N=60 (внешн. мигр.)
6 подэтап Послетренинговая диагностика	Метод сбора: Опрос. Методы интерпретации: Тест N=120 (внешн. мигр.)

Приложение Б

Общая выборка респондентов эмпирического исследования

Таблица Б.1.

Общая выборка респондентов по стране проживания

Методики Страны проживания	Ассоциативный эксперимент	Социальная дистанция (Богардус)	Досуговые предпочтения	Включенное наблюдение	Глубинные интервью	Фокус-группы	I6-C-ПА	Неоконченные предложения	Тест Куна Кло Я?	Основные методики, формирующий эксп.
Украина			X	X	X	X	X			
Израиль	X	X		X		X	X	X	X	X
Германия	X					X	X			
Чехия	X					X				
Финляндия	X					X				
Польша	X									
Бельгия						X	X			
Казахстан						X	X			
Россия						X	X			
Белорусь						X				
Кипр						X				
Латвия						X				
Грузия							X			
Канада							X			
Ливан							X			
США							X			

Общая выборка респондентов по методам исследования

Метод ики Показ атели	Ассоциативный эксперимент	Социальная дистанция (Богардус)	Досуговые предпочтения	Включенное наблюдение	Глубинные интервью	Фокус-группы	16-С-ПА	Неоконченные предложения	Тест Куна Кто Я?	Основные методики, формирующий эксп.	Всего
Всего респондентов	190	60	152	55	22	37	600	30	30	120	1296
м	83	27	71	24	11	20	205	12	15	60	528
ж	107	33	81	31	11	17	395	18	15	60	768
Границы возраста	от 22 до 57	от 26 до 71	от 17 до 41	от 21 до 47	от 24 до 44	от 26 до 52	от 19 до 68	от 27 до 52	от 22 до 56	от 21 до 68	от 17 до 71
Средний возраст	34,54	42,88	22,92	29,69	29,27	35,62	37,73	38,3	36,2 3	35,98	35,03
Местные		30	57	19	7	5					118
Внешние мигранты (Внш.м.)	152	30		22	3	17	559	30	30	120	963
Внш.м. *(в т.ч. до 3-х лет)	152	12		не учитывалось	3	8	261	30	30	120	616
Внутренние мигранты (Внт.м.)			95	14	12	15					136
Внт.м. *(в т.ч. до 3-х лет)			68		9	2					79
Экспаты (Э)							41				41
Э. *(в т.ч. до 3-х лет)							26				26
Гастарбайтеры (Г)	38										38
Г. *(в т.ч. до 3-х лет)	38										38
Средний возраст экспериментальной и контрольной групп: 36,2 и 35,77											

Приложение В

Способы интерпретации шкалы Богардуса (авторская модификация)

Вариант шкалы	Значения оценок по шкале Богардуса									
униполярная	1	2	2.5	3	4	5	5.5	6	7	
биполярная	-3	-2	-2.5	-1	0	+1	+2	+2.5	+3	
Интерпретация оценок по шкале Богардуса										
Интерпретация на основе концепта <u>ксенофобии</u> Киевского международного института социологии (КМИС) В.И. Паниотто	Индекс ксенофобии									
Интерпретация на основе концепта <u>уровня толерантности</u> Института социологии Национальной академии наук Украины Н.В. Паниной	«свои»				«не совсем свои, но и не совсем чужие»		«достаточно чужие»		«совершенно чужие»	
	Национальная идентичность									
	Открытость (толерантность)				Национальная обособленность		Национальная изолированность		Ксенофобия	
Интерпретация на основе концепта <u>толерантности</u> В.Сергеев (используется биполярное представление, соответствующее измерению не расстояния, а социальной установки)	Слияние			Толерантность					Изоляция Сепаратизм	
Авторская интерпретация на основе концепта <u>стратегий взаимодействия</u>	Стратегии адаптации, ориентированные на взаимодействие (партнерство)				Стратегии адаптации, ориентированные на обособление					
	Асси-миляция		Интеграция		Маргинализация			Сепарация		

Приложение Г

Результаты проведенного шкалирования - Шкала Богардуса

Таблица Г.1.

Результаты измерения социальной дистанции по группе «Добровольные мигранты» с учетом категорий участников

Ранг	Социальная и этническая группа	Социальная дистанция*	Интерпретация
1	Евреи из европ. части бывш. СССР	1.55	Ассимиляция
2	Славянские народы быв. СССР (русские, украинцы, белоруссы)	1.73	
3	Новые репатрианты (до 3 лет)	2	Интеграция
4	Поклонники парных танцев	2.05	
5	Друзья в Facebook или других соц. сетях	2.4	
6	Коренные израильтяне	2.47	
7	Евреи из Вел. Британии	2.55	
8	Евреи из Франции	2.63	
9	Британцы (англичане, шотландцы, уэльсцы, североирландцы)	2.65	
10	Французы	2.65	
11	Евреи из Аргентины	2.9	
12	Аргентинцы	2.9	
13	Евреи из Сев. Америки	2.95	
14	Североамериканцы (американцы, афроамериканцы, канадцы)	2.95	
15	Евреи из Эфиопии	3.05	
16	Эфиопы	3.95	

* среднее значение социальной дистанции по категории участников

**Результаты измерения социальной дистанции по группе «Израильтяне»
(местные жители)**

Ранг	Социальная и этническая группа	Социальная дистанция	Интерпретация
1	Коренные израильтяне	1.3	Ассимиляция
2	Поклонники парных танцев	1.92	
3	Новые репатрианты (до 3 лет)	2.3	Интеграция
4	Евреи из Сев. Америки	2.35	
5	Евреи из Вел. Британии	2.43	
6	Британцы (англичане, шотландцы, уэльсцы, североирландцы)	2.6	
7	Североамериканцы (американцы, афроамериканцы, канадцы)	2.68	
8	Евреи из Франции	2.75	
9	Друзья в Facebook или других соц. сетях	2.75	
10	Евреи из европ. части бывш. СССР	2.83	
11	Евреи из Эфиопии	2.85	
12	Евреи из Аргентины	2.87	
13	Аргентинцы	2.9	
14	Славянские народы быв. СССР (русские, украинцы, белоруссы)	2.97	
15	Эфиопы	3.28	
16	Французы	3.6	

Приложение Д

Анкета досугових предпочтений

Шановний друже!

Звертаємося до тебе з проханням допомогти у дослідженні деяких аспектів візуальної медіакультури особистості. Уважно читай запитання анкети та познач кружечком ті варіанти відповідей, які найбільше збігаються з твоєю точкою зору.

Анкета анонімна, прізвище вказувати не потрібно. Інформація буде використана в узагальненому вигляді. Заздалегідь дякуємо за відверті відповіді!

Як ти проводиш своє дозвілля...? (Познач усе необхідне):

1. Вдома перед телевізором, за комп'ютером, в соціальних мережах
2. Вдома за читанням, малюванням, музикою
3. Приймаю гостей, ходжу в гості
4. Відвідую кіно, театри, виставки, музеї, концерти
5. Займаюся в гуртках, секціях
6. Віддаю перевагу активному відпочинку: спорт, фітнес
7. Ходжу в туристичні походи
8. Відвідую дискотеки, танцювальні вечори
9. У компанії друзів
10. Практично немає вільного часу
11. Важко відповісти
12. Інше _____

Пошук нових знайомств, розширення кола спілкування ти здійснюєш...: (Познач усе необхідне):

13. Через соціальні мережі
14. На концертах, спектаклях, виставках
15. На спортивних заходах (футбол, хокей, спортивні змагання тощо)
16. У студентському середовищі
17. На дискотеках, танцювальних вечорах
18. На вечірках
19. Ти задоволений своїм колом спілкування
20. Важко відповісти
21. Інше _____

22. Чи вмієш ти танцювати?

- 1) так 2) ні 3) важко відповісти

23. Чи вважаєш ти, що для того, щоб танцювати, необхідно вчитися?

- 1) так 2) ні 3) важко відповісти

24. Хотів б ти вміти танцювати?

1) так 2) ні 3) важко відповісти

25. У своєму ставленні до танцювальної практики ти... (Познач одну позицію):

- 1) лише спостерігаєш: дивишся, як танцюють інші
- 2) вмієш і любиш танцювати
- 3) тобі цікаво те й інше
- 4) тобі не цікаво ні те, ні інше
- 5) важко відповісти

Ти розумієш танець як..: (Познач усе необхідне):

26. Вид мистецтва
27. Спорт (можливість добитися індивідуального або соціального результату)
28. Форма дозвілля, розваги
29. Професійна діяльність / майбутня
30. Засіб спілкування, взаєморозуміння
31. Інше _____

32. Чи відвідуєш ти танцювальні вечори, дискотеки...?

1) так 2) ні 3) важко відповісти

З якою метою ти відвідуєш танцювальні вечори...? (Познач усе необхідне):

33. Провести час у компанії (з подругою/другом, старими знайомими)
34. Познайтися з новими людьми, близькими по захопленню
35. Увійти в співтовариство, компанію, стати його частиною завдяки танцю
36. «Потусуватися» з людьми, не танцюючи
37. Реалізувати бажання тілесних взаємовідносин чоловіка й жінки у форматі танцю
38. Отримати емоційне задоволення від танців
39. Справити враження на друга (подругу)
40. Поспостерігати за успішними людьми в тусовці (з метою наслідування їх манер, поведінки)
41. Розслабитися
42. Відволіктися від проблем реальності
43. Відпочити
44. Творчо виразитись
45. Навчитися танцювати
46. Проявити себе як танцюрист з найбільш ефектного боку
47. Отримати задоволення від ритмічної координації рухів свого тіла у процесі танцю
48. Відпрацювати раніше вивчені танцювальні рухи
49. Підглянути у інших танцювальні рухи з метою наслідування
50. Отримати енергію, фізично навантажуючи тіло
51. Спалити кілька сотень калорій
52. Це частина мого стилю життя

53. Інше _____

Які танці тобі найбільше до вподоби? (Познач усе необхідне):

54. Парні

55. Одиночні

56. Групові

57. Будь які

58. Ніякі

59. Інші, які саме _____

Що найбільше приваблює тебе в танці ...? (Познач усе необхідне):

60. Можливість взаємодії з партнером, іншими танцюючими

61. Тілесний контакт з протилежною статтю

62. Єдність з членами танцювальної спільноти

63. Можливість досягти успіхів завдяки неординарному виконанню танцю

64. Потреба у позитивних емоціях

65. Зняття емоційної напруги

66. Можливість самовираження

67. Спонтанність, імпровізація

68. Музичний супровід, який поліпшує настрій

69. Ритмічні рухи під музику

70. Розвиток здібностей тіла

71. Оптимальні фізичні навантаження

72. Нічого

73. Інше _____

74. Чи вважаєш ти, що характер людини можна визначити за її танцювальними рухами?

1) так 2) ні 3) важко відповісти

75. Тілесний дискомфорт в танці може бути індикатором дискомфорту в спільному житті?

1) так 2) ні 3) важко відповісти

Чи вважаєш ти, що...:

76. танець можна розглядати як модель людських взаємин?

1) так 2) ні 3) важко відповісти

77. взаєморозуміння в танці пропорційно взаєморозумінню в житті?

1) так 2) ні 3) важко відповісти

78. успіхи в танці впливають на успіхи в житті?

1) так 2) ні 3) важко відповісти

Чи допомагає тобі адаптуватися до нового навчального / трудового колективу; до нових умов життя ...

(Познач усе необхідне):

- 79. Уміння слухати
- 80. Красномовство
- 81. Дотепність
- 82. Зацікавленість
- 83. Співпереживання
- 84. Здатність до міркування
- 85. Здатність до аналізу ситуації
- 86. Здатність до творчого переосмислення проблем
- 87. Емоційність
- 88. Приваблива зовнішність
- 89. Манери поведінки
- 90. Загальна ерудованість
- 91. Володіння мовами
- 92. Толерантність
- 93. Лідерські якості
- 94. Їх відсутність
- 95. Здатність до швидкого навчання
- 96. Комунікабельність
- 97. Участь у дозвіллевих заходах
- 98. Інше _____

Які якості, що наробляються чи застосовуються у танцях, допомагають тобі у житті? (Визнач три найбільш важливих):

- 99. _____
- 100. _____
- 101. _____

Повідомте, будь-ласка, деякі дані про себе:

102. Вік: _____ роки (ів) **103. Стать:** 1. жін. 2. чол.

104. Рід занять: 1. учень 2. студент (фах) _____ 3. Працюю(ким) _____

105. Ти киянин? **106.** З іншого міста (напишіть) _____ **107.** З села (напишіть)

_____ **108.** Скільки років в Києві _____

Ще раз дякуємо за допомогу!

Приложение Е

Результаты анкетирования досуговых предпочтений

* 3-х групп респондентов: (I) занимающихся Д-ТП, (II) студентов-хореографов и (III) студентов, не занимающихся Д-ТП (в % выражении).

Як ти проводиш своє дозвілля...? (Познач усе необхідне):	I	II	III
Відвіую дискотеки, танцювальні вечори	73	24	12
Займаюся в гуртках, секціях	69	18	12
Відвіую кіно, театри, виставки, музеї, концерти	65	22	60
Віддаю перевагу активному відпочинку: спорт, фітнес	62	20	36
У компанії друзів	50	62	64
Вдома перед телевізором, за комп'ютером, в соціальних мережах	46	18	72
Вдома за читанням, малюванням, музикою	42	6	56
Приймаю гостей, ходжу в гості	38	20	26
Ходжу в туристичні походи	35	14	10
Практично немає вільного часу	8	14	12

Пошук нових знайомств, розширення кола спілкування ти здійснюєш...: (Познач усе необхідне):	I	II	III
На дискотеках, танцювальних вечорах	62	30	10
На вечірках	58	30	26
На концертах, спектаклях, виставках	38	12	14
Через соціальні мережі	31	12	36
Ти задоволений своїм колом спілкування	27	36	48
Інше (через знайомих, в компаніях, на роботі)	27	2	4
На спортивних заходах (футбол, хокей, спортивні змагання тощо)	19	22	8
У студентському середовищі	8	50	70

Чи допомагає тобі адаптуватися до нового навчального / трудового колективу; до нових умов життя ...	I	II	III
Комунікабельність	77	26	62
Уміння слухати	77	24	64
Здатність до швидкого навчання	69	16	28
Здатність до аналізу ситуації	65	20	46
Зацікавленість	62	12	36
Здатність до міркування	54	18	44
Манери поведінки	54	30	48
Дотепність	54	20	50
Загальна ерудованість	50	16	56

Емоційність	50	30	40
Толерантність	38	22	38
Співпереживання	38	14	28
Участь у дозвіллевих заходах	35	8	18
Володіння мовами	35	14	16
Здатність до творчого переосмислення проблем	35	18	16
Приваблива зовнішність	35	16	28
Лідерські якості	31	32	36
Красномовство	27	22	26

Отношение к танцам:		I	II	III
Чи вмієш ти танцювати?	так	100	98	52
	важко в.	-	2	24
	ні	-	-	24
Чи вважаєш ти, що для того, щоб танцювати, необхідно вчитися?	так	81	50	42
	важко в.	15	-	14
	ні	4	50	44
Хотів б ти вміти танцювати?	так	88	94	82
	важко в.	8	6	6
	ні	-	-	12
Чи вважаєш ти, що характер людини можна визначити за її танцювальними рухами?	так	77	60	54
	важко в.	11.5	12	20
	ні	11.5	28	26
Тілесний дискомфорт в танці може бути індикатором дискомфорту в спільному житті?	так	65.5	30	48
	важко в.	23	34	22
	ні	11.5	36	30
танець можна розглядати як модель людських взаємин?	так	92	38	56
	важко в.	8	34	22
	ні	-	28	22
взаєморозуміння в танці пропорційно взаєморозумінню в житті?	так	50	34	22
	важко в.	23	38	44
	ні	27	28	34
успіхи в танці впливають на успіхи в житті?	так	46	48	22
	важко в.	19	24	26
	ні	35	28	52
Чи відвідуєш ти танцювальні вечори, дискотеки...?	так	100	70	56
	важко в.	-	8	20
	ні	-	22	24

Які танці тобі найбільше до вподоби? (Познач усе необхідне):	I	II	III
Парні	88	18	44
Одиночні	27	16	36
Будь які	19	60	30
Групові	15	24	30
Ніякі			4

Ти розумієш танець як..: (Познач усе необхідне):	I	II	III
Засіб спілкування, взаєморозуміння	77	14	34
Форма дозвілля, розваги	73	38	74
Вид мистецтва	54	72	66
Спорт (можливість добитися індивідуального або соціального результату)	27	30	30
Професійна діяльність / майбутня	8	72	16

У своєму ставленні до танцювальної практики ти...	I	II	III
тобі цікаво те й інше	54	66	54
вмієш і любиш танцювати	35	32	24
важко відповісти	4	2	2
лише спостерігаєш: дивишся, як танцюють інші	-	-	18
тобі не цікаво ні те, ні інше	-	-	2

З якою метою ти відвідуєш танцювальні вечори...?	I	II	III
Отримати емоційне задоволення від танців	92	42	52
Відпочити	81	42	60
Познайомитися з новими людьми, близькими по захопленню	77	12	24
Провести час у компанії (з подругою/другом, старими знайомими)	69	20	60
Розслабитися	65	40	46
Отримати задоволення від ритмічної координації рухів свого тіла у процесі танцю	65	6	20
Творчо виразитись	58	32	10
Це частина мого стилю життя	50	20	6
Відволіктися від проблем реальності	50	26	22
Навчитися танцювати	50	12	6
Відпрацювати раніше вивчені танцювальні рухи	50	8	6
Підглянути у інших танцювальні рухи з метою наслідування	46	4	10

Увійти в співтовариство, компанію, стати його частиною завдяки танцю	38	4	10
Отримати енергію, фізично навантажуючи тіло	31	22	12
Проявити себе як танцюрист з найбільш ефектного боку	27	14	4
Реалізувати бажання тілесних взаємовідносин чоловіка й жінки у форматі танцю	23	12	14
Справити враження на друга (подругу)	23	8	8
Спалити кілька сотень калорій	19	6	22
Поспостережати за успішними людьми в тусовці (з метою наслідування їх манер, поведінки)	19	10	6
«Потусуватися» з людьми, не танцюючи	11.5	4	18

Що найбільше приваблює тебе в танці ...?	I	II	III
Можливість взаємодії з партнером, іншими танцюючими	69	18	40
Спонтанність, імпровізація	69	52	36
Потреба у позитивних емоціях	58	30	48
Можливість самовираження	58	36	28
Зняття емоційної напруги	42	26	54
Розвиток здібностей тіла	42	34	18
Музичний супровід, який поліпшує настрій	35	6	38
Єдність з членами танцювальної спільноти	35	14	16
Ритмічні рухи під музику	31	26	48
Тілесний контакт з протилежною статтю	27	8	32
Оптимальні фізичні навантаження	27	18	10
Можливість досягти успіхів завдяки неординарному виконанню танцю	15	20	2

Вибірка:

		I	II	III
N		52	50	50
Вік	17-22	12	100	84
	23 і більше	88	-	6
Стать	жінки	50	54	56
	чоловіки	50	46	44
Міграція	Кияни [кіл-ть людей]	38	28	46
	приїжджі, в т.ч.:	62	72	54
	із іншого міста	62	64	36
	із села	0	8	18
Термін міграції	до 3-х років	46	52	36

Приложение Ж

Сводная таблица качеств, названных в двух фокус-групповых интервью

Качества, вырабатываемые в Д-ТП	Качества, способствующие оптимизации процесса адаптации	Качества, вырабатываемые в Д-ТП, способствующие оптимизации процесса адаптации
Наблюдательность	Коммуникабельность	Желание коммуницировать
Общительность	доброжелательность	Желание поделиться настроением, чем-то хорошим
Уверенность	Дружелюбие	Щедрость
Интуиция	Контактность	Баланс
Инициативность	Принятие	Сила воли
Умение слышать слушать	Умения выходить из зоны комфорта (расширять) выйти за рамки	Смелость
Открытость	Целеустремленность	Гибкость ума
Гибкость	Терпимость Толерантность	Инновация
Умение считывать эмоциональный фон и сонастроиться	Желание быть полезным или помочь	Заниматься тем, что тебя интересует в данный момент жизни
Изобретательность	Адекватность	Заинтересованность
Внимательность	Не заморачиваться насколько сложно будет адаптироваться	Способность к рутинной (утомительной, однообразной, лишённой творчества, консервативной) отработке движений (взаимодействия), доведения до совершенства.
Вежливость	Чувство юмора	Любознательность
Обходительность	Аналитика Анализ	Уважение
Умение доверять и вызывать доверие	Харизма	Лидерство
Принятие себя	Профессионализм	Честность
Умение невербально передавать информацию без искажения	Самость	
Понимание	Обратить на себя внимание	
Естественность	Самодостаточность	
Уверенность в танцах передается на уверенности в жизни		
Импровизация		
Цельность природы, Благодаря хобби человек становится более		

уравновешенным, целостным		
Расслабление		
Умение выйти из обыденности. Оппозиция к обыденности.		
Женственность		
Мужественность		
Пластичность		
Компанейство. «Напечь пирожки, тортики». Инструмент входа в тусовку. Повод.		
Доверие		
Чувствительность		

Приложение 3

Авторская методика двойного субъективного шкалирования 16-ти качеств социально-психологической адаптации «16-С-ПА»

Дорогой друг!

Предлагаем Вам принять участие в международном социально-психологическом исследовании, проводимом среди поклонников парных танцев. Вы имеете возможность оказать неоценимый вклад в науку и способствовать развитию мирового танцевального сообщества. Просим внимательно прочитать вопросы анкеты и отметить те варианты ответов, которые наиболее соответствуют Вашей точке зрения. Информация будет использоваться только в обобщенном виде. Заранее благодарим за откровенные ответы!

Имеете ли вы собственный опыт миграции в другую страну?

Да/Нет

Если нет, на следующий вопрос отвечайте гипотетически: «если бы»...

Принято считать, что на адаптацию в чужой стране уходит в среднем от 1 года до 3 лет. Оцените, пожалуйста, по 5-ти бальной шкале, где 1 - «абсолютно не важно» 5 – «очень важно», решение каких из нижеперечисленных проблем и насколько, важно для Вас в этот период жизни:

Проблема материального благосостояния

Проблема трудоустройства

Жилищная проблема

Проблема проведения свободного времени

Проблема социального статуса

Проблема принятия Вас новым сообществом (окружением)

Проблема развития творческого потенциала

Проблема личной самореализации

Проблема недостатка общения

Проблема точного и адекватного понимания партнеров по общению и взаимодействию

Проблема налаживания оптимального взаимодействия с местным населением

Каждый из нас сталкивался с проблемой адаптации: при смене места жительства, работы, учебы. Оцените, пожалуйста, по 5-ти бальной шкале важность наличия у человека следующих качеств, способных облегчить адаптацию к новому социальному окружению, где 1 - «абсолютно не важно» 5 - «очень важно»:

Толерантность. Принятие инаковости

Импровизация. Творческий подход к взаимоотношениям

Аутентичность. Естественность

Внимание

Умение понимать невербальные сигналы

Лидерство

Чуткость

Доверие

Умение произвести впечатление

Автономность. Самостоятельность

Общительность. Контактность

Готовность «искать ключ» к взаимопониманию

Умение настойчиво отрабатывать идеальные способы взаимодействия

Готовность «поддержать компанию». Разделять привычки членов сообщества

Интуиция

Умение подстраиваться

В каких парных танцах Вы имеете существенный танцевальный опыт (при этом, уровень «смогу станцевать» - существенным опытом не является, нас интересуют только освоенные Вами танцы)?

аргентинское танго

бальные танцы

зук

кизомба

руэда

сальса

свинг

Укажите, пожалуйста, в какой степени, по Вашему мнению, перечисленные ниже качества, навыки и умения развиваются при посещении социальных парных танцев, где 1 - «совсем не развиваются» 5 - «развиваются в полной мере»:

Толерантность. Принятие инаковости

Импровизация. Творческий подход к взаимоотношениям

Аутентичность. Естественность

Внимание

Умение понимать невербальные сигналы

Лидерство

Чуткость

Доверие

Умение произвести впечатление

Автономность. Самостоятельность

Общительность. Контактность

Готовность «искать ключ» к взаимопониманию

Умение настойчиво отрабатывать идеальные способы взаимодействия

Готовность «поддержать компанию». Разделять привычки членов сообщества

Интуиция

Умение подстраиваться

Заполните, пожалуйста, некоторые личные данные

Пол

Семейное положение

Укажите, пожалуйста, сколько Вам полных лет

В какой стране Вы проживаете?

Сколько лет Вы проживаете в этой стране?

Определите Ваш уровень знания русского языка (от 1 до 5).

Оставьте пожалуйста свой электронный адрес

(Ваш электронный адрес не попадет в коммерческие базы. Никакой рассылки вестись не будет!!! Адрес нам необходим для проведения небольшого дополнительного опроса, спустя определенный промежуток времени)

Огромное спасибо за Ваше участие.

Приложение И

Факторный анализ констатирующего этапа эмпирического исследования

Таблица И.1.

Подтверждение математической корректности модели (Критерий *Бартлетта* и

КМО): Анализ значимости проблем адаптации

KMO and Bartlett's Test

Kaiser-Meyer-Olkin Measure of Sampling Adequacy.		,828
Bartlett's Test of Sphericity	Approx. Chi-Square	2875,093
	df	55
	Sig.	,000

Результаты факторного анализа значимости проблем адаптации.

Rotated Component Matrix^a

	Component		
	1	2	3
[Проблема материального благосостояния]	,130	,827	,067
[Проблема трудоустройства]	,298	,696	,053
[Жилищная проблема]	,137	,717	,403
[Проблема проведения свободного времени]	,728	,009	,277
[Проблема социального статуса]	,745	,164	,143
[Проблема принятия Вас новым сообществом (окружением)]	,768	,233	,163
[Проблема развития творческого потенциала]	,240	,076	,897
[Проблема личной самореализации]	,238	,257	,824
[Проблема недостатка общения]	,709	,186	,086
[Проблема точного и адекватного понимания партнеров по общению и взаимодействию]	,547	,380	,332
[Проблема налаживания оптимального взаимодействия с местным населением]	,590	,433	,161

Подтверждение математической корректности модели (Критерий *Бартлетта* и КМО): Анализ личностных ресурсов адаптации

KMO and Bartlett's Test

Kaiser-Meyer-Olkin Measure of Sampling Adequacy.		,829
Bartlett's Test of Sphericity	Approx. Chi-Square	4018,968
	df	120
	Sig.	,000

Результаты факторного анализа личностных ресурсов адаптации

RotatedComponentMatrix^a

	Component			
	1	2	3	4
Смена[Толерантность. Принятие инаковости]	-,060	,203	,795	,025
Смена[Импровизация. Творческий подход к взаимоотношениям]	,431	,546	,278	,110
Смена[Аутентичность. Естественность]	,118	,781	,005	,247
Смена[Внимание]	-,024	,229	,200	,818
Смена[Умение понимать невербальные сигналы]	,326	,194	,008	,789
Смена[Лидерство]	,659	,254	-,061	,116
Смена[Чуткость]	,103	,662	,164	,504
Смена[Доверие]	,141	,841	,058	,045
Смена[Умение произвести впечатление]	,754	,047	,151	,168
Смена[Автономность. Самостоятельность]	,570	,006	,222	,192
Смена[Общительность. Контактность]	,363	-,147	,698	,164
Смена[Готовность «искать ключ» к взаимопониманию]	,303	,160	,733	,125
Смена[Умение настойчиво отрабатывать идеальные способы взаимодействия]	,740	,307	,211	,094
Смена[Готовность «поддержать компанию». Разделять привычки членов сообщества]	,594	,172	,392	-,076
Смена[Интуиция]	,505	,091	,073	,554
Смена[Умение подстраиваться]	,527	,012	,541	,132

Подтверждение математической корректности модели (Критерий *Бартлетта* и КМО): Анализ формирующего потенциала Д-ТП

KMO and Bartlett's Test

Kaiser-Meyer-Olkin Measure of Sampling Adequacy.		,875
Bartlett's Test of Sphericity	Approx. Chi-Square	4823,264
	df	120
	Sig.	,000

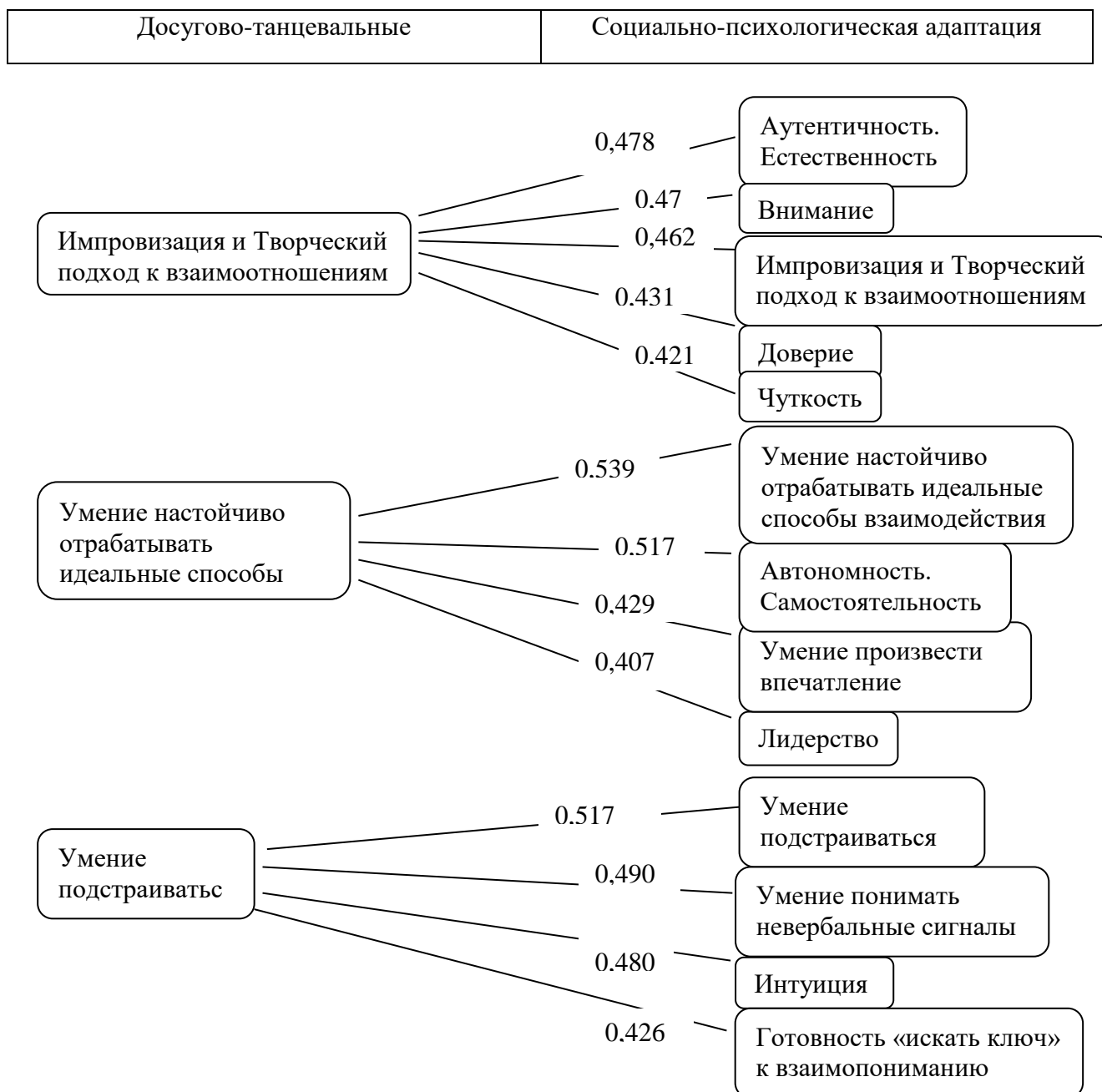
Результаты факторного анализа формирующего потенциала Д-ТП

Rotated Component Matrix^a

	Component			
	1	2	3	4
[Толерантность. Принятие инаковости]	,227	,561	,408	-,025
[Импровизация. Творческий подход к взаимоотношениям]	,519	,490	,169	,173
[Аутентичность. Естественность]	,355	,608	,044	,292
[Внимание]	,608	,035	,207	,199
[Умение понимать невербальные сигналы]	,705	,354	,122	,085
[Лидерство]	,305	-,085	-,067	,770
[Чуткость]	,854	,146	,240	,101
[Доверие]	,667	,466	,283	-,018
[Умение произвести впечатление]	,222	,344	,292	,580
[Автономность. Самостоятельность]	,021	,176	,193	,779
[Общительность. Контактность]	,128	,829	,063	,214
[Готовность «искать ключ» к взаимопониманию]	,244	,559	,576	,098
[Умение настойчиво отрабатывать идеальные способы взаимодействия]	,173	,272	,678	,358
[Готовность «поддержать компанию». Разделять привычки членов сообщества]	-,054	,292	,404	,660
[Интуиция]	,242	-,031	,779	,160
[Умение подстраиваться]	,421	,264	,649	,126

Приложение К

Корреляционные плеяды (Коррелограмма) личностных ресурсов, необходимых для адаптации и формируемых в Д-ТП

Приложение Л

Категории показателей-компонентов идентичности

По результатам Теста М. Куна и Т. Маккорленда «Кто Я?»

- 1) гражданская принадлежность: государственная («гражданин (ка) Израиля», «украинец (ка)»), глобальная, надгосударственная («мировая», «европейская»);
 - 1а) локальная (мегаполисная и городская) принадлежность «ерушалми», «хайфаи», «киевлянин»;
- 2) этническая и религиозная принадлежность («украинец (ка)», «русский (ая)», «израильтянин (ка)», «армянин (ка)», «православный», «христианин», «еврей», «иудей» и др.);
- 3) семейная принадлежность, проявляющаяся через обозначение семейной роли («дочь», «сын», «сестра», «брат», «жена» и др.) или через указание на родственные отношения («люблю своих родственников», «у меня много родных»);
- 4) социальные характеристики: социальная роль, статус, возраст, политическая принадлежность, групповая принадлежность: восприятие себя членом какой-либо группы людей («член общества»);
- 5) профессиональная принадлежность: указания на профессию, место работы, отношение к труду, учебно-профессиональная ролевая позиция («студент», «работаю в фирме "...»», «специалист» и др.);
- 6) рефлексивное «Я» - ответы, в которых выражается отношение к себе, характеристики, связанные с личностными качествами, особенностями характера, описанием индивидуального стиля поведения, позитивными или негативными самооценками («добрый», «хороший», «умный», «целеустремленный (ая)», «активный (ая)», «уверенный (ая)», «скромный (ая)» и др.), субъективное описание своих физических данных, внешности (сильный, приятный, привлекательный), самооценка способности к деятельности, самооценка навыков, умений, знаний, компетенции, достижений («умный»; «работоспособный»), проблемная идентичность («я ничто», «не знаю – кто я», «не могу ответить на этот вопрос»), ситуативное состояние: переживаемое состояние в настоящий момент («голоден», «нервничаю», «устал», «влюблен», «огорчен», «слишком беспокоюсь»);
- 7) коммуникативное «Я» - характеристики, связанные с направленностью на общение и взаимодействие («хочу пойти в гости», «умею выслушивать людей», «люблю общаться с людьми»), а также характеристики дружбы или круг друзей, восприятие себя членом группы друзей («друг», «у меня много друзей»);
- 8) увлечения, интересы («футболист», «люблю музыку», «коллекционер», «пью пиво» и др.);
- 8а) танцевальные увлечения («увлекаюсь танцами», «сальсеро», «тангеро», «люблю парные танцы»);
- 9) физическая идентичность включает в себя фактическое описание своих физических данных, включая описание внешности: рост, вес, и пр. («блондин»), болезненных проявлений, пристрастий в еде, вредных привычек.
- 10) анкетные данные (имя, фамилия, пол, собственность, обеспеченность, местожительства («живу в общежитии»)).

Приложение М

Объекты ЦАМ в пилотном исследовании (авторская модификация)

Маленький городок

Мегаполис

Посёлок

Я

Я-идеальное

Я в прошлом

Гнев

Жители большого города

Жители маленького городка

Я-житель моего города

Страх

Человек моей национальности

Гражданин другой страны

Человек другой национальности

Я в будущем

Печаль

Радость

Презрение

Друг

Враг

Родина

Мигрант

Переезд

Семья

Стабильное место жительства

Партнер по досугу

Гражданин моей страны

Коренной житель страны

Иностраный рабочий

Я-гражданин своей страны

Сосед по дому

Колега по работе

Сальсеро-Тангеро / люди, увлекающиеся парными танцами

Удовольствие

Неудовольствие

Благополучие

решительность

терпение

Последовательность цветов